

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, ИСТОРИИ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.Ф. КАХОВСКОГО И 60-ЛЕТИЮ
ЧУВАШСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ)

Всероссийская научно-практическая конференция

Чебоксары 2017

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева»

Бюджетное научное учреждение «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

**Актуальные вопросы археологии,
этнографии, истории (к 100-летию
со дня рождения В.Ф. Каховского
и 60-летию Чувашской
археологической экспедиции)**

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции

Чебоксары 2017

УДК 08
ББК 94
А43

Рецензенты: **Березина Наталья Степановна**, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором археологии БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Иванова Татьяна Николаевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран, доцент ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Скворцова Анна Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, декан историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева»
Мясников Николай Станиславович, канд. ист. наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева»

Редакционная коллегия:

Широков Олег Николаевич, главный редактор, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», член Общественной палаты Чувашской Республики 3-го созыва
Краснова Марина Николаевна, канд. филос. наук, доцент, заместитель декана историко-географического факультета ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Яковлева Татьяна Валериановна, ответственный редактор
Семенова Светлана Юрьевна, выпускающий редактор

Дизайн

обложки: **Фирсова Надежда Васильевна**, дизайнер

А43 **Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции)** : статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 20 дек. 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – 228 с.

ISBN 978-5-9909215-8-0

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященные памяти первого чувашского археолога, доктора исторических наук, руководителя Чувашской археологической экспедиции Василия Филипповича Каховского, а также юбилею самой экспедиции. Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник размещен в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

ISBN 978-5-9909215-8-0
DOI 10.21661/a-346

УДК 08
ББК 94

© Центр научного сотрудничества
«Интерактив плюс», 2017

Предисловие

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева» и Бюджетное научное учреждение «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» совместно с Центром научного сотрудничества «Интерактив плюс» представ-

ляют сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции **«Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции)»**, проведенной в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова.

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященные вопросам археологии, этнографии, истории. В 42 публикациях нашли отражение результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Василий Филиппович Каховский – ученый, педагог, общественный деятель.
2. Проблемы Всеобщей истории.
3. Проблемы Отечественной истории.
4. Вопросы Археологии Волго-Уральского региона.
5. Этнография народов Волго-Уральского региона и региональная история.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Армавир, Волгоград, Йошкар-Ола, Казань, Карачаевск, Нижний Новгород, Оренбург, Пермь, Чебоксары) и субъектом России (Псковская область).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д.Н. Прянишникова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Армавирский

государственный педагогический университет, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Марийский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Российский государственный гуманитарный университет, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки от докторов и кандидатов наук ведущих вузов страны, профессоров, доцентов, аспирантов, магистрантов и студентов до преподавателей вузов, а также научных сотрудников. Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие во Всероссийской научно-практической конференции **«Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции)»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор – д-р ист. наук, профессор,
декан историко-географического факультета
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова,
член Общественной палаты
Чувашской Республики 3-го созыва
Широков О.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ КАХОВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ	
<i>Ефимов Л.А.</i> Василий Филиппович Каховский в должности депутата Верховного Совета Чувашской АССР.....	8
<i>Минеева Е.К.</i> Педагогическое мастерство учёного В.Ф. Каховского	16
<i>Михайлов Е.П.</i> Место и роль Чувашского НИИ в жизни и многогранной деятельности В.Ф. Каховского	22
<i>Сергеев Т.С.</i> Семья Каховских в нашей жизни	33
<i>Широков О.Н., Иванова Т.Н.</i> Научно-педагогическая и организаторская деятельность В.Ф. Каховского как заведующего кафедрой всеобщей истории ЧГУ имени И.Н. Ульянова	39
ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	
<i>Волкова Т.С.</i> Деконструкция и реконструкция исторической памяти. К постановке проблемы	46
<i>Горбашова Г.Ф.</i> Вредный путеводитель миссис Мортимер	50
<i>Иванова Т.Н., Семенова В.В.</i> Методика устной истории и создание архива воспоминаний ветеранов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.....	56
<i>Кубанова М.Н., Лайпанова М.Х.</i> Использование произведений зарубежной художественной литературы при изучении всемирной истории XX века	61
<i>Липатова И.А., Ильина А.Б.</i> Война 1950–1953 гг. в исторической памяти Южной Кореи (по материалам южнокорейского кинематографа).....	68
<i>Обидина Ю.С.</i> Топография загробного мира у древних римлян	75
<i>Саитова А.М., Краснова М.Н.</i> Отражение развития международных связей ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР в его летописи.....	79
<i>Самылкин Н.О., Иванова Т.Н.</i> Вклад Николая Николаевича Болховитинова в изучение Русской Америки	83
<i>Смирнова О.А.</i> Опыт анализа истоков коммерческого негативизма в системе традиционных культур в историко-этнографических исследованиях М.И. Кулишера.....	87

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Агеева Н.Н.</i> С.Ф. Фортунатов о проблемах преподавания истории в гимназиях	92
<i>Андреев О.В.</i> ОСОАВИАХИМ Чувашской АССР в первые послевоенные годы (1946–1947 гг.)	95
<i>Васильева К.Н.</i> Вклад В.О. Ключевского в разработку проблем российского образования	102
<i>Данильченко С.Л.</i> Геополитическая мысль России: история и современность	106
<i>Евдокимова А.Н.</i> Основы нормативно-правового регулирования деятельности духовных консисторий в Российской империи во второй половине XIX века..	126
<i>Зыкина А.П.</i> Требования к учителям народных училищ Российской империи в конце XVIII века	130
<i>Идрисов Р.А.</i> Современная концепция событий 1917 г.: приглашение к дискуссии накануне 100-летнего юбилея	134
<i>Краснова М.Н., Ли М.</i> Китайские исследователи о влиянии татаро-монгольского ига на русский характер	137
<i>Матросов М.Ю., Широков О.Н., Идрисов Р.А.</i> Роль клубно-досуговой деятельности в развитии современной культуры Чувашии	140
<i>Мирошниченко А.А., Филиппова А.А., Елисеева В.В.</i> Новые задачи советской школы в период развитого социализма	143
<i>Мяжков Г.П., Недашковская Н.И.</i> Славянские древности в трудах первых университетских славистов России: трансфер идей нациестроительства	145
<i>Терентьев В.О.</i> Из военной биографии командира 199-го пехотного Кронштадтского полка Христиани Александра Григорьевича.....	153
<i>Терентьева Н.М.</i> Историко-археологический комплекс Бакино	156
<i>Тушканов И.В.</i> Выращивание пшеницы как сегмент сельскохозяйственного предпринимательства Саратовской губернии в 1870–1890-х годах	160
<i>Тютин О.С., Михеева Н.С.</i> Личность Ярослава Мудрого по данным современной отечественной историографии	164
<i>Юстус Т.В.</i> Из опыта общественно-политической активности студенческой молодежи Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова..	167
<i>Яковлева Т.В., Широков О.Н., Идрисов Р.А.</i> Основные этапы развития инновационной деятельности в Чувашской Республике на рубеже XX–XXI вв.	172

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

- Кутузова Д.О., Калыгина Ж.С., Яранцева Н.С.* Косметические сосуды (помадницы) г. Царевококшайска (по материалам раскопа 2015 г.)..... 175
- Федулов М.И.* Археологический комплекс памятников раннего железного века у д. Дёмкино Моргаушского района Чувашской Республики 178
- Федулов М.И.* Средневековое городище у д. Козловки Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) 185

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А.* Материальное положение сельских учителей марийского края в конце XIX – начале XX вв. 188
- Воробьева Е.Е., Михайлова К.В.* Зарубежные исследователи XVIII–XIX вв. о языческих верованиях мари. 197
- Вязова О.Г.* Роль потребительской кооперации в повышении культурного уровня сельских жителей Чувашии в послевоенные годы 201
- Казаков Н.А., Доронина К.А.* Прогноз численности населения в последней схеме территориального планирования Чувашской Республики 204
- Низамеева Д.Ф.* Календарные праздники татарского народа Республики Марий Эл 211
- Петров Н.А.* Организация опеки у чувашей Казанской губернии по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX вв...216
- Рокина Г.В., Сутырина О.Н.* Нормативно-правовые основы национальной политики Российской Федерации и управление этно-конфессиональными отношениями (на примере Республики Марий Эл)..... 221
- Ялтаев Д.А.* Участие статистических органов в изучении археологии и этнографии населения Казанской губернии в 60–70-х гг. XIX века..... 225

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ КАХОВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Ефимов Лев Архипович

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ КАХОВСКИЙ В ДОЛЖНОСТИ ДЕПУТАТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация: в статье впервые в региональной историографии на основании использования новых архивных документов раскрывается законотворческая деятельность известного чувашского ученого-археолога, этнографа В.Ф. Каховского в должности депутата Верховного Совета Чувашской АССР четвертого созыва.

Ключевые слова: Верховный Совет Чувашской АССР, депутат, наказы избирателей, общественно-политическая деятельность, законотворчество.

Научно-педагогическая деятельность видного организатора науки и образования Чувашии в региональной историографии изучена достаточно хорошо. Нами, по случаю 95-летия со дня рождения В.Ф. Каховского, в 2010 году была издана монография [8]. Довольно содержательной, плодотворной была и общественно-политическая деятельность В.Ф. Каховского. В данной статье нами затрагивается его законотворческая деятельность в должности депутата Верховного Совета Чувашской АССР.

Как известно, в соответствии с приказом министра просвещения РСФСР №103 К-4 от 29 января 1955 г. Президиум Верховного Совета Чувашской АССР назначил министром просвещения ЧАССР В.Ф. Каховского, что было признанием большого вклада ученого-педагога в развитие народного образования и просвещения ЧАССР, а также свидетельством высокого доверия со стороны руководства автономной республики [1, с. 13]. В феврале того же года он был избран депутатом Верховного Совета Чувашской

АССР четвертого созыва от Тюрлеминского избирательного округа. Новый министр просвещения Чувашии активно подключился в законотворческую деятельность автономной республики. Так, на первой сессии (21 февраля 1955 г.), при его участии, были образованы постоянные комиссии Верховного Совета, избран Президиум, образовано правительство Чувашской Республики, утвержден бюджет республики на 1955 г. А на второй сессии (19 декабря 1955 г.) рассматривались в основном организационные вопросы: о Председателе Президиума Верховного Совета ЧАССР, о Председателе комиссии законодательных предложений, о Председателе и заместителях Председателя Совета Министров ЧАССР, а также вопрос о состоянии животноводства и мерах по увеличению производства животноводческой продукции в колхозах ЧАССР, об исполнении бюджета ЧАССР и т. д.

На первой сессии Верховного Совета ЧАССР в связи с утверждением указа об изменении избирательных норм по выборам в районные, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся был принят закон о внесении изменений в ст. 108 Конституции ЧАССР. Этим законом устанавливались следующие избирательные нормы: в районные Советы избирались 35 депутатов вместо 25, в сельские, поселковые Советы избирались 15 депутатов вместо 9. На второй сессии Верховный Совет ЧАССР принял закон о разделении Министерства местной и топливной промышленности на Министерство местной промышленности ЧАССР и Управление топливной промышленности при Совете Министров ЧАССР, что повлекло за собой изменения в ст. ст. 63 и 66 Конституции ЧАССР. На третьей сессии Верховного Совета в связи с образованием Управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров ЧАССР депутатами был принят Закон о внесении изменений в ст. 44 Конституции ЧАССР, где дается перечень министерств и управлений Чувашской АССР [2, с. 15]. Следует отметить, что в законотворческой деятельности автономной республики активное участие принимал депутат В.Ф. Каховский. Изучение документов показывает, что, обсуждение выносимых на повестку дня сессий парламента республики проходило при большой активности депутатов и острой критике в адрес отдельных министерств, управлений и других организаций, которые медленно устраняли недостатки в работе, а порой невнимательно относились

к нуждам районов и предложениям депутатов, высказанным на предыдущих сессиях.

Придавая большое значение делу охраны прав граждан, депутату В.Ф. Каховскому приходилось неоднократно рассматривать жалобы и заявления граждан, о соблюдении социалистической законности в местных Советах депутатов трудящихся, наградные материалы. Так, только за 1955 г. и 9 месяцев 1956 г. Президиумом Верховного Совета ЧАССР присвоены почетные звания: а) Заслуженного врача ЧАССР – 8 чел.; б) Народного артиста ЧАССР – 8 чел.; в) Заслуженного учителя ЧАССР – 3 чел.; г) Заслуженного артиста ЧАССР – 3 чел.; д) Заслуженного деятеля науки ЧАССР – 1 чел.; е) Заслуженного агронома ЧАССР – 5 чел.; ж) Заслуженного ветеринарного врача ЧАССР – 1 чел.; з) Заслуженного зоотехника – 1 чел. За этот же период издано 215 указов о награждении почетными грамотами Президиума Верховного Совета. Так, Указом Президиума Верховного Совета ЧАССР от 18 мая 1956 г. Почетной грамотой Президиума был награжден наставник В.Ф. Каховского известный советский археолог, доктор исторических наук, профессор, зам. директора ГИМ СССР и старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии Наук СССР А. П. Смирнов [3, с. 285].

В.Ф. Каховскому приходилось не раз оказывать помощь местным Советам по учету, обобщению и выполнению наказов и предложений избирателей по вопросам проведения сессий и оказания помощи в работе постоянных комиссий, по изучению опыта работы отдельных сельсоветов, на сессиях поднимал актуальные вопросы социальной защиты населения республики [4, с. 17]. Так, 18–19 декабря 1956 г. состоялась IV сессия Верховного Совета ЧАССР, на рассмотрении которого был вынесен вопрос о мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания населения ЧАССР. Ниже приводим выдержки из стенографической записи выступления депутата Тюрлеминского избирательного округа В.Ф. Каховского: «Товарищи депутаты! В нашей стране в результате роста материального и культурного уровня жизни народа значительно снизилась заболеваемость и смертность, увеличились рождаемость и продолжительность жизни. В докладе министра здравоохранения ЧАССР тов. В.Г. Ефимовой приведены

данные, свидетельствующие об улучшении медицинского обслуживания населения в нашей республике. Вместе с тем выступающие товарищи справедливо отмечают наличие серьезных недостатков в работе медицинских учреждений. О существенных недостатках в медицинском обслуживании населения свидетельствуют также и материалы проверки состояния здравоохранения в Сундырском районе. Изучение состояния медицинского обслуживания населения этого района было проведено по поручению Президиума Верховного Совета ЧАССР в ноябре. Имеющейся сетью медицинских учреждений в районе можно решительно поднять медицинское обслуживание. В районе две больницы – Сундырская районная на 75 коек, Ювановская участковая – на 15 коек, 18 фельдшерских пунктов. Население ряда отдельных селений ставит вопрос об открытии двух врачебных пунктов в Нискасах и Ильинке. Но, однако, до сих пор он не решается. Министерству здравоохранения нужно рассмотреть и быстрее решить этот вопрос. Комплектование кадрами больниц района специалистами с высшим и средним образованием проводится неравномерно. Из имеющихся 11,5 штатных единиц в Сундырской районной больнице имеется только 9 человек. Нет таких специалистов, как акушера-гинеколога, фтизиатра, отоларинголога и стоматолога. Проверкой установлено, что медицинское обслуживание населения в районе находится в неудовлетворительном состоянии. Самым серьезным недостатком в работе медицинских учреждений является слабая подготовка к зиме. Сундырская районная больница к работе в зимних условиях не подготовлена: ни текущий, ни капитальный ремонт не проведен, крыша во многих местах протекает, во всех корпусах обваливается штукатурка, многие помещения в неудовлетворительном состоянии, освещение в больнице плохое. На день проверки в больнице из потребного количества дров 645 куб. м имелось лишь около 30 куб. м. Необходимо учесть ошибки прошлой зимы, когда руководители районной больницы в результате своей бездеятельности довели больницу до того, что она три дня не отапливалась, больных укрывали матрацами. На дрова вырубали древесные насаждения на территории больницы. С капитальным ремонтом в Ювановской больнице дело обстоит также неблагоприятно. На ремонт больницы было выделено 40 тыс. рублей, но средства расходовались не по назначению. Фельдшерские пункты обеспечены топливом

лучше. Больницы продуктами питания снабжены неудовлетворительно: нет сливочного масла, молочных продуктов, фруктов. Необходимо принять меры по обеспечению больницы овощами, картофелем, молочными и всеми другими необходимыми продуктами и улучшить питание больных» [6, с. 288].

Далее депутат приводит следующие статистические данные: «За последние 10 лет рождаемость в районе увеличилась: в 1946 г. – 626 человек, в 1956 г. – 847 новорожденных, однако значительная часть матерей (47%) рождает в домашних условиях. Низкий охват рождаемости объясняется тем, что многие многодетные матери не имеют возможности оставлять своих детей без надзора и в связи с этим отказываются от медицинской помощи. Если взять данные за 10 лет, свидетельствующие о смертности, то надо сказать, что смертность систематически сокращается. Так общая смертность в абсолютных единицах в 1946 году составила 448 человек, а в 1956 году – 260 человек. В районе проводится серьезная работа по борьбе с трахомой. Район имеет все возможности в 1957 г. покончить с этим злом, однако необходимо сказать, что исполком слабо руководит работой постоянных комиссий и особенно работой отдела здравоохранения. Отдел здравоохранения работает плохо, стихийно, не знает положения дел. Недостаточно проводится санитарный надзор за промышленными, торговыми, коммунальными предприятиями, предприятиями общепита, школами и рынками и другими учреждениями. Столовая райцентра находится в антисанитарном состоянии. В магазинах также нет надлежащего санитарного состояния, рынок не благоустроен. Средства на благоустройство не выделяются. Молочно-контрольный пункт по проверке молочных продуктов не работает. Райздравотделу необходимо решительно улучшить санитарный надзор.

В общей организации лечения больных следует отметить прямые нарушения медицинских требований. Так, в Сундырской больнице в одном корпусе размещаются терапевтическое, глазное, кожно-венерологическое отделения, здесь же размещается детское отделение, больные туберкулезом с открытой и закрытой формой лечатся вместе. Нужно решительно устранить эти недостатки. Товарищи депутаты! Из обсуждения этого вопроса на данной сессии

нам необходимо принять действенные меры с тем, чтобы решительно улучшить медицинское обслуживание трудящихся республики» [4, с. 84].

Заслушав выступления депутатов, Верховный Совет ЧАССР обязал Министерство здравоохранения ЧАССР решительно улучшить постановку лечебно-профилактической работы в республике и добиться резкого снижения заболеваемости и смертности, особенно среди детей, шире внедряя новейшие достижения медицинской науки в диагностику, лечение и профилактику болезней, повысить ответственность медицинских работников; усилить охрану материнства и детства, обеспечить максимальный охват стационарной помощью рожениц путем дальнейшего расширения сети колхозных родильных домов, добиться укомплектования районных и участковых больниц врачами основных специальностей и закрепления их на работе, мобилизовать общественность и все население на борьбу за санитарное благополучие, за высокую санитарную культуру на производстве и в быту, широко вовлекая в это дело медицинских работников, учителей школ, работников культурно-просветительских учреждений» [5, с. 34].

Депутата В.Ф. Каховского всегда отличали такие качества, как ответственность, исполнительность и глубокая порядочность. Он осуществлял должную связь со своими избирателями, периодически отчитывался перед ними, что подтверждается архивными данными: «...с 11 по 13 марта 1956 г. я находился в Козловском районе и отчитался перед избирателями Тюрлеминского округа. Выступил в Тюрлеме и Чешламе. Собрания прошли организованно, отчет вызвал активное обсуждение, выступило всего 12 человек и было задано много вопросов. До собрания я посетил правления колхозов, животноводческие фермы, клубы, медицинские пункты, школы, магазины сельпо и ознакомился с положением дел. За последнее время, выполняя наказ избирателей, были осуществлены следующие меры: 1) в селе Тюрлема открыт сельский клуб; 2) по просьбе избирателей ряда селений Управлением дороги был выделен второй автобус; 3) намечено открытие средней школы в д. Янгильдино с 1 сентября 1957 г.; 4) завершено строительство школьного помещения в д. Тюрлема; 5) приняты меры по письмам избирателей, которые поступали ко мне: а) выделена денежная ссуда на строительство индивидуальных домов трем учителям, дома выстроены; б)

содействовал трудоустройству освобожденных учителей; в) по просьбе некоторых родителей дети их направлены в школу-интернат и детские дома. Избиратели на собрании выдвинули ряд предложений и сделали критические замечания в адрес некоторых ведомств: 1) Министерство здравоохранения ЧАССР до сих пор не решило вопрос об открытии врачебного пункта в Тюрлеме и Чешламе; 2) автотранспорт между Козловкой и ст. Тюрлема все еще работает с переборами, не соблюдает расписание; 3) управление автотранспортной дороги при Совете Министров ЧАССР не приняло мер по строительству автопавильона на ст. Тюрлема. Пассажиры в ненастную погоду вынуждены ждать на улице; 4) управление связи медленно радиофицирует деревни; 5) в магазинах сельпо нет рыбы, даже кильки, консервы, учителя плохо снабжаются мукой; Чувашпотребсоюз плохо снабжает магазины товарами; 6) избиратели д. Чешлама просят открыть среднюю школу на базе Чешламинской семилетней школы и организовать медосмотр всех колхозников на месте; 7) население просит организовать в районе медицинскую помощь; 8) избиратели жалуются, что в деревни не приезжают писатели, артисты, хотя Министерство культуры на мой запрос каждый год обещает выполнить просьбу чешламинцев; 9) избиратели критикуют работу районной больницы» [6, с. 288]. На собраниях избиратели выдвигали ряд предложений, на что В.Ф. Каховский отвечал конкретными и практическими делами.

Следует отметить, что В.Ф. Каховский на протяжении всей своей жизни вел активную общественно-политическую деятельность. Он неоднократно избирался кандидатом в члены Чувашского обкома КПСС, членом Чебоксарского горкома КПСС, депутатом Верховного Совета Чувашской АССР, членом партбюро Чувашского педагогического института и историко-филологического факультета Чувашского государственного университета. Долгое время В.Ф. Каховский работал председателем Совета Чувашского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, состоял членом Президиума этого Совета. В 1980-х гг. возглавлял правление Общества «Знание» Чувашского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны, орденносец В.Ф. Каховский являлся председателем Комитета за-

щиты мира университета и членом Президиума Чувашского Комитета защиты мира, членом секции истории научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, вел активную работу в учебно-методическом совете Министерства просвещения Чувашской АССР. Будучи внештатным лектором Чувашского обкома КПСС, неоднократно выступал с лекциями и докладами среди трудящихся республики [7, с. 94].

Отмечая заслуги ученого в области науки и его вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов для народного образования и народного хозяйства, Президиум Верховного Совета Чувашской АССР 25 марта 1976 г. В.Ф. Каховскому присвоил почетное звание Заслуженного деятеля науки Чувашской АССР.

Работая министром просвещения (1955–1957 гг.) и депутатом Верховного Совета Чувашской АССР (1955–1958 гг.), В.Ф. Каховский проявил себя прекрасным организатором и руководителем, внес весомый вклад в развитие, как школьного образования, так и экономики Чувашской АССР в целом. В какой бы должности он не работал, оставался доступным, открытым человеком, готовым оказать каждому практическую помощь.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 221 (Министерство просвещения Чувашской АССР). Оп. 29. Д. 757.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1041 (Верховный Совет Чувашской АССР). Оп. 6. Д. 248.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 288.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 291.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 294.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 299.
7. Дмитриев В.Д. Видный исследователь археологии Чувашии // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. – НИИ ЯЛИЭ. – Чебоксары, 1985.
8. Смолин Е.А. Видный историк, археолог и этнограф Среднего Поволжья второй половины XX века Василий Филиппович Каховский (1916–1933) / Е.А. Смолин, Л.А. Ефимов, Б.В. Каховский. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 278 с.

Минева Елена Константиновна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО УЧЁНОГО В.Ф. КАХОВСКОГО

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы взаимодействия двух составляющих общественного сознания – науки и образования, насколько совместимыми являются способности учёного и педагога в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения. В работе на примере известного археолога и историка В.Ф. Каховского раскрывается возможность конструктивного сочетания творческой заинтересованности исследователя и учителя в воспитании нового поколения. Приведена характеристика учебника В.Ф. Каховского «Родной край».

Ключевые слова: наука, образование, ученый, педагог, краеведение, учебная литература, учебник, воспитание, патриотизм, любовь к родине.

Наука – это сфера общественного сознания, область духовного развития общества, основным содержанием которой является выработка нового знания и его теоретическая систематизация. Далеко не каждому учёному дано быть истинным педагогом. Образование, так же, как и наука, составляет неотъемлемую часть духовной сферы жизни общества, через которую идёт процесс социализации личности. Но в отличие от научной области, главная цель образования заключается в передаче им уже открытых научным путём разнообразных знаний. Телевидение, компьютер, Интернет способны предоставить образовательному процессу инновационные методики, достаточно свободно усваиваемые современной молодёжью. Но любая даже самая умная машина не в состоянии заменить человека с его своеобразным и индивидуальным микромиром интеллекта, эмоций, чувств и настроений. Живое межличностное общение учителя и ученика, восприятие педагога через составленное им учебное пособие остаются незаменимыми в системе образования на любом этапе общечеловеческого развития. Последствия педагогического воздействия не носят сиюминутный характер. Тем

не менее, среди имеющегося педагогического материального наследия педагога особая значимость отводится учебной литературе.

Будучи носителем и передаточным звеном исторической памяти, посредником между педагогом-предметником и обучающимся, учебник представляет собой важнейший компонент образовательной системы. От его содержания, структурного расположения материала, существа вопросов и обязательных определений во многом зависят направление мыслительного процесса и воспитание подрастающего поколения. Учебник всегда идеологичен, он не может не передавать в той или иной степени атмосферу времени, политические, социально-экономические и культурные приоритеты, воспроизводящие социальное сознание исторической эпохи. Помимо отражающегося в учебной литературе периода, в ней своеобразно запечатлевается и личность создавшего учебник автора. Знания и опыт, убеждения и взгляды, аналитические способности и стиль написания, даже нравственные ценности составителя сохраняет и передаёт учащимся созданное им пособие. Отображение реальной действительности на основе сохранившихся источников означает их интерпретацию, которая во многом зависит от личностных качеств учёного и педагога. Таким образом, написание учебника – дело, при котором его автор несёт ответственность не только перед конкретными учениками определённого класса, но и перед поколениями как за себя, так и за современную ему эпоху.

Написание учебника – поистине непростое дело. Кроме теоретической подготовленности, к составлению учебника обязательно предъявляются требования по знанию психологии учащихся. Не обладая пониманием возрастных особенностей и психологии детей, невозможно создать полезный для различных ступеней школы учебник. Чрезмерно теоретизированное, написанное наукообразным языком пособие будет не просто сложным, но и скучным для восприятия учащимися, следовательно, бесполезным, не имеющим своей практической значимости. Лишь адаптируя материал к воспитательной и учебной среде молодёжи за счёт возможной с точки зрения усвоения материала его постраничной разбивки на параграфы и главы, путём приближенных к возрасту фактических данных и стиля изложения, автор сумеет достичь желаемого результата.

К большому сожалению, учёный и педагог – далеко не всегда сочетающиеся понятия. Множество исследователей находится вдали от педагогических процессов. И наоборот, большая часть преподавателей не относится к научному миру. С другой стороны, имеются учёные, гармонично сочетающие в себе и качества педагогов [2–4]. Одним из них является В.Ф. Каховский – известный археолог, историк Чувашии, которого по праву следует отнести к этому редкому кругу исследователей.

Василий Филиппович Каховский, 100-летие со дня рождения которого в декабре 2016 г. отмечает прогрессивная общественность, – участник Великой Отечественной войны, работал в должности министра просвещения Чувашской АССР, заведовал кафедрой всеобщей истории, был деканом исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, заслуженный деятель науки ЧАССР, выдающийся археолог. Понимание В.Ф. Каховским необходимости анализа комплекса разнообразных видов источников позволило ему, выступавшему против теории автохтонности, аргументированно доказать тюркское происхождение чувашского этноса. Длительная научная дискуссия в отношении этногенеза чувашей была вызвана рядом причин, не последнюю роль среди которых играла односторонность в использовании исторических источников. На основе тщательного изучения письменных, лингвистических, этнографических, фольклорных и археологических материалов учёный написал монографию, в которой детально исследовал происхождение чувашского этноса от его истоков вплоть до присоединения чувашей к Русскому государству. Сбор, анализ и синтез вещественных, письменных, этнографических, лингвистических источников, подтверждавших связь чувашей с болгарскими племенами, стало делом всей его жизни. Проводимые им археологические раскопки на территории современной Чувашии в 1965, 1969–1971, 1974–1977, 1980–1982, 1985, 1992 годах, явились фундаментальной базой для подкрепления ранних и новых выводов учёного.

Большое внимание В.Ф. Каховский уделял созданию учебников для подрастающего поколения, в адаптированной форме передавая через них свои энциклопедические знания. В настоящее время накоплена обширная краеведческая литература. Опубликован не один учебник по национальной истории чувашского народа. Но мы обязаны отдать должное первым учебным пособиям: 2-томной

«Истории ЧАССР» под редакцией И.Д. Кузнецова и учебнику В.Ф. Каховского «Родной край», которые, кстати, и в настоящие дни широко используются школьной и студенческой аудиторией.

«Родной край» – это учебное пособие по истории Чувашской АССР для учащихся средней школы. Выражая заботу о широте кругозора и воспитании молодёжи, автор пособия стремился заинтересовать молодых людей историей своего народа, повышая их национальное самосознание. «Изучайте и любите свой родной край – частицу нашей великой Родины» – призывает школьников автор [1, с. 4]. Учащиеся должны были пройти историю чувашского народа, начиная с первых стоянок на территории современной Чувашии и завершая 60-ми гг. XX века. Оставаясь профессиональным археологом, В.Ф. Каховский не только живо описывает археологические культуры древнейших предков чувашей, объясняет их этническое происхождение, но и включает в книгу яркие зарисовки, необходимые для наглядности и понимания происшедших в древности процессов.

Поучительны задания в конце параграфов. Одно из них, например, гласит следующее: «Под руководством учителя провести археологическую разведку местности, составить план расположения древних памятников, собрать подъёмный материал для пополнения краеведческого уголка или школьного музея...» [1, с. 10]. Педагогическое мастерство автора заключается в понимании возрастных особенностей учащихся. 13–15-летняя молодёжь в силу своего переходного возраста во всём проявляет стремление к самостоятельности, к ответственности за порученное ей в какой-то степени взрослое дело. Использование игрового эффекта, к которому ещё тяготеет молодое поколение, с применением только к ней относящейся символики может давать замечательные результаты. Пионерия, комсомол, «тимуровские» команды, игры в «орлёнок», в «зарницу» – далеко не случайное явление советского прошлого. Их создатели были великими психологами, использовавшими энергию и творческий потенциал молодёжи. В данном конкретном случае психолог В.Ф. Каховский проявил стремление направить школьную молодёжь в русло её приобщения к истории и культуре своего народа. Познавательный и глубоко воспитательный патриотический порыв сделал возможным в это время создание краеведче-

ских, археологических и этнографических музеев, кружков по выявлению старины, по разысканию могил неизвестного солдата. Так, одно задание учебника способно формировать условия к повышению патриотизма и самосознания народа.

Другого характера содержательная деталь пособия «Родной край» также привлекает к себе внимание. Придерживаясь тюркоязычного происхождения предков чувашей, В.Ф. Каховский желает избежать примитивизма в понимании учащимися преемственности культуры тюркских племён чувашским этносом. Не может быть абсолютно «чистого» перенятия культур. Объясняя синкретизм формирующегося народа, историк справедливо обращается за аргументацией к языковым особенностям. В частности, автор замечает, что «в чувашском языке до сих пор сохранились сотни древнемонгольских слов», поскольку болгары и сувары проживали в Азии по соседству с монгольскими племенами [1, с. 11]. И далее приводит ряд сравнений чувашских слов со словами других тюркских, финно-угорских, монгольских, персидского, арабского, славянских языков. Широкое использование чувашских слов должно было бы приобщать школьников к языковой культуре народа, однако, общегосударственная политика в те годы не способствовала развитию национальной культуры, особенно исконного языка. Словарь обязательных терминов в конце каждого раздела, иллюстрации с изображением национального костюма, портретов выдающихся патриотов, деятелей культуры – выходцев из этнической чувашской среды, карты с маршрутами участников крестьянских войн и революционных событий на территории Чувашии усиливают методическую сторону пособия.

Содержание книги структурируется на разделы в соответствии с учебниками по отечественной истории. В целом позитивной является идея рассмотрения развития Чувашии в контексте истории Российского государства, что естественным образом вкладывало в психологию молодёжи не просто ощущение солидарности и сопричастности ко всему, происходившему в отечественной истории, но и чувство общности, единства судьбы с ней. С другой стороны, отсутствие в то время в качестве самостоятельной дисциплины ИКРК, её привязка к предметам общероссийского прошлого подтверждали недостаточное внимание со стороны государства к национальной проблематике, поскольку то количество часов, которое на неё отводилось, было явно недостаточным. Отсюда далеко

не полное прочтение предмета и избирательный подход к озвучиванию его событий. Объяснение подобной логики следует искать и в познавательных-воспитательных соображениях автора. В истории государства и народа имеются такие события, без изучения которых невозможно сформировать настоящего патриота и истинного ценителя прошлого. Подбирая и умело вводя в учебный материал ряд обязательных событий из истории родного края, автор развивал заинтересованность учащихся. Учебник, в целом педагогическое наследие археолога В.Ф. Каховского оказало плодотворное влияние на становление духовных качеств чувашского народа, так как несколько поколений учащейся молодёжи Чувашской АССР формировалось на основе школьных пособий учёного.

Таким образом, наука и образование призваны как материально, так и духовно совершенствовать человеческое общество, прививать новым поколениям не только знания, но и нравственные ценности. Патриотизм, любовь к своему отечеству – качества, без которых невозможно стабильное и прогрессивное развитие государства и общества. И если учёный одновременно является истинным педагогом, он сумеет быстрее и более качественно «достучаться» до молодёжи в целях развития в молодом поколении интереса к познанию и к истории своего народа. Именно таким исследователем является В.Ф. Каховский, внесший ценный вклад не только в изучение истории и культуры своего народа, но и в процесс передачи научных знаний путём педагогического мастерства молодым поколениям Чувашии, одного из национальных регионов страны.

Список литературы

1. Каховский В.Ф. Родной край [Текст] / В.Ф. Каховский. – 3-е изд., перераб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 163 с.
2. Минеева Е.К. Вопросы национально-государственного строительства в трудах историков-педагогов Чувашии [Текст] / Е.К. Минеева // Преподаватель. XXI век. – 2008. – №2. – С. 115–122.
3. Минеева Е.К. Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д. Кузнецова [Текст] / Е.К. Минеева // И.Д. Кузнецов – учёный, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. ст. всерос. науч. конф. историков. – М.: Инион РАН РФ, 2006. – С. 160–174.
4. Минеева Е.К. Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI веков [Текст] / Е.К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. Гуманитарные науки. – С. 58–73.

Михайлов Евгений Петрович
старший научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕСТО И РОЛЬ ЧУВАШСКОГО НИИ В ЖИЗНИ И МНОГОГРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Ф. КАХОВСКОГО

Аннотация: в статье рассматривается многосторонняя, в основном научно-исследовательская, работа В.Ф. Каховского в качестве внештатного (1950-е – 1989 гг.) и штатного (1967–1968, 1989–1993 гг.) научного сотрудника, постоянного члена Ученого Совета (середина 1950-х гг. – 1993 гг.) Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (ЧНИИ ЯЛИЭ, с 1994 г. – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ЧГИГН). Используются документы фонда ЧГИГН, хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР), текущего архива ЧГИГН, а также личные воспоминания об Учителе. Они позволяют дополнить и обогатить сведения о жизни и творчестве ученого.

Ключевые слова: В.Ф. Каховский, ЧНИИ ЯЛИЭ, археологические экспедиции, Чувашская археологическая экспедиция, ЧАЭ, Ученый Совет, конференции, сессии, заседания, доклады, выступления.

В.Ф. Каховский – известный не только в Чувашии и Среднем Поволжье археолог, историк, этнограф, педагог, организатор науки, общественный деятель. Нами поставлена задача – показать связь В.Ф. Каховского со старейшим, функционирующим с 1930 г., и являющимся многие годы ведущим гуманитарным учреждением республики – ЧНИИ – ЧГИГН (далее – Институт). Нельзя сказать, что тема совершенно не изучена. Она получила определенное отражение в десятках публикаций об ученом, а также трудах, особенно юбилейных, по истории Института. Мы поставили перед собой цель – ввести в научный оборот ранее практически не использовавшиеся архивные данные. Нами изучен фонд ЧНИИ – ЧГИГН (Ф. 1515) в ГИА ЧР (нам пока удалось просмотреть документы до 1975 г.). Весомым подспорьем к архивным материалам являются и

другие источники (публикации, воспоминания соратников, очевидцев, учеников, родственников и др.). При комплексном подходе к различным источникам поставленная тема вырисовывается глубже и ярче.

Как известно, Василий Филиппович до 1989 г. непосредственно в штате ЧНИИ не работал. В то же время, он с середины 1950-х гг. являлся внештатным старшим научным сотрудником этого учреждения. На заседании Ученого Совета Института 27 ноября 1958 г. он был официально в этой должности утвержден по сектору истории [2, д. 24, л. 76–77]. В 1962 и 1966 гг. это избрание было подтверждено и продлено [2, д. 59, л. 53 об.; д. 121, л. 141]. С Институтом В.Ф. Каховского, в первую очередь как археолога, связывают археологические экспедиции, хранящиеся в Научном архиве ЧГИГН полевая документация (дневники, чертежи, рисунки, фотографии, негативы и др.), научные отчеты, фотоальбомы. С Институтом В.Ф. Каховский начал сотрудничать с 1954 г., когда была проведена совместная историко-археологическая экспедиция ЧНИИ и Чувашского государственного педагогического института (ЧГПИ), где работал в то время ученый. Разведочные работы проходили в северо-восточных районах Чувашии. ЧНИИ представлял историк П.Г. Григорьев [1, д. 292, л. 28–29 об.]. Надо отметить, что Василий Филиппович участвовал в созданной при Институте Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ) с самого начала (1956 г.). В 1956–1959 гг. ее возглавлял известный советский археолог А.П. Смирнов (1899–1974) из Москвы. В первые два года он, будучи министром просвещения Чувашской АССР, работал и набирался знаний и опыта в составе отрядов московских специалистов Н.В. Трубниковой, Г.А. Федорова-Давыдова, Н.Я. Мерперта. В 1958 г. Каховский по их рекомендации получает свой первый Открытый лист, руководит самостоятельным отрядом ЧАЭ. Институт и его руководство старались поддерживать В.Ф. Каховского и других археологов, работавших в сотрудничестве с ЧНИИ ЯЛИЭ. Его выбор одобряли многие исследователи. На заседании Ученого Совета в августе 1956 г. ученый секретарь Института В.Д. Дмитриев сказал: «Следует приветствовать специализацию В.Ф. Каховского по археологии» [2, д. 2, л. 97 об.]. Важным событием для В.Ф. Каховского и других археологов в 1950 – начале 1970-х гг. являлись проводившиеся в стенах Института, обычно на заседаниях сектора (отдела) истории или Ученого Совета отчеты о предварительных

итогах полевых работ перед сотрудниками и руководством, а также заинтересованной общественностью. В сохранившихся протоколах этих заседаний [1, д. 302, л. 49–50 об.; 2, д. 2, л. 95–98; д. 7, л. 59–59 об.; д. 12, л. 64; д. 17, л. 42, 45–45 об., 52–53 об.; д. 32, л. 42–48; д. 46, л. 56–58, 64–65, 68–68 об.; д. 59, л. 71–79; д. 71, л. 66; д. 103, л. 259–268; д. 115, л. 91; д. 155, л. 105–109; д. 205, л. 1–6, 8–14; д. 218, л. 40–42] ощущаешь дух времени, горячую заинтересованность научных кругов, интеллигенции, студенчества к успехам в археологическом изучении края, а со стороны археологов актуальна постановка возникавших проблем, трудностей и т. д. познавательны и письма В.Ф. Каховского в адрес дирекции Института с мест раскопок [2, д. 42, л. 46–46 об.; д. 56, л. 52, 55; д. 79, л. 319; д. 135, л. 289; д. 145, л. 246, 251; д. 229, л. 325]. В делах ЧНИИ хранятся и заявления, докладные и служебные записки археолога по проведению экспедиций, охране памятников [2, д. 159, л. 353; д. 202, л. 256; д. 229, л. 326–327; д. 230, л. 85]. Кроме того, Каховский практически ежегодно в 1960–1970-е гг. выступал на традиционных научных сессиях Института по итогам работы в предшествующий год, в основном на заседаниях секции истории и археологии. В январе 1961 г. он выступил на научной сессии ЧНИИ с продолжительным докладом (длился 3 часа 15 минут) «Новые материалы к вопросу о происхождении чувашского народа» [2, д. 65, л. 29–30]. На научной сессии по итогам работы Института в 1966–1967 гг. он выступил со значимым докладом «Новые памятники болгарской культуры на территории Чувашского Поволжья» [2, д. 148, л. 24–26]. ЧНИИ ЯЛИЭ являлся своеобразной площадкой, где им озвучивались многие новые положения, изложенные затем в научных изданиях как самого Института, Института археологии АН СССР и др.

В.Ф. Каховский с начала 1960-х гг. принял после своего учителя А.П. Смирнова руководство археологической наукой в республике. Практически вся археологическая деятельность тогда проходила в рамках ЧНИИ ЯЛИЭ. Он финансировал и экспедиции В.Ф. Каховского, даже заботился об обеспечении продуктами и оборудованием [2, д. 111, л. 207, 230; д. 159, л. 292], ходатайствовал о проведении необходимых исследований и анализов [2, д. 173, л. 359]. В адрес Института направлялись документы по разным вопросам (приглашения на научные мероприятия, просьбы о предоставлении информации, рукописей для издания и др.) из

Института археологии АН СССР, НИИ автономных республик и т. д. С ними руководство знакомило и В.Ф. Каховского. Заявки ученого о выдаче Открытого листа, его отчеты о проведенных работах высылались в Отдел полевых исследований и руководству Института археологии АН СССР письмами дирекции Института [2, д. 67, л. 69; д. 88, л. 131; д. 100, л. 111; д. 111, л. 71, 159, 351; д. 123, л. 145; д. 135, л. 213; д. 143, л. 161; д. 145, л. 136; д. 148, л. 74, 75–75 об., 79–80; д. 159, л. 175; д. 214, л. 46; д. 228, л. 57]. С информацией о памятниках прошлого, поступавших от краеведов и населения руководство также делилось с В.Ф. Каховским [2, д. 230, л. 35]. Например, его сильно заинтересовали письма 1973 г. алатырского краеведа Ю.Б. Новикова о памятниках Присурья [2, д. 214, л. 170–170 об.; д. 215, л. 308а–308в]. В 1974 г. ЧАЭ осмотрела указанные объекты, начала раскопки. Долголетним было сотрудничество и с известным краеведом П.Т. Трифионовым (1911–1974), которому ученый дал свою рекомендацию для избрания внештатным научным корреспондентом ЧНИИ по сектору истории [2, д. 24, л. 93]. Таких документов немало в архивном фонде ЧНИИ.

Научные заслуги В.Ф. Каховского ценились в ЧНИИ ЯЛИЭ. С середины 1950-х гг. он до трагической кончины 24 августа 1993 г. был постоянным членом его Ученого Совета. Первое присутствие на заседании в протоколах зафиксировано 6 апреля 1954 г. [1, д. 292, л. 9]. Знакомство с документами показывает его заинтересованное участие в работе Совета. Он старался не пропускать без причин (экспедиции, выезд за пределы республики и др.) заседания ученых. Знакомство с протоколами заседаний за многие годы показывает действенную работу В.Ф. Каховского в Ученом Совете ЧНИИ. Он неоднократно задавал конкретные вопросы, выступал при обсуждении вопросов по истории, археологии, этнографии, а также и языкознания, рукописей диссертаций и др. По поручению Ученого Совета, дирекции и руководителей секторов (отделов) В.Ф. Каховский писал рецензии, справки, входил в различные комиссии в качестве председателя, секретаря, члена (избрание на должность, выборы по конкурсу, счетные, экспертные комиссии, баллотировка на соискание ученого звания, аттестации и т. под.). Например, 9 марта 1970 г. на Ученом Совете в состав группы содействия болгарским работникам кино в подготовке сценария о Чувашии был включен и В.Ф. Каховский [2, д. 171, л. 5]. В ноябре

1973 г. решением Ученого Совета его включили в комиссию для разработки рекомендаций по подготовке к изданию эпической поэмы «Улып» [2, д. 211, л. 137–138]. В феврале 1972 г его на заседании Ученого Совета выделили для участия в конкурсных комиссиях по аттестации 1972 г. [2, д. 198, л. 16]. В мае 1974 г. его избрали членом постоянной конкурсной комиссии по специальности членов Ученого Совета [2, д. 224, л. 173]. Василию Филипповичу как внештатному сотруднику руководство ЧНИИ иногда предоставляло и командировки для участия в научных мероприятиях в Москве и поволжском регионе [2, д. 99, л. 298]. 7 сентября 1964 г. он отчитывался перед Ученым Советом как участник VII Всемирного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве [2, д. 98, л. 123–123 об.]. 18 мая 1964 г. на Ученом Совете рассматривалась просьба Каховского о компенсации расходов, связанных с переделкой в Чувашском книжном издательстве первой части книги «Происхождение чувашского народа» (опубликована в 1965 г.). В постановлении Совета читаем: «Учитывая, что переделка книги... производится не по вине автора автор не получил гонорара за книгу, обратиться в Совет Министров республики с просьбой выделить Чувашскому книжному издательству необходимую сумму денег из резерва для покрытия расходов на частичную переделку указанной книги В.Ф. Каховского» [2, д. 98, л. 100].

Ученый нередко выступал на заседаниях Ученого Совета и секторов (отделов) и при обсуждении отчетов дирекции, рукописей сотрудников Института и «посторонних» авторов. В протоколах заседаний обнаруживается немало выдержек из его выступлений [2, д. 98, л. 90; д. 109, л. 113 об., 117–118 об.; д. 115, л. 158; д. 121, л. 158; д. 133, л. 98, 133, 143; д. 142, л. 2; д. 155, л. 57; д. 171, л. 63, 64, 176; д. 191, л. 168; д. 198, л. 84; д. 211, л. 65, 77, 79]. Например, на заседании Ученого Совета 16 декабря 1963 г. он произнес большую речь при обсуждении второй части макета «Истории Чувашской АССР» [2, д. 87, л. 112–113; д. 92, л. 390; д. 93, л. 3–4], а 7 сентября 1964 г. также развернуто и обстоятельно охарактеризовал рукописи двух томов «Истории Чувашской АССР» [2, д. 98, л. 139–140, 198–200]. 28 ноября 1966 г. Ученый Совет ЧНИИ заслушал его доклад «О научно-исследовательской работе кафедры истории ЧГПИ в 1963–1966 гг.» [2, д. 126, л. 117; д. 121, л. 33, 136–137]. Нередко ему поручали составить текст или доработать отзыв о той

или иной рукописи или публикации. Были и темы, далекие от научных интересов ученого. Как пример, в 1969 г. он написал рецензии на монографию С.А. Артемьева «Великий Октябрь в Чувашии» [2, д. 163, л. 55, 59–60, 63], статью А.С. Акимова и Т.М. Чистовой «О некоторых вопросах осуществления ленинских идей культурной революции народами Среднего Поволжья (1917–1930 гг.)» [2, д. 159, л. 287]. В поздравительных телеграммах, письмах известным ученым (А.А. Зимин, И.В. Степанов и др.) стоит подпись Василия Филипповича [2, д. 173, л. 81; д. 215, л. 217]. Он делал конкретные замечания при рассмотрении и утверждении Советом проспектов плановых работ штатных научных сотрудников ЧНИИ. В.Ф. Каховский явился инициатором некоторых решений Ученого Совета. Один из таких примеров – выдвижение в октябре 1968 г. доктора исторических наук, заведующего сектором древнего мира Института всеобщей истории АН СССР С.Л. Утченко кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР [2, д. 142, л. 96]. Приходилось Каховскому в рамках координации работ составлять и различные справки. Например, в декабре 1971 г. как декан он представил в ЧНИИ тематический план научно-исследовательских работ по историко-филологическому факультету ЧГУ [2, д. 185, л. 23–26].

Говоря о научной продукции Института в виде сборников статей, монографий, брошюр др., нельзя забывать и о заслугах Каховского в этой области. Нужно отметить, что значительная часть его научной продукции издана в Институте. Во 2-й половине 1960-х гг. одной из важнейших тем ЧНИИ была его в соавторстве с А.П. Смирновым книга о раскопках городища Хулаш, проведенных ими в 1962–1965 гг. при финансировании от ЧНИИ [2, д. 121, л. 15, 163, 167; д. 122, л. 345, 356; д. 133, л. 13, 30–31, 155; д. 134, л. 2, 72, 121, 497, 524; д. 138, л. 54, 236; д. 142, л. 10, 23, 132, 155–156; д. 143, л. 23, 124; д. 144, л. 211–212; д. 151, л. 2; д. 155, л. 1а; д. 163, л. 14; д. 171, л. 47, 50; д. 172, л. 71, 87; д. 186, л. 51, 53; д. 198, л. 68, 76–77; д. 199, л. 60, 61–63; д. 200, л. 211, 241, 265, 268, 275–276]. Малоизвестный факт: первоначально редактором этой книги намечался академик Б.А. Рыбаков. В.Ф. Каховским отредактированы десятки статей (Н.В. Трубниковой др.), был он и в редколлегии нескольких «Ученых записок» [2, д. 109, л. 25 об.; д. 115, л. 28].

Как члену Ученого Совета ему поручалась функция контролера за ходом написания и подготовки рукописей коллективных трудов ЧНИИ. 18 мая 1964 г. на расширенном заседании Ученого Совета при рассмотрении хода подготовки «Истории Чувашской АССР» наряду с авторами труда выступил и «проверявший» их работу В.Ф. Каховский [2, д. 98, л. 68]. В конце 1960 – начале 1970-х гг. он докладывал на заседаниях Ученого Совета состояние работы над «Очерками истории Чувашской областной организации КПСС» и «Очерков истории комсомола Чувашии» [2, д. 121, л. 31; д. 122, л. 6, 90; д. 142, л. 60, 120, 209; д. 143, л. 54; д. 148, л. 67; д. 151, л. 6], сборников документов «В.И. Ленин и чувашский народ» и «Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны» [2, д. 133, л. 34, 115, 120–121, 122; д. 134, л. 76, 300]. Поручались ему и специфические задания ЧНИИ, он был командирован Институтом на похороны археолога А.П. Смирнова в Москву [2, д. 229, л. 121].

Многие рукописи работ В.Ф. Каховского обсуждались (обычно с зачитыванием рецензий) на заседаниях секторов (отделов) и Ученого Совета. 5 сентября 1956 г. на заседании сектора истории обсуждалась рукопись одного из первых из его изданий – «Памятники материальной культуры Чувашской АССР» (книга опубликована в 1957 г.) [2, д. 7, л. 71–71 об.; д. 12, л. 22]. 24 апреля 1959 г. на заседании сектора истории ЧНИИ рассматривался запрос Чувашгиза об издании сборника статей по истории Чувашской АССР, подготовленного ЧГПИ, где выступил В.Ф. Каховский [2, д. 46, л. 44–45]. 4 февраля 1964 г. на Ученом Совете заслушивалось его сообщение о монографии «Происхождение чувашского народа». В постановлении Совета записано: «Считая, что работа В.Ф. Каховского является серьезным вкладом в историческую науку, поддержать выдвижение монографии на соискание ученой степени доктора исторических наук» [2, д. 98, л. 1–8 об.]. 16 апреля 1965 г. на заседании Ученого Совета состоялось обсуждение рукописи монографии В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа» с его выступлением. Совет признал, что новый вариант работы заслуживает издания [2, д. 109, л. 69–71 об.]. 29 марта 1967 г. на совместном заседании кафедры истории ЧГПИ и секторов истории, быта и социологических исследований ЧНИИ состоялось обсуждение рукописи докторской диссертации ученого «Происхождение чувашского народа» [2, д. 138, л. 117]. Рассмотрение этой работы проходило и на заседании секторов Института и 22 декабря 1967 г.

[2, д. 138, л. 228–228 об.]. 24 июня 1968 г. на объединенном заседании секторов истории и археологии, а также этнографии и социологических исследований обсуждалась статья В.Ф. Каховского «Происхождение и формирование чувашской народности», включенная для публикации во вторую часть историко-этнографического исследования «Чуваши» [2, д. 151, л. 50]. 18 октября 1974 г. на заседании отдела истории и археологии совместно с кафедрой истории СССР ЧГУ рассматривалась подготовленная к печати его переработанная работа «Происхождение и формирование чувашской народности» [2, д. 227, л. 148; д. 233, л. 31–37]. К сожалению, исследователь так и не дождался ее издания.

Каховский старался поддерживать исследователей как словом, так и действиями. Например, в 1966 г. и ноябре 1970 г. при обсуждении в Институте рукописей кандидатской и докторской диссертаций Г.А. Алексеева по истории медицины и здравоохранения в Чувашии, будучи одним из его научных консультантов и руководителей, он выступил с положительным отзывом, отвергая негативную оценку со стороны некоторых оппонентов [2, д. 126, л. 56, 95; д. 133, л. 136, д. 176, л. 99, 108]. Участвовал В.Ф. Каховский и в редактировании готовившихся к публикации в «Ученых записках» рукописей. Приходилось ему помогать молодым научным сотрудникам и в решении жилищно-бытовых проблем. В марте 1970 г. директор ЧНИИ В.Д. Димитриев обратился к В.Ф. Каховскому как декану историко-филологического факультета ЧГУ помочь устроить в общежитие вуза научных сотрудников Института Г.И. Иванова и В.П. Рожнова. Вероятно, ему удалось помочь молодым исследователям.

Малоизвестной страницей в деятельности ученого является его участие в разработке общеинститутской темы (ЧНИИ) «Чувашский краеведческий словарь» (1968–1970 гг.). Археологический раздел в редакции «История и археология», которую возглавлял В.Д. Димитриев, вел В.Ф. Каховский [2, д. 142, л. 84; д. 155, л. 14, 22]. Им был составлен словник, написаны статьи. К сожалению, работа над словарем в 1970 г. была приостановлена. В 2000-е гг. словник и подготовленные статьи явились материалом при подготовке к изданию Институтами «Краткой чувашской энциклопедии» (2001) и «Чувашской энциклопедии» в четырех томах (2006–2011). Остался нереализованным и план написания в ЧНИИ в 1966–1972 гг. «Истории Чувашской АССР» в трех томах, где исполнителями разделов первого

тома предполагались В.Ф. Каховский и В.Д. Дмитриев [2, д. 109, л. 129, 139, 146; д. 122, л. 5, 89]. Осталось лишь на бумаге и постановление Ученого Совета от 29 апреля 1969 г. об издании статьи ученого о А.П. Смирнове в очередном выпуске «Ученых записок» [2, д. 155, л. 59].

Дирекция и Ученый Совет ЧНИИ привлекали В.Ф. Каховского при проведении крупных научных мероприятий. Он входил в оргкомитет многих конференций, выступал на них с докладами. В 1973 г. на зональной научной сессии Института истории СССР АН СССР и ЧНИИ «Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья» (был в оргкомитете сессии) В.Ф. Каховский выступил по теме «Город Чебоксары в период феодализма» [2, д. 198, л. 16–17]. В том же году в Чебоксарах с участием Чувашского государственного университета, Чувашской республиканской организации общества «Знание» проводилась научно-теоретическая конференция «Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях». Каховский был включен в состав оргкомитета [2, д. 212, л. 4]. Незадолго до намеченного мероприятия в связи с болезнью председателя оргкомитета А.И. Петрухина необходимо было найти достойную замену. Выбор пал на В.Ф. Каховского: «опытный в таких делах, авторитетный руководитель». Ученый Совет ЧНИИ 3 мая 1973 г. утвердил его председателем оргкомитета этой конференции [2, д. 211, л. 80]. Он успешно справился с работой, вел пленарные заседания, сделал содоклад «Этногенез народов Среднего Поволжья и религиозный синкретизм». В марте 1974 г. он выступил в ЧНИИ на научно-методической конференции «Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа» с одним из основных докладов «Организация и методика выявления и изучения памятников трудовой славы советского народа» [2, д. 225, л. 69а; д. 227, л. 113].

В.Ф. Каховский ощущал необходимость иметь в ЧНИИ штатного научного сотрудника по археологии. К сожалению, эта идея начала реализовываться лишь с 1973 г. По его рекомендации и настоянию в качестве археологов в Институте работали: А.И. Арыченков (1973 г.) [2, д. 213, л. 76, 141, 191, 251, 378, 424; д. 215, л. 168; д. 224, л. 28, 135; д. 233, л. 6–7]. Б.В. Каховский (1974–1980 гг.) [2, д. 226, л. 169–170, 222–223; д. 227, л. 6–7, 95, 158; д. 229, л. 326; д. 230, л. 85, 197, 198; д. 233, л. 38], Л.Г. Краснов

(1978–1980), Е.П. Михайлов (с 1980 г. по настоящее время, в 1993–1996 гг. – в Чувашском национальном музее).

Практически нигде не озвученным фактом в жизни и творчестве Василия Филипповича является то, что он с 1 сентября 1967 по 15 февраля 1968 г. по совместительству работал на 0,5 ставки старшего научного сотрудника сектора истории ЧНИИ [2, д. 134, л. 404, 415–417, 524; д. 143, л. 88; д. 144, л. 182, 216]. Готовившийся к защите докторской диссертации (защитился в 1968 г.) успешно выполнил штатную нагрузку (1,38 авт. листа), написав статью по результатам экспедиционных работ в Чувашии в 1966–1967 гг. Основным местом работы В.Ф. Каховского с сентября 1967 г. стал Чувашский государственный университет, где в 1970–1972 гг. был деканом историко-филологического факультета, а до этого и после вплоть до июля 1988 г. – заведующим кафедрой всеобщей истории. В учебном году 1988/1989 он продолжил преподавание в ЧГУ. 25 августа 1989 г. В.Ф. Каховский обратился с заявлением к недавно избранному коллективом ЧНИИ директору С.Р. Малютину принять его на работу в порядке перевода из ЧГУ. В приложенном личном листке по учету кадров на вопрос о владении иностранными и языками народов СССР он отметил: «немецким, русским, чувашским, латинским» [3]. 1 сентября 1989 г. В.Ф. Каховский по приказу был назначен старшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии ЧНИИ ЯЛИЭ, а 26 декабря того же года он стал заведующим вновь созданного подразделения – отдела археологии и антропологии [3], где под его руководством работали Е.П. Михайлов и антрополог Е.Г. Лебедева. Василий Филиппович возглавил начатую чуть ранее в Институте Е.П. Михайловым работу по созданию «Свода археологических памятников Чувашии». Он продолжал участвовать в археологических работах: в экспедиции под руководством сына Бориса Васильевича, а также в разведках Е.П. Михайлова (Мариинско-Посадский, Козловский, Цивильский районы). Ученый написал статьи об исследовании могильника у д. Верхние Ачаки Ядринского района, в соавторстве с Б.В. Каховским – о болгарских памятниках на территории Чувашии, работал и по проблеме китайско-чувашских связей. Он, вероятно, готовил новый вариант книги о происхождении чувашского народа. 15 марта 1993 г. В.Ф. Каховский был освобожден «из-за возраста» от занимаемой должности заведующего отделом археологии и антропологии (отдела не стало) и переведен на должность

ведущего научного сотрудника в отдел, получивший название – «этнографии, археологии и антропологии». Ученый продолжал научную работу, летом участвовал с Б.В. Каховским в охранных раскопках в г. Чебоксары. Трагическая смерть 24 августа 1993 г. прервала жизнь и оставила нереализованными планы и замыслы Василия Филипповича Каховского.

В.Ф. Каховский неоднократно удостоивался поощрений и наград Института. 5 ноября 1963 г. ему приказом №131 заместителя директора ЧНИИ В.Д. Дмитриева была выражена благодарность (с записью в Трудовой книжке) «за активное участие в производственной деятельности Чувашского НИИ» [2, д. 89, л. 363; 3]. В сентябре 1969 г. директор Института В.Д. Дмитриев вручил ему Почетную грамоту ЧНИИ за активное участие в научно-исследовательской работе Института и в связи с 40-летием ЧНИИ ЯЛИЭ [2, д. 155, л. 73]. В архиве сохранились поздравления от коллектива Института с юбилеями ученого [2, д. 123, л. 372–372 об.], письмо ученому от 10 апреля 1967 г. с соболезнованием по поводу смерти брата А.Ф. Каховского [2, д. 135, л. 158].

Подводя определенный итог рассмотрению данной темы, можно отметить, что В.Ф. Каховский несомненно внес огромный вклад в развитие ЧНИИ ЯЛИЭ, его экспедиционной и научно-исследовательской деятельности. С другой стороны, Институт сыграл важную роль на его жизненном пути и в творчестве.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1515 (ЧНИИ – ЧГИГН). Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1515. Оп. 12.
3. Личное дело В.Ф. Каховского // Текущий архив ЧГИГН.

Сергеев Тихон Сергеевич

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СЕМЬЯ КАХОВСКИХ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

***Аннотация:** автор делится воспоминаниями о встречах с представителями трех поколений семьи Каховских: Василием Филипповичем, Борисом Васильевичем, Татьяной Борисовной, останавливается на наиболее ярких и запомнившихся эпизодах из их жизни.*

***Ключевые слова:** В.Ф. Каховский, ученый, археолог, педагог, археологические раскопки, музей.*

С министром просвещения Чувашской АССР Василием Филипповичем Каховским судьба столкнула меня впервые в 1956 г., когда я был студентом 2-го курса историко-филологического факультета Чувашского пединститута. В связи с тем, что я поступил на отделение русской филологии, а через год нас объединили с историками, я стал студентом историко-русского отделения с перспективой стать учителем русского языка и истории, т. е. учителем «широкого профиля». Из-за этого мне не удалось слушать на первом курсе лекции по археологии, который проводил В.Ф. Каховский, незадолго до этого занимавший должность министра просвещения Чувашской АССР. Его кандидатская диссертация была по истории аграрных реформ братьев Гракхов в Древнем Риме. На 2-м курсе мы слушали лекции В.Ф. Каховского по истории древнего мира. Я тщательно готовился к практическим занятиям и старался выступать на каждом из них, если даже не был достаточно подготовлен. В минуту затишья, возникавшую после заданного преподавателем вопроса, когда вся группа молчала и никто не хотел «высывываться», я смело поднимал руку и отвечал. Бывало, не совсем «в точку», но, тем не менее, завязывалась дискуссия и занятие оживлялось. Выходило, своими действиями я как бы «выручал» преподавателя. Из 11 занятий я выступал с ответами на 9 занятиях. Ответная реакция не замедлила сказаться во время экзамена: хотя я ответил на билет-

ные вопросы не совсем четко и уверенно, мне Василий Филиппович поставил оценку «хорошо». Я сделал себе вывод, что надо выступать как можно чаще.

Будучи проректором по научной работе, В.Ф. Каховский приходил заниматься в общий читальный зал на 2-м этаже главного учебного корпуса и перелистывал свой «кирпич». Это была его монография «Происхождение чувашского народа» [1], легшая в основу его докторской диссертации. Я помню, как на обсуждении рукописи на кафедре истории с критическими замечаниями выступали П.В. Денисов, Г.Е. Кудряшов, Д.М. Макаров и др. Я еще тогда еще был далек от глубоких познаний по данной теме. Да и этих чувашских историков тогда близко не знал.

По окончании педвуза и двухгодичной армейской службы я преподавал в Чебоксарской средней школе №4 и одновременно готовился сдавать экзамены кандидатского минимума. Однажды обратился к Василию Филипповичу как к проректору насчет направления в аспирантуру. Состоялся такой разговор:

- Можно мне получить направление в аспирантуру?
- Многие обращаются, а плохо сдают кандидатские экзамены.
- А как надо сдавать?
- Ну, хотя бы на «хорошо».

Этот диалог состоялся в конце 1962 г. Занимаясь самостоятельно, в январе 1963 г. я сдал экзамен по иностранному языку в своем же вузе, а два экзамена (по философии и специальности) – в марте в Москве, в МГПИ им. В.И. Ленина. Имея в «багаже» три хорошие оценки по кандидатским экзаменам, обращаюсь к проректору В.Ф. Каховскому:

- Я уже сдал все три кандидатских экзамена.
- И какие же оценки получил?
- Все экзамены сдал на «хорошо».
- Ух, как быстро провернул!

После успешной защиты кандидатской диссертации в 1965 г. [2] я вернулся в родной вуз и стал преподавать на кафедре истории, которой заведовал В.Ф. Каховский. Как непосредственный начальник, он посещал мои занятия, давал необходимые указания. Однажды в каникулярное время я попросил разрешения посетить археологические раскопки, которые он проводил каждое лето. В жаркий

день приехал на объект раскопок в костюме, в галстук, весь вспотевший. Василий Филиппович иронически оценил мою одежду, велел мне расслабить галстук, мягко выдернул заднюю часть моей рубашки из-под ремня и говорит: «Зачем паришься, дыши свободно!». Василий Филиппович был доступен, прост в обращении, за руку здоровался со студентами, увлекательно рассказывал о находках археологов. На вопрос: «Как Вы угадываете места могильников?» – он отвечал: «У археологов с годами вырабатывается «нюх» на эти объекты». На встречах с ветеранами войны он поведал о службе в химических войсках, как ему пригодились знания по истории, биологии, химии, полученные в вузах (накануне Великой Отечественной войны он окончил два вуза). На вопрос: «Сколько фашистов Вы лично уничтожили?», – он отвечал, что ему не приходилось бывать непосредственно на передовой и сталкиваться с врагом лицом к лицу. Профессор как-то рассказывал, как при записи дня его рождения местные чиновники ошиблись на целый год...

После открытия Чувашского государственного университета в 1967 г., связанного с переводом нашего факультета ЧГПИ в новый вуз, В.Ф. Каховский, уже защитивший докторскую диссертацию, заведовал кафедрой всеобщей истории, а нашей кафедрой истории СССР руководил тогда И.Д. Кузнецов, на себе испытывавший политические репрессии 1930–1950-х гг. Ректором ЧГУ профессором С.Ф. Сайкиным мне было поручено создать музей И.Н. Ульянова. Я присматривался к опыту музейных экспозиций, создаваемых археологами после их полевых экспедиций. Это мне пригодились при оформлении экспонатов музея И.Н. Ульянова.

В августе 1970 г. планировалось послать трех известных историков Чувашии – И.Д. Кузнецова, В.Д. Дмитриева, В.Ф. Каховского – на XIV Международный конгресс историков, который впервые проводился в нашей стране, в Москве. Из-за занятости В.Ф. Каховского на археологических раскопках командировали меня, молодого доцента. Ученый археолог, любезно помогавший молодым сотрудникам, был рад растущей научной смене.

В последние годы В.Ф. Каховский работал ведущим научным сотрудником Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН), с которым длительное время сотрудничал до

этого. Но не изменил своему увлечению – рыбной ловле. По выходным дням ездил к берегам одного из озер Чебоксарского района на рыбалку. Я неоднократно видел его с рыболовным инвентарем и в плаще с капюшоном. 24 августа 1993 г. в пути на очередную рыбалку случилась трагедия: он был сбит автомашиной при переходе улицы около автовокзала. К дому на ул. Ленинградская на похороны профессора собралось много его учеников и сослуживцев. На углу дома установлена мемориальная доска «В этом доме в 1968–1993 гг. жил известный чувашский ученый-археолог, доктор исторических наук, профессор Василий Филиппович Каховский (1916–1993 гг.)».

Жена В.Ф. Каховского Ольга Ивановна, кандидат педагогических наук, приходилась родственницей семьи Дмитриевых из моей деревни Новые Мамеи Канашского района. Будучи доцентом кафедры химии ЧГПИ, она преподавала в группе, где училась моя будущая жена Валентина Ефремовна Ефремова. По ее рассказам, Ольга Ивановна была обаятельная, демократичная женщина с приятной улыбкой, а студентки, особенно сельские, старались подражать ей в манере речи, поведении, одежде. Нам было известно, что пара Василий Каховский – Ольга Ивановна училась в одной студенческой группе биофака ЧГПИ и за отличную учебу и активную общественную работу получала сталинскую стипендию.

Судьбе было угодно так, что автору этих строк пришлось работать вместе с младшим сыном семьи Каховских – Борисом, который по окончании Казанского авиационного института (КАИ) еще по заочной форме обучения окончил исторический факультет и продолжил дело отца, защитил кандидатскую диссертацию по археологии. В годы преподавательской работы в ЧГУ его часто назначали на должность ответственного секретаря приемной комиссии вуза, а меня – председателем предметной комиссии по истории. Тут пересекались наши производственные отношения. По долгу службы он следил за нарушениями, мог пожуричь нерадивых, но я такого повода не давал. Позднее мы оба оказались востребованными на возобновившем в пединституте историческом факультете. В 2000–2006 гг. я заведовал кафедрой истории и права. Борис Васильевич возил летом студентов на археологическую практику в с. Чурачики, где за сорок лет до него раскопки вел его

отец. Согласно распоряжению декана Л.Н. Гончаренко, все три заведующих кафедрами должны были контролировать работу и быт студентов в лагерно-полевых условиях во время археологических раскопок. Я будил студентов по утрам горном, который валялся в пионерской комнате (не зря же играл в духовом оркестре в течение 9 студенческой учебы в педучилище и пединституте!), проводил утреннюю зарядку (сам работал учителем физкультуры в школе №4 целый учебный год!), личным примером заставлял бегать вокруг сельского озера (я же бывший марафонец, чемпион Чувашии 1959 г. в беге на 30 км.). Борис Васильевич благодушно и с легкой иронией вспоминает эти «утренние побудки» и беговую зарядку, проводившиеся тогда мною. В течение одного срока (2008–2013 гг.) Б.В. Каховский был на выборной должности декана исторического факультета. У нас оставались деловые отношения. Борис сделал немало по увековечению имени отца. Именем профессора В.Ф. Каховского назван археолого-этнографический музей им. В.Ф. Каховского, находящийся на 4-м этаже учебного корпуса №5 ЧГПУ. Научной общественностью был поднят вопрос о присвоении имени профессора-археолога Атнашевской средней школе Канашского района. В связи с этим состоялась поездка в эту деревню ученых из Чебоксар. Приезжал старший сын Каховских Константин, проживающий в США. На этих встречах с атнашевцами было видно, насколько уважительно относились они к известному ученому, уроженцу своей деревни.

При изучении темы «Восстание декабристов» на вопрос студентов «Имеют ли отношение к декабристам Каховские!» я отвечаю: «Да! Имеют некоторое отношение». Дело обстояло так. Учитель Атнашевской начальной школы Петров в 1925 г. на уроке истории в связи со 100-летним юбилеем восстания декабристов раздал детям фамилии: Рылеев, Каховский, Муравьев, Бестужев и т. д. К некоторым эти фамилии пристали не на шутку. Как рассказывал сам В.Ф. Каховский, когда он получал приписное свидетельство перед призывом в армию, вместо Филиппова оказался Каховским. Эту фамилию принял и его брат Александр (его сына, Юрия Александровича Каховского, в 1970-х гг. я учил на ИФФ ЧГУ). Кстати, в этой деревне живет семья Раллевых – от искаженной фамилии «Рылеев». Это лишний раз подтверждает мою позицию.

В 2010 г. мои земляки из Новых Мамей отмечали 100-летие со дня рождения Сергея Михайловича Михайлова, моего отца, бывшего учителя, заведующего Ново-Мамеевской начальной школой, участника Великой Отечественной войны. В его честь в Байгильдинской средней школе, преемнице Ново-Мамеевской школы, проводилась научно-практическая конференция. На ней от коллектива ЧГПУ помимо меня участвовали доценты Б.В. Каховский и В.А. Ендиряков. Я благодарен им за такой гражданский акт.

И еще одно событие связывает меня с семьей Каховских. Дочь Бориса Васильевича Татьяна по окончании юридического факультета ЧГУ решила написать кандидатскую диссертацию по отечественной истории и была прикреплена ко мне как соискатель ученой степени. Защита состоялась 18 июня 2010 г. в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева [4]. Таким образом, в семье Каховских появился еще один дипломированный ученый. К слову, это был восьмой аспирант или соискатель, подготовивший и защитивший кандидатскую диссертацию под моим научным руководством.

В заключение отмечу, что семья Каховских оставила заметный след в нашей жизни.

Был Каховский археолог,
Он же историк, биолог.
От Сибири и до Волги
Чувашей сличал дороги.

Список литературы

1. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа / В.Ф. Каховский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965.
2. Сергеев Т.С. Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук / Т.С. Сергеев. – М., 1965.
3. Международный форум историков // Коммунизм ялавлё (Знамя коммунизма). – 1970. – 12 сентября (на чув. яз.).
4. Каховская Т.Б. Мировой суд России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере уездов Казанской губернии с преобладающим чувашским населением): Дис. ... канд. ист. наук / Т.Б. Каховская. – Саранск, 2010.

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета,
член Общественной палаты
Чувашской Республики 3-го созыва

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Ф. КАХОВСКОГО КАК ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЧГУ ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: в работе рассматривается организационная деятельность В.Ф. Каховского на посту заведующего кафедрой всеобщей истории ЧГУ имени И.Н. Ульянова (1967–1988 гг.), его усилия по подбору преподавательских кадров, привлечению к учебному процессу известных советских ученых, определению научно-исследовательского направления кафедры.

Ключевые слова: В.Ф. Каховский, кафедра всеобщей истории, ЧГУ имени И.Н. Ульянова, научно-педагогическая деятельность, организаторская деятельность.

100-летний юбилей Василия Филипповича Каховского (1916–1993 гг.) и 50-летний юбилей Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова делают актуальным исследование не освещенного полностью в научной литературе важного аспекта деятельности известного ученого на посту заведующего кафедрой всеобщей истории университета (1967–1988 гг.). Эта деятельность имела определяющее значение для формирования кадрового состава новой кафедры, определения направления ее научных исследований и организации преподавания дисциплин всеобщей истории на необходимом научно-методическом уровне.

В 1967 году, когда был организован Чувашский государственный университет, основой историко-филологического факультета

стал переведенный из Чувашского педагогического института профессорско-преподавательский и студенческий коллектив. Вместо одной кафедры истории, существовавшей в ЧГПИ, были образованы кафедра истории СССР (6 штатных единиц) и кафедра всеобщей истории (5 штатных единиц) [5, оп. 1, д. 96, л. 17].

По воспоминаниям ветерана Е.Г. Беляева при обсуждении кандидатуры заведующего кафедрой всеобщей истории рассматривались несколько кандидатур: «На первых порах предпочтение отдавалось Д.Д. Шуверову, возглавлявшему одно время Канашский учительский институт. Позднее стало преобладать мнение, что В.Ф. Каховский, как специалист по аграрным отношениям Древнего Рима, заканчивавший в то время работу над докторской диссертацией, посвященной происхождению чувашского народа, лучше справится с руководством кафедрой всеобщей истории, чем Д.Д. Шуверов» [11, с. 198]. Он имел авторитет в государственных органах Чувашской АССР, занимал в 1955–1958 гг. пост министра просвещения республики. С 1954 по 1958 гг. он был депутатом Верховного Совета ЧАССР.

26 декабря 1951 г. под руководством известного антиковеда, профессора МГУ С.Л. Утченко он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за землю в период кризиса Римской республики (Аграрное движение Гракхов)» и стал признанным специалистом по истории Древнего Рима [7, с. 12]. К тому же В.Ф. Каховский был широко известен в научном мире, сотрудничал с известными археологами А.П. Смирновым, Н.В. Трубниковой, Н.Я. Мерпертом, известными специалистами по всеобщей истории С.Л. Утченко, А.С. Шофманом, В.И. Кузициным, Э.Я. Нитобургом. Уже будучи заведующим кафедрой 26 марта 1968 года В.Ф. Каховский защитил докторскую диссертацию по теме: «Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории», а 22 октября 1969 года он был утвержден решением ВАК в ученом звании профессора [12, с. 376].

Однако становление новой кафедры шло не просто. Первоначально распределение дисциплин выглядело следующим образом. В.Ф. Каховский читал историю Древнего мира и археологию, а позже также «Историческое краеведение», «Методологию исторической науки», спецкурс «История Венгерской Республики» [12, с. 347]. Доцент Д.Д. Шуверов преподавал «Новую историю стран Европы и Америки». Кандидат исторических

наук Е.Г. Беляев читал лекции по новейшей истории стран Европы и Америки и спецкурс по истории международного рабочего движения.

Старший преподаватель А.И. Лявукин вел курс истории средних веков. Бывшему преподавателю военно-морского училища, офицеру в отставке Н.П. Петрову поручили один из самых сложных курсов истории стран Азии и Африки.

Е.Г. Беляев вспоминает, что «для некоторых преподавателей ... чтение общих лекционных курсов, специальных курсов, руководство специальными семинарами, как и руководство выполнением студентами курсовых и дипломных сочинений оказалось непосильным» [2, л. 2]. Уже летом 1968 года ушел на пенсию А.И. Лявукин [1, оп. 2, д. 148, л. 1–8], а Н.П. Петров перешел на кафедру истории КПСС [2, л. 3].

Для выхода из кадрового кризиса В.Ф. Каховскому пришлось прибегнуть к своим личным связям в научном мире. По рекомендации А.П. Смирнова и А.С. Шофмана в 1968 году из Казанского университета в ЧГУ были переведены преподаватели И.С. Вайнер и А.А. Загидуллин. И.С. Вайнер с 1968 по 1990 гг. беспрерывно вел курс истории средних веков [1, оп. 1, д. 2370, л. 4]. Специалист по этнографии, кандидат исторических наук, выходец из Средней Азии Загидуллин прекрасно знал быт и культуру народов Востока и хорошо читал курс по истории стран Азии и Африки. Однако, 3 июля 1973 г., будучи в командировке на Кавказе, он трагически погиб [2, л. 3].

В 1972 году Д.Д. Шуверов вернулся к преподавательской деятельности в ЧГПИ [1, оп. 2, д. 528, л. 1–13]. Таким образом, на кафедре всеобщей истории опять появилась нехватка квалифицированных преподавателей. На этот раз В.Ф. Каховский сделал ставку на подготовку собственных кадров. Еще в 1969 году он был избран деканом ИФФ. В том же году на факультете была открыта аспирантура по специальности «История СССР» (руководитель И.Д. Кузнецов) и «Всеобщая история» (руководитель В.Ф. Каховский) [5, оп. 1, д. 46, с. 33–40].

Первой аспиранткой В.Ф. Каховского стала выпускница кафедры А.П. Данилова. Обучаясь по очной форме, она уже читала историю южных и западных славян (0,25 ставки). После ухода в 1972 году Д.Д. Шуверова она перешла на должность ассистента и

начала вести новую историю стран Европы и Америки. Это осложнило ее работу над кандидатской диссертацией. По инициативе В.Ф. Каховского, Данилова продолжила учебу в аспирантуре МГУ под руководством известного ученого В.И. Кузищина и в 1979 году защитила кандидатскую диссертацию «Р.Ю. Виппер как историк античности».

На место Загидуллина был принят аспирант В.Ф. Каховского В.М. Михайлов. Выпускник Цивильского педучилища и факультета иностранных языков Чувашского пединститута, он имел опыт преподавания в школе, хорошо знал английский и немецкий языки. Несмотря на то, что темой его диссертации была «Проблемы аграрной истории Древнего Рима в исторической концепции Тенни Франка», ему пришлось разрабатывать курс истории стран Азии и Африки. Вплоть до 1995 года он бесценно преподавал студентам эту сложную дисциплину. В 1977 году он успешно защитил в МГУ свою диссертацию, написанную под руководством В.Ф. Каховского [6, с. 62].

В 1970 году на кафедру была принята ассистентом К.Н. Сидорова, которая получила высшее образование в ЧГПИ по двум специальностям: иностранный язык и история и долгие годы была школьным учителем. Вплоть до 1986 года она вела практические занятия по курсам «История первобытного общества» и «История Древнего мира», была бессменным руководителем педпрактики и читала курс «Методика преподавания истории» [1, оп. 2, д. 3873, л. 1–45].

Таким образом, к концу 1970-х гг. сложился устоявшийся коллектив преподавателей кафедры. Однако чтение курсов по всеобщей истории требовало особой подготовки. В условиях отсутствия необходимого количества источников и литературы по истории зарубежных стран в чебоксарских книгохранилищах, проблематичным являлось осуществление научно-исследовательской работы по вопросам всеобщей истории.

В 1960–1970-х гг. темой научных исследований кафедры были «Актуальные проблемы истории и историографии всеобщей истории». Однако основные труды В.Ф. Каховского были связаны с проблемами истории и археологии Чувашии [8–10 и др.]. Темы дипломных работ, защищенных студентами под руководством В.Ф. Каховского, также в основном были связаны с археологией: «Новые памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне реки

Большой Цивиль», «Чебоксарская керамика», «Кожевенное производство г. Чебоксары по материалам раскопок», «Кузнечное ремесло г. Чебоксары», «Деревянные изделия г. Чебоксары по данным раскопок Чебоксарской экспедиции» и др. [5, оп. 1, д. 577, л. 4].

В.Ф. Каховский осознавал необходимость поворота к большей специализации по проблемам всеобщей истории. В связи с этим преподаватели кафедры в 1970–1971 гг. вели следующие спецкурсы: «Культура античного общества», «Культура Византии», «Источниковедение и историографии новой истории», «Источниковедение и историографии новейшей истории», «История международного коммунистического и рабочего движения», «История национально-освободительного движения», «История международных отношений» [5, оп. 1, д. 577, л. 18]. В 1979 году на заседании кафедры были утверждены следующие спецкурсы: «Методология исторических исследований», «История социалистических учений», «История крестьянских войн», «История международных отношений», «История Венгерской Народной Республики», «Историю национально-освободительного движения» [1, оп. 1, д. 1813, л. 13–14].

В.Ф. Каховский с целью совершенствования преподавания дисциплин всеобщей истории приглашал для преподавания специальных дисциплин известных советских ученых. Так, с 1969 по 1988 гг. спецкурс по новой и новейшей истории стран Латинской Америки вел научный сотрудник Института этнографии АН СССР, доктор исторических наук Э.Л. Нитобург [5, оп. 1, д. 238, л. 18–19 об].

С первых лет образования кафедры с ней сотрудничал доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Казанского государственного университета А.С. Шофман. Он вел лекции по истории Древней Греции, руководил подготовкой дипломных работ, в течение двух лет являлся председателем Государственной экзаменационной комиссии на историческом отделении ИФФ [7, с. 13].

Тесные связи у В.Ф. Каховского сложились с профессором МГУ, автором вузовских учебников по истории Древней Греции и Древнего Рима В.И. Кузициным. Он руководил дипломными работами студентов, являлся с 1979 по 1981 гг. председателем ГЭК. Под его руководством была защищена кандидатская диссертация А.П. Даниловой.

С целью подготовки высококвалифицированных кадров были направлены в целевую аспирантуру Ленинградского университета студенты Ю.Б. Лебедев и Т.Н. Фомина (Иванова) [1, оп. 1, д. 1813, л. 7]. После окончания аспирантуры в 1982 г. Ю.Б. Лебедев начал преподавательскую деятельность на кафедре. В 1983 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Э. Берк и Великая Французская революция». Сначала он читал курс истории южных и западных славян, а с 1985 г. – новую историю стран Европы и Америки. В 1984 г. после защиты в ЛГУ кандидатской диссертации на тему «В.И. Герье и начало изучения Великой Французской революции в России» приступила к преподавательской деятельности на кафедре Т.Н. Иванова. С 1984 по 1988 гг. она вела вторую часть новой истории стран Европы и Америки [6, с. 59–67].

Несмотря на то, что основной научной специализацией В.Ф. Каховского являлась археология, и на протяжении всей преподавательской деятельности в ЧГУ он руководил археологической практикой студентов-историков, ученый не забывал и о проблематике античности. По инициативе В.Ф. Каховского на кафедре издавались сборники научных работ по всеобщей истории и аграрной истории Древнего Рима [3; 4]. В статьях, опубликованных в этих сборниках, В.Ф. Каховский рассматривал аграрное движение Гракхов в Древнем Риме, основные формы эксплуатации общественной земли и законодательство Тиберия Гракха [7, с. 7–12]. Темы по истории античности часто становились темами для дипломных работ, написанных под его руководством [7, с. 7–13].

Таким образом, можно констатировать, что деятельность В.Ф. Каховского на посту заведующего кафедрой всеобщей истории была весьма плодотворной. Он создал костяк коллектива кафедры, сумел устранить негативные последствия кадровых кризисов 1968 и 1972–1973 гг. При его участии или по его рекомендации были подготовлены кадры высшей квалификации, защищены кандидатские диссертации В.М. Михайлова, А.П. Даниловой, Ю.Б. Лебедева, Т.Н. Ивановой. Кафедра всеобщей истории в 1967–1988 гг. была ключевым подразделением ИФФ ЧГУ и успешно осуществляла подготовку по базовым историческим дисциплинам.

Ученики В.Ф. Каховского вспоминают его как одного из любимых преподавателей. Е.М. Михайлова пишет: «Он очень нравился

как педагог, его отличала манера доступно и свободно излагать материал. Он был симпатичен также как человек, либерален и справедлив по отношению к студентам». Практически все выпускники с благодарностью вспоминают участие в археологических экспедициях под руководством В.Ф. Каховского, его интересные лекции. Эти лекции «отличались стройностью и логичной структурой, обязательным наличием историографического раздела, где освещались различные взгляды, школы, направления, степень изученности проблемы, являющейся темой лекции» [7, с. 13].

Научно-педагогическая и организаторская деятельность В.Ф. Каховского на посту заведующего кафедрой всеобщей истории является одной из ярчайших страниц в истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Список литературы

1. Архив Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Ф. 2.
2. Беляев Е.Г. Как создавалась кафедра всеобщей истории (субъективные заметки): Рукопись // Текущий архив кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – 7 л.
3. Вопросы аграрной истории Древнего Рима: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Каховского. – Чебоксары, 1977.
4. Вопросы всеобщей истории: Сб. статей / Под ред. В.Ф. Каховского. – Чебоксары, 1973. – Вып. 1.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2453.
6. Данилова А.П. Всеобщая история / А.П. Данилова, Т.Н. Иванова // ЧГУ (1967–1987): Сб. ст. – Чебоксары, 1997. – С. 59–67.
7. Иванова Т.Н. В.Ф. Каховский и проблемы всеобщей истории // Научно-практическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. – Чебоксары, 2007. – С. 5–15.
8. Каховский В.Ф. Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. – Чебоксары, 1980. – С. 51–69.
9. Каховский В.Ф. Родной край: Учебное пособие по истории Чувашской АССР для учащихся 7–8 классов. – Чебоксары, 1981. – 96 с.
10. Каховский В.Ф. Волжская Болгария и формирование чувашской народности // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 74–84.
11. Михайлов Е.П. Неутомимый исследователь далекого прошлого (В.Ф. Каховский) // Ученые. Очерки. Т. 4. – Чебоксары, 2006. – С. 198–206.
12. Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: Материалы научно-практической конференции (Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г.). Кн. 1. – Чебоксары, 2007. – 380 с.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Волкова Татьяна Сергеевна

канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой
ФГБОУ ВО «Пермская государственная
сельскохозяйственная академия
им. академика Д.Н. Прянишникова»
г. Пермь, Пермский край

ДЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: в представленной статье исследователем рассмотрены актуальные проблемы, связанные с эвристическим потенциалом понятия «историческая память и практическими задачами по формированию политики памяти.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, социальное сознание, коллективная память, историческая реконструкция, политика памяти.

Несмотря на то, что конструкт «историческая память» в последнее десятилетие постоянно находится в поле внимания отечественных историков, теоретически он не разработан. Чаще всего он употребляется как синоним таких различных по своей сути понятий как: «социальная память», «историческое сознание», «коллективная память», «представление о прошлом» [1–4].

С нашей точки зрения, исторической памятью следует называть способность людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений.

Важно отметить, что потребность в процессе отбора и сохранения информации о прошлом – одна из социальных потребностей. Отсюда гипотетически можно предположить, что историческая память это:

- часть (тип, разновидность) социальной памяти;
- продукт коллективной социальной деятельности;
- образец долговременной памяти.

Исходя из выше сказанного, с большой долей уверенности можно утверждать, что потеря коллективной исторической памяти [6] для того или иного этноса, явление столь же трагичное,

как потеря памяти у отдельного человека. «Народы, не имеющие систематического зафиксированного повествования о своем прошлом, принято называть «лишенными истории» – это указывает не на отсутствие у них прошлого, но на утрату памяти о нем» [7]. Последствия этого легко проиллюстрировать на примерах текущих международных событий.

Утрата памяти о прошлом может быть связана с естественным процессом исчезновения сведений о тех или иных явлениях и событиях из социального сознания в связи со сменой поколений [2]. Исследователи справедливо отмечают, что историческое сознание молодого поколения в обществах индустриального типа формируется чаще всего помимо влияния старшего поколения [4].

Также нельзя не заметить, что в массовом сознании, аналогично индивидуальному сознанию, действует механизм психологической защиты (вытеснения). Из коллективной памяти стираются травматические факты (к примеру, унижения или уничтожения людей и целых социальных групп). Допустимо, с нашей точки зрения, характеризовать этот феномен как коллективную амнезию.

Нельзя не учитывать, что забвение прошлого может быть также результатом сознательного манипулирования общественным сознанием, как правило, имеющим политические или идеологические основания. Пример отечественной истории середины XX столетия дает яркое и трагическое подтверждение такого целенаправленного уничтожения исторической памяти.

В связи со всем вышесказанным, задача поддержания исторической памяти в тоне может рассматриваться как актуальная для всех этносов, живущих в индустриальную эпоху.

Если сравнивать актуальность проблем конструирования и реконструирования исторической памяти для современной России, то следует признать, что и социум, и государство в последние двадцать лет не выпускали эту проблему из поля зрения. В подтверждение тому деятельность государства по финансированию крупных проектов в историческом кинематографе и в тоже время неожиданно для многих (в том числе и для организаторов проекта) успешно прошедший краудфандинг для создания фильма «28 панфиловцев».

Однако, как показала практика этих десятилетий, деятельность государства, а также различных общественных объединений, организаций любителей истории и т. д. по поддержанию интереса населения к собственной истории, принципиально ситуацию не изменили. Опросы, периодически проводящиеся в различных регионах страны по поводу тех или иных исторических памятных дат, показывают, что для большинства людей в возрасте до 20–25 лет, история России представляется как необъятное и хаотичное нагромождение фактов. Представители этой возрастной когорты не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом. Они, как правило, пристрастны к отдельным сторонам действительности и невнимательны ко всем прочим явлениям.

Дигитализация информации, на которую делали ставку многие профессионалы в области образования, «палочкой-выручалочкой» не стала. Наоборот, в условиях дигитализации массового сознания, процессы конструирования прошлого приобретают все более неупорядоченный характер, что способствует дальнейшему размыванию исторической памяти и матрицы идентификации.

Означает ли это принципиальную невозможность реконструкции белых (черных) пятен в исторической памяти этносов на современном историческом этапе? Как связана историческая память и мифотворчество? Как соотносятся/взаимодействуют индивидуальная и коллективная историческая память? Как может быть организован современный механизм ретрансляции исторической памяти от поколения к поколению в современных условиях? Какую роль в этом процессе играют или должны сыграть историки-профессионалы? Без ответов на эти вопросы невозможно определить то, что принято называть политикой памяти.

По большому счету политика памяти (то есть целенаправленное её формирование) состоит из деконструкций и реконструкций. Как часто можно прибегать к тем и другим манипуляциям в отношении когорты людей, которых принято называть поколением? Существуют ли временные ограничения для восстановления (актуализации) памяти относительно исторических событий?

На сегодняшний день, мировая практика не имеет достаточного опыта для однозначных ответов на эти вопросы. Судя по историческому опыту нашей страны, титанические усилия государства по

полной деконструкции исторической памяти народа относительно досоветского периода, не увенчались успехом. И это несмотря на тотальную замену учебной литературы, мемориалов и памятников, топонимов и символики. Следовательно, нельзя не учитывать и иные (не общественно-публичные) скрепы, которые поддерживают механизм коллективной памяти в рабочем состоянии.

В этой связи изучающим феномен исторической памяти специалистам целесообразно обратить внимание на эмоциональную составляющую процесса запоминания (память чувств, которая чаще всего носит личностно-ориентированный характер).

И наконец, нельзя не отметить, что политика исторической памяти, судя по всему, зиждется на двух составляющих: мифах и идеологемах. Можно предположить, что перекося в любом из обозначенных направлений затруднит продвижение социума вперед. Надежным профилактическим средством во избежание подобных перекосов должны стать научные исторические исследования, которые по своей сути не должны иметь ничего общего ни с мифами, ни с идеологией.

Известно, что «присвоение» общественного опыта предков является непременным условием социализации личности. Вместе с тем, историческая память, как хранилище этого общественного опыта не передается последующим поколениям автоматически. Только активная деятельность индивидов, заинтересованных в поддержании исторической памяти этноса (или социальной группы), способна поддерживать её в актуальном состоянии.

Список литературы

1. Ахметшина А.В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-istoricheskaya-pamyat-i-ee-znachenie-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve>

2. Быкова С.И. Война и память как этические и исторические категории (на основе исследования знаний студентов) / С.И. Быкова, Л.Я. Баранова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. – Екатеринбург, 2011. – Т. 86. – Вып. 1. – С. 26–30.

3. Быковская Г.А. Концепция «Мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании / Г.А. Быковская, А.Н. Злобин, И.В. Иноземцев // Вестник Томского государственного университета. Серия История. – 2011. – №1. – С. 150–157.

4. Камынин В.Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания / В.Д. Камынин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – №1 (86). – С. 59–65.

5. Ларионов А.Э. Образ Великой Отечественной войны в сознании современного студенчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/531>

6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

7. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://roii.ru/publications/crises/article/1/repina_1.p./](http://roii.ru/publications/crises/article/1/repina_1.p/)

8. Государственная поддержка фильма «Сталинград». – 2013.

9. О крауфдафтинге фильма «28 панфиловцев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/article/2851792/>

Горбашова Галина Федоровна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ВРЕДНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ МИССИС МОРТИМЕР

***Аннотация:** в статье рассмотрено отношение викторианской писательницы ко всему иностранному, стереотипы восприятия азиатского мира. Главное внимание уделено сюжетам, представляющим в наибольшей степени имперский менталитет Ф.Л. Мортимер. Автором отмечен избирательный характер информации в этнографических изысканиях писательницы, отражающих ее предрассудки, ограниченность знаний о традициях, обычаях, религии народов Востока, порой достигающих невежества и расизма.*

***Ключевые слова:** образ «другого», образ «чужого», представления, стереотипы, имперский менталитет, этнографические изыскания, путеводитель.*

В 2005 году американский издатель Тодд Прузан случайно наткнулся в букинистической лавке на произведения Фавелл Ли Мортимер. Он объединил их в трилогию о странах и народах, опубликовав ее под единым названием «Самые негодные народы Европы» с собственным предисловием [1]. Географическая трилогия – путеводитель по странам мира викторианских времен вы-

звала большой интерес в европейском мире и спровоцировала дискуссии о колониализме, затрагивая такие проблемы, как «цивилизаторская миссия англичан», «бремя белого человека», представления народов друг о друге, восприятие «своего», «чужого». В настоящее время в России вышло немало работ, авторы которых на огромном фактическом материале по проблемам восприятия «своего», «чужого» реконструируют и анализируют механизм складывания образа той или иной страны [2; 3].

Фавелл Ли родилась в семье лондонского банкира Дэвида Бевина в 1802 г. Главным в ее жизни было стремление посвятить себя духовному воспитанию подрастающего поколения, что и нашло свое воплощение в создании приходских школ на территории имения ее отца и в ее творчестве. В 1833 году состоялся ее литературный дебют – опубликована ее первая книга религиозных наставлений для детей младшего возраста – «Рассвет». Эта книга принесла ей известность и каждая последующая публикация сопровождалась словами: «автор «Рассвета». Не меньшей популярностью пользовалась и другая ее книга – «Строчка за строчкой» – переложение библейских сюжетов, опубликованная в 1837 г. Вне сомнения, пишет Т. Прузан, Ф. Мортимер была целеустремленной писательницей, но ее «истовое протестанство», а порой и «ядовитое» мнение постоянно будет присутствовать во всех ее последующих работах [1, с. 11]. Можно согласиться и с утверждением биографа миссис Мортимер: неудачное замужество, бессердечность и жестокость ее мужа Томаса Мортимера в течение девяти лет брака, ее личная трагедия – лучший друг Генри Мэннинг стал католиком – не могло не отразиться на ее творчестве, в частности в ее географической трилогии, в так называемом «вредном путеводителе». Следует отметить, что «географические книги» миссис Мортимер, хотя и «достаточно занимательные, порой даже смешные», представляют собой очевидные викторианские предрассудки и ее специфическое восприятие различных стран [1, с. 18]. Многие ее заявления противостоят фактам, вызывают не только недоумение, в большей степени негодование и раздражение у современного читателя. Многие писательница оценивала с позиции: «а у нас в Великобритании», то есть с позиции превосходства Англии, хотя она и не приводит прямых аналогий, но заставляет читателя, хотя бы мысленно сравнивать с Британией. В описании таких стран, как Китай и Индия, миссис Мортимер явно указывает на значительную

роль Англии в их жизни. Мир в ее понимании делился на «цивилизованные» и «варварские» народы. И это вполне объяснимо: путеводитель создан в эпоху, когда Великобритания находилась в зените славы и ее жители искренне считали иностранцев беднягами, которым не повезло родиться британцами. Это было «состоянием викторианских умов». В трилогии Ф. Мортимер находится мало места сочувствию и много – снисходительному любопытству к «глупым инородным обычаям». И неважно «какой порок был у ваших предков – курение без перерыва, нюхание табака или чтение бесполезных романов» – миссис Мортимер всегда могла найти что-нибудь неприятное. Каждому народу она дает лаконичную, но очень нелицеприятную характеристику: ирландцы «очень добрые и покладистые, когда к ним хорошо относятся, но, если им противоречить, они тут же впадают в гнев, итальянцы – «люди невежественные и злые», португальцы – «самые нескладные и ленивые в Европе, почти как испанцы». Жители Уэльса «не слишком опрятны», так же, как и французы, греки – «не умеют с достоинством переносить трудности – вопят, как малые дети». Армяне «живут в норах, чтобы их не нашли курды, самый свирепый в Азии народ» [1, с. 28, 38, 46, 87]. Перед нами информация, которая в целом соответствует прочно вошедшим в сознание викторианцев устойчивым стереотипам о европейцах. Если уж миссис Мортимер не церемонится с европейцами, что уж говорить о других народах далеких стран Азии и Африки? Писательница обращает особое внимание читателей на такие негативные черты арабов, как склонность к грабежам и разбою, поэтому путешественники боятся проезжать через Аравию. «Арабы сидят на земле, у них нет стульев, они слишком быстро едят и пьют воду во время еды, кофе без молока и сахара, курят по многу часов» [1, с. 96]. В Афганистане, по мнению Миссис Мортимер, мужчины «жуткого вида существа – высокие, темные, косматые и жестокие; мясницкий нож на поясе, за плечом – ружье». Турки – «такие важные, что кажутся мудрыми. Но могут ли бездельники, которые все время сидят со своими опилком и кофе, быть мудрыми?» Египтяне – ханжи, никогда не говорят правду. А их соседи, иерусалимские евреи, больны и бедны, – несмотря на помощь, которую им посылают родственники из Европы. «Пока они не покаются в своих грехах перед Господом, Святая Земля не будет мирной и урожайной...» [1, с. 94, 96]. Сообщаемые суждения и общий тон повествования позволяет предполо-

жить, что это не только ее личное представление, но и существовавшие в викторианском обществе образы и стереотипы восприятия «чужого» и, которые были весьма устойчивы в Англии того времени. Конечно, должен учитываться и тот факт, что писательница не обладала достаточным уровнем знаний, ее убеждения и оценки являлись отражением той среды, в которой писалась ее трилогия. Викторанцам могло показаться, что миссис Мортимер более благосклонна к китайцам. Они предстают перед читателями как «покорные, потому что называют себя «никчемными», «глупцами», но, если их кто-то так называет, то они обижаются», китайцы «предпочитают чай вину... в каждом городе у них есть чайные таверны и это куда лучше, чем пивные магазины..., но они ... начали курить опиум». Вместе с тем автор путеводителя все же оставила китайцам один шанс: они все «гордятся своей страной». Но Ф. Мортимер не упускает возможности высказать свою язвительную характеристику: китайцы «самолюбивы, бесчувственны – они спокойно проходят мимо умирающих от голода детей; они лишь притворяются покорными, заключая характеристику словами: «они считают Англию очень уродливой и называют их (англичан – Г.Г.) «красноволосой» нацией» [1, с. 103–104]. При этом миссис Мортимер воспринимает «свое» позитивно, а незнакомое «чужое» негативно. Вне сомнения, ее оценки – это не только личные предубеждение и предрассудки, но и отражение восприятия «своего» и «чужого», существовавшее в сознании викторианцев представление о других народах, в частности и о китайцах.

Не менее интересным, на наш взгляд, является присущее викторианской писательнице восприятие азиатских женщин. Маркерами безапелляционных и злых характеристик служат такие эпитеты как «безделье», «глупые развлечения», «невежественность», «жестокость» и тому подобное. В книге она пишет: в Индии женщины проводят свое время в «безделье, прогуливаясь и сплетничая», практически ничем не занимаются, «не читают и не могут писать»; в Персии женщины много времени проводят в «бане, где пьют кофе»; египтянки ведут «праздный образ жизни» [1, с. 99, 103, 107]. Она уверяла читателей – а это, разумеется были англичанки, что в большинстве своем азиатские женщины невежественны, подвержены всяческому суевериям. Так, египтянки, «ничего не зная сами, воспитывают своих детей в невежественности», а китаянки, как и все китайцы, считают «иностранцев чертями и некрасивыми обезьянами», внушая это своим детям [1, с. 103, 104, 144]. Текст сквозит

пренебрежением к тем, кого она не понимала, не знала, кто отличался от нее по воспитанию и культуре. Ф. Мортимер не видит в них людей с иными ценностями, стилем жизни. Ее описания лишены знаний о традициях, образе жизни азиатских женщин. В оценках писательницы явно ощутимо превосходство образа жизни «цивилизованной нации».

Нельзя утверждать, что Ф. Мортимер не интересовалась жизнью отдельных азиатских стран. Но ее интерпретация традиций и обычаев этих стран не всегда производят приятное впечатление. Так, писательница пишет: «в Аравии три главных зла – нехватка воды, так как здесь нет рек, саранча, съедающая все и песчаный ветер, но главное зло – это магометанская религия; «Китай – языческая страна», китайцы «поклоняются мертвым», в Индии – множество богов и некоторые из богов «представлены в виде змей и обезьян», индийцы объединены в касты – это брахманы, шудры, «живущие вне каст – парии»; много нищих, среди которых она выделяет брахманов, «потерявших касту» и факиров – «они магометяне, а не брахманы» [1, с. 96–97, 100, 106, 108–109]. Для миссис Мортимер религиозный вопрос всегда оставался актуальным в силу ее религиозного воспитания. Она не могла себе позволить пропустить в описании страны вопрос о религии. В Китае «три религии: даосизм, буддизм, конфуцианство» И что это за религии? «Даосизм делает людей сумасшедшими, буддизм учит вести себя по-идиотски – не думать ни о чем; конфуцианство учит быть мудрыми, но бездушными» [1, с. 103]. Это предвзятое и неуважительное отношение было вполне логичным в свете ее духовного воспитания в семье и ее стремления к изучению Библии, которое она начала в 25 лет. Даже католическая вера, по ее убеждению, хотя и «являлась ветвью христианства, но плохой». При этом нетрудно заметить отсутствие у Ф. Мортимер знаний о религиях других стран. Так, индуизм представлен в виде множества богов и поэтому «ни один человек не может знать их имена». Нет даже каких-либо упоминаний о другой религии в Индии – исламе. Здесь присутствует не только отсутствие знаний о странах, но и тот факт, что писательница никогда не была в этих странах, не могла наглядно увидеть обыденную жизнь китайцев, индийцев и других народов. Возможно, ее описания опирались на существовавшие знания о традициях и обычаях стран Азии, в частности Китая и Индии, на информации британцев, побывавших в этих странах и, по-видимому, не обладавших достаточ-

ным уровнем знаний, чтобы понять всю специфику жизни восточных стран. Но главное – книга писалась в эпоху «великой» британской империи, когда англичане гордились покорением различных территорий в Азии, продолжавшимся с невиданным ранее размахом. И неслучайно миссис Мортимер представляет картину жизни Китая и Индии в тесной связи с Британией и той роли, которую она играла в этих странах. Так, писательница пишет: «торговля с Западом (имеется в виду, прежде всего с Англией – Г.Г.) стала рывком для Китая, хотя и через некоторые болезненные корректировки в середине XIX века», быстро растет экономическое влияние Британии в Индии вместе с протяженностью проложенных телеграфных и железнодорожных линий» [1, с. 100, 105]. Убежденность в превосходстве Англии выступает на первый план, впрочем, в 1860 году, отмечает Ф. Мортимер, ссылаясь на энциклопедию (по-видимому, британскую – Г.Г.). Индия – страна, «обладающая мануфактурным искусством – изящным текстилем, богатым вышивкой; резной мебелью, украшенной драгоценными камнями – и это продукты способных индусов, но которые тем не менее лишены изобретательности» [1, с. 105]. Превосходство Англии и англичан было самым важным и значимым для Ф. Мортимер и эту мысль она стремилась донести до читателей ее книги. В связи с этим сравнивая Индию и Китай, писательница пишет: Индия «принадлежит маленькой стране, называемой Англия». В своем сравнении двух стран она не отрицает очевидных фактов. «Китай – это империя, ... китайцы – трудолюбивы, ... индийцы – ленивы». Впрочем, миссис Мортимер остается верна своим представлениям о «варварских народах». В контексте ее сравнения присутствует язвительное утверждение: «оба народа – лживые, немилосердные к бедным, и в их обычае – истребление маленьких девочек и собственных младенцев» [1, с. 108]. В ее суждении была заключена вся ее нелюбовь, презрение к людям чуждой ей культуре, чувство превосходства представительницы «цивилизованной нации».

В книге миссис Мортимер можно выделить две составляющие: личные представления писательницы о «чужих» странах и описание разных стран. Личные представления отражают викторианские убеждения о превосходстве Британии и стереотипы, весьма характерных для жителей «великой британской империи» и лично для автора «вредного» путеводителя. Ее описание – путеводитель, скорее, по предрассудкам и стереотипам, многие из которых оказа-

лись очень живучи. Наблюдения писательницы, в большей степени, негативные к небританцам и «восхитительно» невежественны. Миссис Мортимер не заботилась о том, чтобы описываемые ее факты хоть немного совпадали с реальными, хотя возможности для этого уже имелись.

Список литературы

1. The Clumsiest People in Europe, or Mrs. Mortimer's Bad-Tempered Guide to the Victorian World / Т. Pruzan. – Dloomsbury, 2005.
2. Караваева (Федорова) Д.Н. Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании // Международный журнал исследований культуры (Электронное издание) Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологи). – СПб.: Изд-во гуманитарной литературы Эйдус. – 2013. – №2 (11). – С. 61–68.
3. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» ... поляки и русские глазами друг друга // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: Иви ран, 2012. – Вып. 39. – С. 9–19.

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой

Семенова Валерия Вениаминовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**МЕТОДИКА УСТНОЙ ИСТОРИИ И СОЗДАНИЕ
АРХИВА ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ
ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА**

Аннотация: авторами анализируются особенности устной истории как одного из направлений современной исторической науки. Оценивается методика создания различных источников устной истории (интервью, воспоминания и анкетирование). Обозначены перспективы создания центра устной истории в ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Ключевые слова: устная история, интервью, воспоминания, анкетирование, архив устных исторических источников.

Одним из важных направлений в развитии современной исторической науки является устная история. Это – направление междис-

циплинарных исследований в области социальной истории, посвященное фиксации, систематизации и изучению свидетельств очевидцев и современников исторических событий [5]. Устная история начала свое активное развитие как технология сбора исторических источников и самостоятельное научное направление с 1940-х гг. В 1960 г. была создана Международная ассоциация устной истории, а с 1978 г. стали проводиться научные конференции, посвященные данной тематике. Главной задачей устной истории является создание источниковой базы по новейшей истории посредством интервьюирования очевидцев и участников событий прошлого с фиксацией на аудио – и видеоносителях. Формирование устной истории как особого направления исторической науки было обусловлено целым рядом факторов: все большую актуальность приобретали проблемы, связанные с «недавним» прошлым; нельзя не упомянуть и о том, что зарубежная историография находилась под влиянием экзистенциализма, традиций социальной истории и постмодернизма, что вызывало методологические поиски в историографии [6, с. 37].

Можно выделить следующие методы устной истории: интервьюирование, анкетирование и инициирование личных воспоминаний. Из них основным методом является метод интервью. Он имеет целый ряд особенностей, которые стоит учитывать при анализе результатов интервью. С. Квале отмечает высокую степень субъективности этого вида источников. При интервьюировании рассказчик забывает или упускает какие – либо факты, потому что респондент как бы переживает все события заново. Поэтому некоторые факты рассказчик может поставить в центр, хотя объективная значимость данной информации может быть небольшой, другие – не упомянуть [2, с. 87]. Кроме того, рассказчик, несомненно, подвергается влиянию интервьюера. Интервьюер может регулировать ход беседы и задать определенный эмоциональный тон интервьюированию. При транскрибировании записи могут также происходить некоторые искажения. Исследователь может подправить текст на свое усмотрение, сделать его более «правильным» в логическом и грамматическом отношении. В методе интервью есть еще одна особенность. Несомненно, следует учитывать этнический, гендерный и политический факторы. Это особенно касается людей старшего поколения. «Статусность» респондентов, уровень их образования,

стремление к самопрезентации могут создавать сложности в ходе интервью [1, с. 93]. Но ценность данного метода заключается в возможности увидеть события недавнего прошлого глазами современников.

В устной истории можно выделить еще один метод – анкетирование, хотя ученые считают его достаточно спорным. Особенности этого метода заключаются в том, что респонденту передается анкета с вопросами, на которые он должен дать письменные ответы. Но зачастую анкета диктует респонденту определенные рамки, вследствие чего опрашиваемый не может дать полный, развернутый ответ в отношении тех или иных событий. Положительные черты метода анкетирования состоят в том, что здесь не требуется транскрибирования аудиозаписи, а значит, на систематизацию информации уходит намного меньше времени по сравнению с интервью. Недостаток анкеты не только в определенном «навязывании» хода воспоминаний, но и в том, что письменные ответы, как правило, более тщательно обдумываются информантом, и поэтому лишены непосредственности устных ответов при интервьюировании. Однако анкетирование позволяет охватить больший круг респондентов. Кроме того, анкета может уточнить материалы интервью. Для получения более качественных материалов посредством анкеты можно предварительно письменно или устно разъяснить респонденту цель опроса. При таком условии возможно получение более качественной анкеты, пригодной для исследователя устной истории [1, с. 95].

Следующий метод устной истории – инициирование личных воспоминаний. Данный метод в исследовании мы применяем тогда, когда респонденты сами проявляют инициативу написать личные воспоминания (в том числе, под воздействием интервью и анкеты). В этом случае респондент, отвечая на вопросы, не придерживается строго определенной последовательности, а представляет текст в форме рассказа.

Стоит отметить универсальность методологии устной истории, благодаря которой каждый человек может принять участие в формировании прошлого. Именно посредством методологии устной истории с 2015 г. преподавателями и студентами ЧГУ им. И.Н. Ульянова предпринимаются попытки создания наиболее полного архива воспоминаний ветеранов университета с целью восполнения

отсутствующей информации в письменных источниках, сохранения памяти о важных страницах в истории города Чебоксары, а также восстановления фактов истории Чувашия государственного университета. В 2015–2016 году было взято 100 интервью у выпускников и преподавателей ЧГУ им. И.Н. Ульянова, собрано более 150 анкет и получено 7 инициированных личных воспоминаний наиболее видных деятелей университета. По хронологии воспоминаний все анкеты и интервью можно разделить на 60-е гг., 70–80-е, 90–2000-е гг. [4, с. 104]. Кандидатуры респондентов подбирались так, чтобы охватить как можно больше представителей различных факультетов университета и в ходе исследования именно метод интервью позволил не только восполнить недостающую информацию, но и выявить взгляды конкретного человека, исследовать глубинные мотивы его поведения и мнения по проблемным вопросам. Благодаря интервью удалось осветить важные вопросы, касающиеся истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова: этапы становления вуза; особенности учебного процесса; университетские мероприятия в сфере культурно – массовой и спортивной работы. При обработке интервью использовался метод транскрибирования, заключающийся в дословном воспроизведении аудиозаписи интервью в письменной форме. Личные воспоминания представителей Чувашия государственного университета также сыграли важную роль в работе, это законченный источник, относящийся к источникам мемуарного типа. Собранные воспоминания имеют различный характер: некоторые охватывают большое количество вопросов – от истории создания университета до культурно – массовой работы, научной и спортивной жизни вуза; вторую группу составляют «узкие» воспоминания, посвященные конкретному вопросу. Метод анкетирования позволил собрать обширный фактический материал по истории университета у большого количества респондентов за относительно короткий промежуток времени.

Таким образом, были сделаны первые шаги к созданию архива воспоминаний ветеранов Чувашия государственного университета, удалось проделать обширную работу по сбору, обработке, анализу и дальнейшему использованию полученных устных исторических источников. Идея создания архива воспоминаний, помимо вышеназванных, была обусловлена рядом факторов: во – первых, архив поспо-

собствовал бы систематизации уже собранных устных исторических источников; во – вторых, это важно для дальнейшей работы по изучению не только истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова, но и многих перспективных тем, например, таких как: развитие высшего образования в Поволжье, включая исследования по истории становления и развития крупнейших университетов данного региона; изучение повседневной жизни чебоксарцев с привлечением новой локальной истории (при этом, можно не ограничиваться лишь современностью, а выйти за ее хронологические рамки). Историю Чебоксар можно узнать из письменных документов по истории города, однако о повседневной жизни в прошлом и настоящем могут рассказать только сами горожане. Поэтому необходимо изучение наиболее важных и ярких событий в истории республики посредством сбора воспоминаний. В рамках создания архива воспоминаний может проводиться широкая историко-просветительская деятельность, включая подготовку публикаций различного уровня в области устной истории, обмен опытом с другими региональными архивами устных исторических источников, привлечение специалистов различных дисциплин, которые разделяют и используют в своих исследованиях методологию устной истории, а также популяризацию устной истории не только в высшем, но и среднем образовании.

Список литературы

1. Иванова Т.Н. Память университетской корпорации: проблемы сохранения и анализа / Т.Н. Иванова, О.Г. Вязова, И.А. Липатова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №4. – С. 89–97.
2. Квале С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2009. – 301 с.
3. Лопатина Н.Л. «Устная история» как научный исторический жанр / Н.Л. Лопатина // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: Сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции (31 октября 2014 г.): В 3 ч. Ч. III / Под общ. ред. М.Г. Петровой. – Белгород: ИП Петрова М.Г., 2014. – С. 67–70.
4. Семенова В.В. Создание банка воспоминаний ветеранов Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова / В.В. Семенова, Т.Н. Иванова // Студент – Наука – Развитие: Сб. тр. Всерос. 50-у научн. студ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 104–108.
5. Филюшкин А.И. Методические указания по проведению исследований по устной истории // Наш Политех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nashpolytech.ru> (дата обращения: 05.11.2015).
6. Щеглова Т.К. Устная история: Учеб. пособие / Т.К. Щеглова. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – 364 с.

Кубанова Марина Назировна

канд. ист. наук, доцент, профессор

Лайпанова Марьям Ханapieвна

магистрант

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева»

г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Аннотация: статья посвящена анализу произведений художественной литературы зарубежных авторов. Обоснована значимость использования произведений художественной литературы зарубежных авторов на уроках истории при изучении основных событий XX века. Отмечено влияние связи литературы и истории в образовательном процессе при изучении военных событий на формирование патриотизма и гражданственности у учащихся, а также на формирование мировоззрения личности.

Ключевые слова: история, художественная литература, войны XX века, патриотизм, гражданственность, воспитание, обучение.

Изучение всемирной истории в средней школе включает в себя, в том числе, и изучение таких важных событий и явлений общемирового значения, как «Первая мировая война», «фашизм», «Вторая мировая война», «Холодная война» и др. Знакомство с данными событиями расширяет кругозор учащихся, формирует их гражданскую позицию и воспитывает в них патриотические чувства. Тем большее значение, при этом, как нам представляется, имеет использование на уроках дополнительного материала, как, например, исторических источников (воспоминания, мемуары, официальные документы, переписка мировых лидеров), и, наряду с ними, произведений художественной литературы. Если анализ исторических источников поможет глубже понять суть происходивших явлений и событий, то использование произведений художественной литературы создаст эмоциональный настрой у учащихся и поможет им сформировать представления о духовной составляющей изучаемой

эпохи. Этому способствует специфика художественной литературы. Общеизвестно, что «художественный образ, как правило, отличается меткостью и убедительностью» [8]. И это облегчает восприятие исторического прошлого. Привлекаемые на уроках истории художественные образы усиливают познавательную направленность преподавания, дают учителю возможность довести до сознания учащихся идейное содержание темы в доступном конкретном виде, способствуя более прочному закреплению в памяти учащихся изучаемого исторического материала. Обращение к богатствам художественной литературы, безусловно, помогает повышению педагогического мастерства. Кроме того, «ценность художественной литературы как источника заключается в способности отражать ментальность своего времени, способствовать реконструкции определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия, т.е. воспроизводить субъективные аспекты социальной реальности» [4]. Именно поэтому использование художественной литературы на уроках истории является необходимым и важным элементом образовательного процесса.

Многие исследователи убеждены, что «своеобразие литературы состоит в признании за ней способности отразить нематериальные, иногда трудноуловимые, но от этого не менее действенные факторы исторического процесса». Именно эта черта художественной литературы, по мнению Н. Размановой, видится многим ученым приоритетной при обращении к ней как источнику понимания прошлого. Ссылаясь на исследователя этой проблемы Н. Цимбаева, она подчеркивает, что художественная литература «особенно важна при выяснении внутренней правды эпох, отличающихся особым трагизмом». Например, достоверность деталей военного быта и боевых будней в произведениях некоторых авторов, прежде всего писателей-фронтовиков, делает их добротной литературой, приближающейся к мемуарам. «Так вскрывается очевидный, фактологический срез произведений о войне. Кроме того, такая литература акцентирует внимание на нравственной ответственности, личном выборе солдат и офицеров в экстремальных ситуациях. Такая литература рассматривается уже как историко-художественный документ целой эпохи» [7, с. 23].

При изучении самых сложных, ключевых тем всемирной истории может быть использовано достаточно большое количество

произведений художественной литературы, написанных как советскими, российскими авторами, так и зарубежными писателями. Много известных, маститых мастеров пера откликнулись своими произведениями на происходившие в годы Первой мировой войны события, на изменения в идеологии Европы в межвоенный период и, конечно, на глобальные потрясения во время Второй мировой войны. В связи с этим, учитель может столкнуться с проблемой отбора материала при изучении той или иной из указанных тем из-за обилия хорошей литературы. Каждый может выбрать то или иное произведение, исходя из собственных пристрастий и интересов. Мы хотели бы остановиться на некоторых наиболее значимых, на наш, взгляд, произведениях зарубежной литературы, которые можно использовать в старших классах средней школы при изучении всемирной истории.

Тема истории и событий Первой мировой войны является кардинальной темой всемирной истории. При изучении этой войны следует использовать произведения мировой литературы, прежде всего, созданных в первой половине XX века, поскольку военные события определили личные судьбы и сформировали художественные индивидуальности, например, таких писателей, как Анри Барбюс, Ричард Олдингтон, Эрнест Хемингуэй, и повлияли на творчество многих писателей стран Европы.

После окончания войны в европейской и американской литературе появилось большое количество фундаментальных произведений, среди которых особенно хотелось бы отметить три романа: «Смерть героя» Р. Олдингтона, «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка и «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя. В этих произведениях представителей «потерянного поколения» «было столько отчаяния и боли, что их определили как скорбный плач по убитым на войне, даже если герои книг и спаслись от пуль. Это реквием по целому поколению, не состоявшемуся из-за войны, на которой рассыпались идеалы и ценности, которым учили с детства» [6, с. 18].

Обращение к трем вышеозначенным романам позволит воссоздать образы воевавших в той войне и сделать более реальным осознание бессмысленности и масштабов всего случившегося. Так, в романе «Смерть героя», Олдингтон подвергает резкой критике английское общество начала века, осуждает безумие и преступность

войны. На примере молодого интеллигента Джорджа Уинтерборна автор показывает трагедию поколения, сломленного и раздавленного войной. «Смерть героя», по словам автора, «...в сущности, надгробный плач, слабая попытка создать памятник поколению, которое на многое надеялось, честно боролось и глубоко страдало» [6, с. 19]. Герой этой книги, прочитавший всю поэзию, прекрасно знавший живопись, пробовавший себя в искусстве, на войне становится просто порядковым номером, 31819, одним из тысячи безликих. Так автор показывает, что на фронте не нужны личности и таланты, там нужны только послушные солдаты. Но на примере Джорджа Олдингтона показал трагедию человека, который не смог и не захотел приспособиться к войне, который так и не научился убивать и лгать.

Эта же тема, тема «человека на войне», раскрыта в романе Э.М. Ремарка (1898–1970) «На Западном фронте без перемен», одном из наиболее ярких литературных произведений о Первой мировой войне. В эпиграфе к роману сам Ремарк пишет: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал её жертвой, даже если спасся от снарядов». Но роман стал и исповедью, и обвинением, рассказав историю убийства на войне четверых одноклассников. В романе сочетается описание военных событий с воспоминаниями о мирных днях и раздумьями о несправедливости и зле мира, олицетворённых в войне.

В романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», автор стремился художественно раскрыть, как война и связанные с ней бедствия лишают человека права на достойную, полноценную жизнь и деятельность. Хемингуэй создаёт потрясающе яркие и сильные эпизоды военных будней, сражений, коротких дней отдыха, пьяный угар ресторанов в прифронтовых городках, гнетущую тоску лазаретов [6, с. 19].

Несколько особняком, но от этого не становится менее значимым, стоит роман мастера политической сатиры Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Роман вошёл в сокровищницу мировой литературы и может быть использован при воспроизведении событий Первой мировой войны, происходящих на территории умирающей Австро-Венгерской империи. Произведение

описывает события, происходящие с Йозефом Швейком – отставным солдатом, с началом войны вновь призванного на службу. Автор неподражаемо сочетает авантюрные приключения Швейка, с острейшей социальной и политической сатирой. Бравый солдат Швейк фигура одновременно и комическая, и трагедийная.

Данные произведения дадут возможность рассматривать историю Первой мировой войны через призму чисто человеческих, личностных оценок и позволят на примерах, описанных в произведениях художественной литературы, привести учащихся к выводам о том, что война 1914–1918 гг. является крупнейшей цивилизационной катастрофой индустриальной эпохи.

При изучении последующих тем по истории XX века также возможно использование произведений художественной литературы. Так, рассказывая о проблемах, связанных с мировым кризисом 1929–1933 гг., как то голод, безработица, нищета, недовольство и разочарованность населения, учитель может привлекать произведения американских писателей Т. Драйзера «Америку стоит спасти», Дж. Стейнбека «Гроздь гнева», немецкого автора Г. Фаллады «Маленький человек, что дальше?», английского писателя Л. Доэрти «Сыновья шахтера», француза Ж. Фревиля «Тяжелый хлеб» и др.

История появления фашизма и борьбы с ним тоже, не единжды, нашла свое отражение в художественной литературе. Этой, и на сегодняшний день являющейся актуальной теме, посвящены произведения таких известных авторов, как Э.М. Ремарк «Возлюби ближнего своего», А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми», «Дневник Анны Франк», М. Зусак «Книжный вор», Р. Мерль «Смерть – мое ремесло», Р. Гари «Европейское воспитание», Л. Фейхтвангера «*Братья Лаутензак*» и др.

Самому грандиозному и трагическому событию XX века – Второй мировой войне – посвящено огромное количество произведений художественной литературы и, конечно, без этого замечательного дополнительного материала изучать данную тему невозможно. Всем учителям известны фундаментальные эпохальные произведения, как российских, так и зарубежных авторов, поэтому мы хотели бы остановиться лишь на отдельных произведениях, имеющих право участвовать в образовательно-воспитательном процессе школьников.

Австралийский писатель Т. Кенэлли в известном произведении «Список Шиндлера» описал реальные события, происходившие в оккупированной Польше во время Второй мировой войны. Рассказ о том, как немецкий промышленник, начальник концентрационного лагеря Оскар Шиндлер, в одиночку спас от смерти в газовых камерах больше людей, чем кто-либо за всю историю войны, поможет учителю донести до учеников идею сохранения человечности даже в тот момент, когда вокруг царит смерть и жестокость.

В продолжении данной темы может быть использован роман немецкой писательницы А. Зегерс «Седьмой крест», в котором рассказывается о побеге из гитлеровского лагеря «Вестхофен» семерых узников, во время поисков которых разъяренный начальник лагеря приказал подготовить семь крестов, чтобы распять на них беглецов, когда они будут пойманы. Шестерых удалось схватить, а седьмой крест пришлось спилить, так как седьмой беглец так и не был пойман... [1].

В романе «Искра жизни» Э.М. Ремарка также рассматриваются проблемы героизма людей, попавших в концлагерь и не потерявших надежду на освобождение [2]. В повести «Луна зашла» американского писателя Дж. Стейнбека события происходят в небольшом городе, оккупированном врагами. Автор показывает обстановку в городе и то, что чувствуют его жители. А в романе знаменитого американского писателя К. Воннегута описываются впечатления автора о событиях февраля 1945 г., когда союзники бомбили Дрезден [10].

В романе известного автора детективов Дж. Ле Карре «В одном немецком городке» звучит тема вины и ответственности английской политики как за события прошлого (например, проводится мысль о том, что концлагеря были придуманы англичанами в эпоху англо-бурской войны), так и за замалчивание преступлений нацистов во имя политических интересов настоящего [9, с. 265].

Также интересны школьникам могут быть произведения французского писателя, поэта и профессионального лётчика Антуана де Сент-Экзюпери. «Военный лётчик», где говорится о тяготах войны и о том, как меняются на ней люди, и американского писателя и киносценариста Ирвин Шоу. «Молодые львы» о трёх молодых людях во время войны – немца, еврея и американца, чьи

судьбы оказались переплетены в ходе войны. В основу обоих произведений легли события, увиденные и пережитые самими авторами – они были участниками Второй мировой войны в качестве летчика и военного корреспондента соответственно.

Несколько особняком стоит автобиографическая книга известного немецкого писателя Кёрнера-Шрадера «Дневник немецкого солдата». В ней события минувшей войны освещаются с позиций солдата-антифашиста [2].

Таким образом, произведения художественной литературы, написанные зарубежными авторами в разное время, могут отлично вписываться в учебный процесс по истории XX века. Они отвечают всем поставленным перед художественной литературой задачам и функциям: коммуникативной, познавательной, воспитательной, эстетической, созидательной. Реализация всех этих функций способствует формированию мировоззрения личности. Но при изучении вышеуказанных тем главной становится функция воспитательная. И с этим выбранные нами произведения справляются однозначно. Авторы этих работ очень профессионально используют главный инструмент писателя – художественный образ, а не назидание. «Используя художественные образы, автор предоставляет человеку самому сформировать отношение к описываемым в произведении событиям, сделать выводы, извлечь урок» [5, с. 18]. А это, зачастую, и является главной целью на уроках истории

Использование художественной литературы в процессе изучения всемирной истории XX века помогает восстановить связь времен, приблизить события тех далеких дней, пережить их заново, облекая в судьбы конкретных людей – еще живущих или уже ушедших [3, с. 27].

Список литературы

1. Великая Отечественная и Вторая Мировая войны в художественной литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookmix.ru/groups/view-topic.phtml?id=2225>

2. Вторая мировая война в книгах зарубежных писателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/selection/111369-vtoraya-mirovaya-vojna-v-knigah-zarubezhnyh-pisatelej>

3. Изюмский А.Б. Трудные вопросы в современном школьном учебнике // Преподавание истории в школе. – 2016. – №3.

4. Краткий курс лекций по дисциплине «Источниковедение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studme.org/43725/istoriya/proizvedeniya_hudozhestvennoy_literatury_folklor_a_kak_istochnik_istorii_rossii_novogo_noveyshego_vremeni

5. Куценко Н.Ю. Роль классической художественной литературы в формировании мировоззрения личности [Текст] / Н.Ю. Куценко // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №3.

6. Первая мировая война в художественной литературе: рекомендательный список литературы // МКУК ЦГБС, ЦГБ им. М.А. Шолохова, методико-библиографический отдел / Сост. И.А. Постнова; ред. Е.Н. Рагузина; отв. за вып. М.Г. Крайникова. – Камышин, 2014. – 24 с.

7. Разманова Н. «На стыке двух континентов...» (О взаимодействии литературы и истории) [Текст] / Н. Разманова // Вопросы литературы. – 2003. – №4.

8. Роль художественной литературы на уроках истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parnasse.ru/prose/essay/history/rol-hudozhestvennoiliteratury-na-urokah-istori.html>

9. Хабибуллина Л.Ф. Вторая мировая война в современной литературе // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. – №2(40). – С. 265.

10. Художественная литература зарубежных авторов о второй мировой войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://900igr.net/prezentacija/literatura/khudozhestvennaja-literatura-zarubezhnykh-avtorov-o-vtoroj-mirovoj-vojne-108450.html>

Липатова Ирина Алексеевна

доцент

Ильина Александра Борисовна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОЙНА 1950–1953 гг. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЮЖНОЙ КОРЕИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА)

Аннотация: в данной статье анализируется формирование и развитие исторической памяти о войне 1950–1953 гг. Южной Кореи и ее отражение в южнокорейском кинематографе.

Ключевые слова: война в Корее 1950–1953 гг., южнокорейский кинематограф, историческая память, образ врага, Север Кореи, Юг Кореи.

Одно из самых крупных вооруженных столкновений периода «холодной войны» – это корейская война, длившаяся с 1950 по 1953 годы. Эта война окончательно закрепила разделение Кореи на два враждебных государства, которое так и не удалось преодолеть

до настоящего времени. В историографии различных стран мира эта война именуется по-разному. В советской и северокорейской историографии она называется Отечественной освободительной войной корейского народа. Такая оценка связана была с позицией о том, что эта война была вызвана агрессией с Юга и направлена на ее отражение, а значит, была справедливой. В западной и южнокорейской историографии её именуют достаточно нейтрально – Корейская война [5, с. 344–345].

Данная война занимает особое место в исторической памяти корейского народа. Поэтому она получила достаточно широкое отражение в южнокорейском кинематографе.

Можно выделить два периода в южно-корейском киноискусстве, где данная война изображена с различных позиций. Одним из критериев, который был взят за основу его анализа, является отношение к северным корейцам.

В фильмах первого периода (1953 – конца 1980-х гг.), как это бывает в любой войне, хорошо показаны человеческие жертвы рассматриваемой войны, демонстрируется мощь и сила Южной Кореи. Страдания солдата, который потерял на войне сослуживца и друга, боль утраты членов семьи, близких, появления сирот после войны заставляют зрителя задуматься в том, сколько боли, горя, одиночества и смерти несет за собой война.

В фильме режиссера Ли Ман Хи «Морские пехотинцы, которые никогда не вернулись» (1963 г.) демонстрируется самое современное оружие, танки, самолеты Южной Кореи, где авторы пытаются показать мощь, силу этой страны. В качестве фоновой музыки часто используется патриотическая мелодия, которая настраивает идти в бой, и ни на шаг не отступать.

Южнокорейские солдаты представлены сильными, стойкими людьми в борьбе с врагом, в то же время сочувствующими и сострадательными к невинной жизни. Главная цель солдата – это защитить свою Родину от агрессивных коммунистов. Существует четкое разделение: враг там, свои – здесь.

Интерес к северокорейским солдатам появляется сразу же после окончания Корейской войны. У них отмечают все самые негативные качества, особенно возмущают действия командиров. Они легко без суда и следствия могут избавиться от членов своей команды. Причины могут быть самыми различными. Например, за

потерю оружия, связь солдата родственными отношениями с «предателем», за недовольства действиями коммунистов, раненные им тоже не нужны, они как балласт. Такой взгляд отражен в фильме «Пиагол», созданном в 1955 г. (режиссер Ли Кан Чён, автор сценария Ким Чен Хван). Такие действия заставляют остальную команду жить в постоянном страхе, т.к. за любые нарушения их ждёт та же участь. Этим авторы хотели показать то, что губит отряд не враг, а сами северяне. Вместе с мужчинами могли воевать и женщины, чего нельзя увидеть у южан. Наконец, северянам ничего не стоит убить простых граждан («Пиагол» 1955). При этом, конечно же, и среди северян находятся люди, у которых хотя бы появляется мысль о том, правильные ли действия они совершают. Если таким людям посчастливилось избежать смерти, чаще всего за спасением они направляются на юг полуострова.

Жизни простых горожан или сельчан в кинематографии мало уделяется внимание, но косвенные свидетельства дают понять, что они находились в полном страхе от северян. Деревни и города, занятые ими, постоянно находились под наблюдением. Так, например, если сообщалось о том, что в деревне находится реакционер, чаще всего это были сами же сельчане, туда отправлялся отряд, который и расправлялся с противниками, не щадя при этом ни пожилых людей, ни женщин, у которых были маленькие дети («Пиагол», 1955 г.).

Авторы фильмов стараются вообще не касаться политики, когда представляют Южную Корею, а вот при рассмотрении событий на Севере упоминается Советский Союз («Пиагол», 1955 г.), хотя его участие было в строжайшей секретности. Американские солдаты в фильмах 1950–1960-х гг. иногда появляются, но их причастность к войне часто упускается из виду.

Южнокорейская кинематография второго периода (1990-е гг. – по настоящее время) большое внимание уделяет тому, что эта война была бессмысленной, которая закончилась в той же точке, где и началась, принося только смерть, разруху, несчастья и калечу людей как морально, так и физически. Часто можно увидеть, что солдаты не понимают, за что они борются. Сравнивая войну с освобождением Кореи от японской оккупации, когда главная цель корейского народа была жить свободно, им тяжело признать эту войну, где брат убивает своего брата («38-параллель», режиссер

Кан Джэ Гю, авторы сценария Кан Джэ Гю, Хан Джи Хун, Ким Сан Дон, 2004 г.).

В современных фильмах авторы пытаются обосновать идею о том, что северные и южные корейцы – это единый народ, который страдает от войны одинаково, независимо от того на какой стороне от 38 параллели он находится. У каждого есть семья, о которой нужно заботиться, каждый почувствовал горечь утраты ближнего, каждый хочет быстрее закончить войну и вернуться домой. Во многих фильмах показано, как противники постепенно становятся друзьями («Добро пожаловать в Донгмакгол», режиссер Пак Кван Хён, автор сценария Джан Чин, 2005 г.; «Западный фронт», режиссер Чхон Сон Иль, автор сценария Чхон Сон Иль, 2015 г.). В этих фильмах появляются сюжеты, как враги на поле боя запевают печальную песню, а затем продолжают воевать друг с другом («Линия фронта», режиссер Чан Хун, автор сценария Пак Сан Ён, 2011 г.).

В фильмах, снятых в последние годы, все чаще делается попытка показать несомненное участие американцев в корейской войне, а именно ту большую роль, которую они сыграли в длительных переговорах и при заключении договора о прекращении огня 27 июля 1953 г. Отвечая на вопрос о том, кто начал войну, везде ответом является Корейская Народная Республика.

В фильме «38-параллель» (режиссер Кан Джэ Гю, авторы сценария Кан Джэ Гю, Хан Джи Хун, Ким Сан Дон, 2004 г.) отчетливо показано, что на войне происходила полная неразбериха, где тяжело было понять, кто за кого воюет. Человек по личным обстоятельствам мог быть сначала на одной стороне, затем на другой. Он мог быть южанином, который случайно оказался на севере, где его призвали и ему пришлось воевать против своих; или же он принудительно был призван в северокорейскую армию уже на территории юга, занятой северянами.

Создатели фильмов большое значение придавали человеку как личности в этой войне, тому, как он справлялся с трудностями в этих невыносимых условиях. В них можно увидеть, как солдат пытается сохранить в себе человеческие качества: сочувствие, жалость, но не всегда ему это удается. Иногда он вынужден идти на человеческие жертвы ради достижения каких-то более высоких и более значимых, по мнению руководства, целей. С одной стороны,

ему немедленно нужно подчиниться приказу, с другой, он, из чувства сострадания к приговоренным, не может ему следовать, для этого нужно морально подготовиться.

Оценка по отношению к северянам со временем меняется. Это можно увидеть по цитате из фильма: «Я думал, что северокорейские солдаты – это черти с рогами, но сегодня они звали на помощь, кричали «мама!», прямо как мы...» («Необстрелянные. 71: в огне», режиссер Ли Дже Хан, автор сценария Ли Ман Хи, 2010 г.). Эта цитата может свидетельствовать о том, что в Южной Корее шла активная антикоммунистическая пропаганда, но встретив врагов, южане сразу же меняют к ним своё отношение. Постепенно обезличенные, бездушные северокорейцы превращаются в таких же людей, умеющих сопереживать, проявлять милосердие, совершать добродетельные, нравственные поступки. Это хорошо можно увидеть по эпизоду из фильма, когда маленький мальчик забежал на перестрелку северокорейцев и южнокорейцев, обе стороны внезапно перестают стрелять. Этот момент очень удивляет и тех и других. («Южная Армия Северной Кореи», режиссер Чон Джи Ён, автор сценария Чан Сон У, 1990 г.)

Режиссеры стремятся дать оценку причинам начала войны. Северяне отправлялись на войну с верой в то, что они идут освобождать юг от оккупации страны капиталистами и объединить её со свободным севером.

Сильно в современных фильмах меняется место американцев. Они совершают на самолетах бомбардировки и не всегда в их планы входит уничтожить противника, иногда под их прицел попадают и южане. Чтобы выполнить приказы руководства, например, устранения таких стратегических пунктов как мосты для перекрытия пути противника, они готовы пойти на всякие жертвы. Так, например, ими была жестоко истреблены простые сельские жители деревни Ногыри («Маленький пруд», режиссер Ли Сан У, автор сценария Ли Сан У, 2009 г.) – это исторический факт. В то же время, они представляются теми, у кого просто не было выбора.

Больше всего осуждаются политики не зависимо южные ли это, северные ли или же американские, которые сидя в кабинете, диктуют свои указания военнослужащим, плохо представляя себе военные дела, они не жалеют ни простых людей, ни солдат, которые честно стараются служить своей стране.

Большое внимание сейчас также уделяется положению на войне гражданского населения. Жизнь городских жителей после окончания японского правления была тяжёлой, людям приходилось много работать, тем не менее у них оставалась единственная радость и смысл жизни – семья. После известия о том, что северокорейцы перешли 38 параллель, семьи оставляют свой дом и присоединяются к большим колоннам беженцев, беря с собой всё, что можно унести, и направляются на юг полуострова. Те же кто, остался в городе, одни подвергаются смертным приговорам по подозрению в причастности к южанам, а другие, чтобы прокормить себя и свою семью и выжить участвуют за оплату в демонстрациях в поддержку коммунистических идей, за что, конечно же, уже при возвращении южан специально созданная контрразведка приговаривает их к расстрелу. Они, не считаясь с тем, что это была вынужденная мера обычного мирного жителя, не щадят даже женщин, которые пытались выжить в этих условиях и прокормить свою семью. Конечно, это не значит, что наказывали всех подряд, это касалось только подозрительных.

В тяжёлом положении оказалась и сельские жители. Это доброжелательные, невинные люди со своим сложившимся бытом, традициями, спокойной тихой мирной жизнью, со своими заботами по хозяйству, с обычными житейскими проблемами. По прибытию в деревни северян, их жизнь полностью меняется, тут же начинается военно-мобилизационная акция. Одновременно организовывается настоящую охоту за «предателями», которых приговаривали к смертной казни. Конечно, селян такие действия возмущают, но, чтобы выжить, они принимали решение сотрудничать с захватчиками. В деревне северяне на занятой территории юга могли ввести уравнительную политику, например, все деревенские жители в равной степени получали еду. Несмотря на всё это и у сельчан постепенно появляется симпатия к этим солдатам, т.к. северокорейцы с уважением относились к старшим, как и к сельчанам, могли помочь им в работе на поле, участвовали в решении различных проблем. («В любви и на войне», режиссер Парк Гон Ён, автор сценария Пэ Сэ Ён, 2015 г.)

Очень хорошо представлена ненависть народа к самой войне. Он не принимал чью-то одну сторону, так как и от тех и от других

он пытался спастись. Яркий тому пример – анекдотические эпизоды как люди, встречая северокорейскую армию, поднимали перед ними флаг КНДР, при этом пряча за спиной флаг Южной Кореи. («Западный фронт», режиссер Чхон Сон Иль, автор сценария Чхон Сон Иль, 2015 г.).

Таким образом, первый период в южнокорейском кинематографе характеризуется популяризацией силы, мощи страны, в связи с чем можно сделать вывод, что Юг хочет показать, что он не проиграл в этой войне. Враждебность в это время между Кореями была наиболее выраженной.

Второй период, видимо, связанный с подписанием в 1982 году Соглашения по примирению, ненападению, обменам и сотрудничеству между югом и севером, отмечается потеплением взаимоотношений. В Южной Корее происходит отход от пропаганды и придается большое значение роли простого народа в этой войне. Особенно подчеркивается то, что эта война была бессмысленной, братоубийственной и предпринимаются попытки раскрыть ранее неизвестные события, так называемые «белые пятна» в ходе корейской войны 1950–1953 гг.

Список литературы

1. В любви и на войне. – Республика Корея: Showbox, 2015. – 135 мин.
2. Добро пожаловать в Донгманггол / Реж. Пак Кван Хён, авт. сценария Джан Чин. – Республика Корея: Showbox, 2005. – 133 мин.
3. Думая о старшем брате / Реж. Ли Хан, авт. сценария Ли Ву Так. – Республика Корея: NEW, 2016. – 124 мин.
4. Западный фронт / Реж. Чхон Сон Иль, авт. сценария Чхон Сон Иль. – Республика Корея: LOTTE Entertainment, 2015. – 112 мин.
5. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 626 с.
6. Линия фронта / Реж. Чан Хун, авт. сценария Пак Сан Ён. – Республика Корея: Showbox, 2011. – 133 мин.
7. Маленький пруд / Реж. Ли Сан У, авт. сценария Ли Сан У. – Республика Корея, 2010. – 86 мин.
8. Морские пехотинцы, которые никогда не вернулись / Реж. Ли Ман Хи. – Республика Корея: Korean Film Archive, 1963. – 110 мин.
9. Необстрелянные. 71: в огне / Реж. Ли Дже Хан, авт. сценария Ли Ман Хи. – Республика Корея: LOTTE Entertainment, 2010. – 120 мин.
10. Пиогол / Реж. Ли Кан Чён авт. сценария Ким Чен Хван. – Республика Корея: Korean Film Archive, 1955. – 110 мин.
11. Пять морских пехотинцев / Реж. Ким Ки Дук, авт. сценария Ю Хан Чоль. – Республика Корея: Korean Film Archive, 1961. – 118 мин.

12. 38-параллель / Реж. Кан Джэ Гю, авт. сценария Кан Джэ Гю, Хан Джи Хун, Ким Сан Дон. – Республика Корея: Showbox, 2004. -140 мин.

13. Южная Армия Северной Кореи / Реж. Чон Джи Ён, авт. сценария Чан Сон У. – Республика Корея: Korean Film Archive, 1990. – 157 мин.

Обидина Юлия Сергеевна

д-р филос. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ТОПОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА У ДРЕВНИХ РИМЛЯН

Аннотация: в данной статье обобщены представления о римском загробном мире. Рассмотрены проблемы при изучении римского Аида. Обоснованы выводы о том, что при визуализации подземного царства римляне прибегали к пространственной реконструкции, использовали специфические природные или архитектурные элементы, напоминавшие письменные описания загробного мира, вдохновлялись широко распространенной культурной и религиозной традицией, а не только заимствовали греческие представления.

Ключевые слова: загробный мир, Древний Рим, Эней, Аид.

Одной из главных проблем при изучении римского Аида является отсутствие исследований по его локализации и топографии, которые могли бы ответить на фундаментальные вопросы, такие как: Что представляет собой Аид? Каковы элементы, составляющие его структуру? Как души взаимодействуют с окружающим пространством и живыми людьми? Попытки исследовать обстановку загробного царства, соотношение света и тени, растительность, реки и пейзажи, ограничивались ранними греческими источниками, полностью игнорируя позднюю римскую традицию.

Исследователей больше интересуют технические аспекты римского погребального обряда и культа [4, р. 84–106], нежели антропологические и философские подходы к развитию представлений о загробном мире и посмертной участи [7; 6, р. 59–60], или сравнительный анализ различных систем верований [2, s. 182–189; 6, р. 396–398; 8, р. 61–64].

Вергилий и другие латинские авторы описывают Аид как таинственное и далекое место, которое не имеет никакого контакта с миром живых, кроме пещеры, которая выполняет функцию прохода между двумя мирами.

Франц Кюмон считал, что римляне просто переняли и адаптировали греческие концепции, определяющие и формирующие представления о загробном мире, оставив мало возможностей для оригинальных или независимых представлений [5]. В качестве источников римских представлений об Аиде называют «Одиссею» Гомера, диалоги Платона и сцены росписи афинских ваз, появившиеся за 400 лет до написания «Энеиды». Тем не менее, путешествие Энея в загробный мир сильно отличается от путешествия Одиссея, так как Эней путешествует в загробном мире сам, а Одиссей переживает это путешествие через общение с вызванными с помощью специального ритуала душами мертвых. Кроме того, ритуал Одиссея происходит на краю ойкумены, в мифическом и неизвестном месте, в то время как Эней находит вход в Аид в пещере, расположенной в известном регионе Италии, знакомой большинству читателей «Энеиды». Наконец, в отличие от гомеровской традиции, Аид Вергилия изображен в самых мельчайших деталях, с целью убедить читателя / слушателя, что он шел вместе с Энеем. Различаются также конкретные географические и топографические особенности [1, с. 7–16].

Существует также точка зрения, основанная на свидетельствах Цицерона, Сенеки и Ювенала, что для римлян представления о загробном мире были сродни «детским сказкам», поэтому римляне и не придавали столь большого значения представлениям об Аиде, как это делали греки. Однако на данное обстоятельство можно посмотреть и с другой стороны. Литературный скептицизм в отношении загробного мира может быть и свидетельством того, что римские авторы имели весьма детальное представление о царстве Аида, но этот образ находился в противоречии с наличными религиозными практиками. Так же, как и римское общество имело некую общую осведомленность о топографии подземного мира и его основных чертах. Свидетельством тому может служить поэма Лукреция «О природе вещей» [Lucretius. De Rerum Natura, III. 978–1023].

В стремлении свести к минимуму важность римских представлений о потустороннем мире, некоторые ученые давали весьма сомнительную трактовку письменным источникам. Например, «Тускуланские беседы» Цицерона чаще всего упоминаются как пример того, что римские интеллектуалы выступали против верований о загробном мире [Cicero. *Tusculanae Disputationes*, I.V.10]. Почти сто пятьдесят лет спустя, Ювенал возродил концепцию Аида как любимого предмета народных рассказов и легенд [Juvenal. *Satires*, II. 149–154].

Как и Цицерон в своих диспутах, Ювенал демонстрирует отличные знания области Аида. Он весьма детально описывает сложную гидрографию подземного мира, точно определяет местонахождение лодки Харона на берегу Стикса. Ювенал снова описывает Аид в «Сатирах» [Juvenal. *Satires*, XIII. 49–52]. Это описание соответствует другим ранним и современным Ювеналу источникам, подтверждающим существование среди римлян последовательного мысленного образа Аида, который помещал царство мертвых среди мнимых земель.

Даже Сенека, говоря о страхе смерти, идет рука об руку с современными ему описаниями мучений грешников в Тартаре, воспроизводя в деталях самые узнаваемые достопримечательности этого региона [Seneca. *Epistulae*, III. XXIV. 18]. Несмотря на то, что Сенека здесь пытается рационализировать страх смерти путем отбрасывания поверий, в своих трагедиях он в значительной степени опирается на тех же персонажей и топографические особенности загробного мира, которые знакомы его аудитории.

Из отрывков римских авторов, пишущих во времена поздней республики и ранней Империи видно, что римское общество в целом имело довольно четкое представление о хтонической области, характеризующейся повторяющимися топографическими особенностями. Что еще более важно, личные религиозные или философские убеждения автора или аудитории не стоят на пути психической визуализации расположения Аида.

И, наконец, самым главным препятствием в изучении топографии Аида является невозможность определения долгосрочных поведенческих моделей римлян в отношении к смерти. В период империи последовательное возвышение различных философских

школ, таких как эпикурейцев или пифагорейцев и различных религий – орфизма, митраизма и христианства, вызвало глубокие изменения в самом понятии судьбы души после смерти. Эти изменения можно рассматривать в качестве основных факторов, оказывающих влияние на саму природу загробного мира и вызывающих постоянные преобразования в топографии Аида. Следовательно, долгое время бытовало мнение, что исследования долгосрочных аспектов топографии загробного мира у римлян обречены на неудачу.

Тем не менее, при анализе письменных источников и погребальных памятников эпохи империи, очевидно, что философские и религиозные новшества, которые повлияли как политеистический пантеон и ритуалы, связанные с ним, не стирают ранее существовавшие верования в дислокацию Аида. Скорее всего, эти нововведения были включены в традиционную систему верований, лишь в минимальной степени трансформировав существующие топографические представления о Преисподней. Альтернативные представления о хтонической топографии строились на основе набора повторяющихся элементов, подвергавшимся лишь незначительным изменениям во времени.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка выйти за рамки консолидированных аргументов о зависимости римского Аида от греческой традиции, и ограничить скептицизм по поводу стойкости римских политеистических верований, препятствующих исследованию топографической природы Аид самой по себе.

Список литературы

1. Обидина Ю.С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии // Запад-Восток. – 2016. – №9. – С. 7–16.
2. Banti L. Il culto dei morti nella Roma antichissima // Studi italiani di filologia classica. – 1929. – №7. – S. 171–198.
3. Ballabriga A. The Topography of Hell in Archaic and Classical Greek Literature // Greek and Egyptian Mythologies / Eds. Y. Bonnefoy, W. Doniger – Chicago, 1992. – P. 112–114.
4. Bernstein A.E. The Formation of Hell: Death and Retribution in the Ancient and Early Christian Worlds. – Ithaca, 1993.
5. Cumont F. After life in Roman paganism; lectures delivered at Yale University on the Silliman foundation. – New Haven, 1922.
6. Cumont F. Lux Perpetua. – Paris, 1949.
7. Fowler W.W. Mundus Patet. 24th August, 5th October, 8th November // The Journal of Roman Studies. – 1912. – №2. – P. 25–33.
8. Toynbee J.M.C. Death and burial in the Roman world. – Ithaca, 1971.

Саитова Асия Масхутовна

магистрант

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА С ВУЗАМИ КНР В ЕГО ЛЕТОПИСИ

***Аннотация:** в статье приводится история развития двусторонних отношений между университетами. Сделаны выводы, что немаловажным аспектом в сотрудничестве является программа обмена студентов.*

***Ключевые слова:** ЧГУ, КНР, международные связи, летопись университета.*

Отдельную группу летописи Чувашского государственного университета составляют события международной деятельности и развития зарубежных связей в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянов. Здесь можно проследить географию развития отношений с другими странами. Так, например, в начале своего пути ЧГУ им. И.Н. Ульянова поддерживались наиболее тесные связи с Венгерской Народной Республикой. В настоящее время активно развиваются связи с Китаем [3], был создан Центр изучения Китая [4]. Рассмотрим динамику складывания отношений ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР.

1995. 1 февраля – состоялся визит представителей китайского города Хандан – советника экспортно-импортной компании «Лан-Цзюй», профессора Финансового института Китайской Народной Республики Цзи Юз-ю и директора объектов компании «Лан-Цзюй» Ван Цзиань-го, в ходе которого подписан договор о намерениях с целью установления дружеских и взаимовыгодных отношений в области образовательной, научной и культурной деятельности [12].

2011 год – в центре дополнительного образования ЧГУ им. И.Н. Ульянова открылись курсы китайского языка [13].

2012. 8 ноября – подписано соглашение о сотрудничестве с Гуйчжоуским университетом в г. Гуйян [7].

2013. апрель – организован клуб по изучению языка и культуры Китая, в котором более 20 преподавателей и студентов университета прошли обучение основам китайского языка с представителем института Конфуция Мейджиао Чен [6].

Октябрь – делегация студентов машиностроительного факультета выехала в Шанхайский университет (КНР) для участия во 2-й международной олимпиаде по теории механизмов и машин, где заняла первое место среди иностранных команд-участниц [10].

2014. апрель – Участие профессор факультета управления и социальных технологий Николаева Е.Л. в конференции Гуйчжоуского университета в г. Гуйян [6].

Июнь – участие в III международном форуме по изучению оползней Пекине преподавателей историко-географического факультета И.В. Никоноровой и Н.Ф. Петрова [11].

Сентябрь – подписание соглашения о сотрудничестве между ЧГУ им. И.Н. Ульянова и Аньхойским университетом [8].

12 ноября День культуры Аньхоя в Чувашском государственном университете [11].

Август – в работе летнего лагеря «Культура Аньхоя» приняли участие доцент ЧГУ Э.Г. Кузнецова и студентка Е.С. Кузнецова [5].

2015. июль – в работе летнего лагеря «Очаровательный Аньхой. Прекрасный Китай». приняли участие преподаватели ЧГУ М.Н. Краснова, С.И. Павлова, Л.В. Тарасова [11].

Июль-август – в работе форума «Янцзы – Волга 2015» на базе Сычуаньского университета приняли участие старший преподаватель машиностроительного факультета С.А. Богомолова, студенты юридического факультета Юлия Шелтукова, Алина Лазарева, Александр Владимиров [11].

25 сентября – визит делегации Сычуаньского аграрного университета, подписан договор о сотрудничестве между вузами [11].

28 сентября – 1 октября – в Аньхойском университете (Китай) состоялись Дни Чувашии в Аньхое, в которых приняла участие делегация университета во главе с ректором А.Ю. Александровым [11].

Октябрь – подписан договор о сотрудничестве Аньхойского политехнического университета с ЧГУ им. И. Н. Ульянова [1].

Ноябрь – создан Центр изучения Китая при университете [11].

18 декабря – проведена международная онлайн конференция между ЧГУ им. И.Н. Ульянова и Аньхойским университетом «Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом» [11].

2016. Январь – организованы интенсивные курсы изучения китайского языка в ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Преподают Ши Хуншэн, директор Центра по изучению России Аньхойского государственного университета [11].

13 января – состоялась рабочая встреча ректора ЧГУ А.Ю. Александрова с Ши Хуншэном, директором Центра по изучению России Аньхойского государственного университета (провинция Аньхой Китайской Народной Республики) [11].

27 января – делегация провинции Сычуань Китайской Народной Республики посетила ЧГУ им. И.Н. Ульянова [11].

Март – подписан договор с Юго-Западным научно-техническим университетом (г. Мянъянь провинция Сычуань) [2].

Апрель – подписано соглашение об обмене студентами между ЧГУ им. И.Н. Ульянова и Аньхойским университетом [9].

Июль – в работе летнего лагеря «Очаровательный Аньхой. Прекрасный Китай» приняли участие преподаватели и сотрудники ЧГУ Надежда Кузьмина, Елена Бусалаева и Юлия Ратьева [11].

21 июля – торжественное открытие Китайского культурного центра при Чувашском госуниверситете имени И.Н. Ульянова. Пребывание делегации Аньхой в ЧГУ им. И.Н. Ульянова [11].

20 августа – Центр изучения Китая ЧГУ им. И.Н. Ульянова посетила делегация городского округа Аньцин провинции Аньхой КНР [11].

Сентябрь – 10 студентов ЧГУ начали учебный год в вузах Китая [11].

Сентябрь – организованы курсы изучения китайского языка в ЧГУ. Преподаватели выпускницы Аньхойского университета, магистранты историко-географического факультета Ли Мейцзы и Хуан Синхуа [11].

23 ноября – состоялась встреча ректора вуза А.Ю. Александрова и заместитель директора Международного департамента Лэшаньского педагогического университета Ю Кэсян (Китайская Народная Республика) [11].

В настоящее время ведутся двусторонние переговоры с другими университетами Китая. По результатам использования широкого круга разнообразных источников (договоров, соглашений, научных публикаций, электронных ресурсов) нам удалось воссоздать последовательность налаживания сотрудничества ЧГУ им. И.Н. Ульянова с вузами КНР. Прослеживается повышение интереса сторон друг к другу, в последние годы интенсивность взаимодействия усиливается, что выражается в подписании новых соглашений, договоров, взаимных посещений, совместных конференций и обменов между студентами.

Список литературы

1. Договор №134с-15 от 06.10.2015.
2. Договор №134с-15 от 06.10.2015.
3. Краснова М.Н. Чувашско-китайское сотрудничество (на примере международных контактов между Чувашским государственным университетом и Аньхойским университетом (КНР) / М.Н. Краснова, Л. Ли // Университетское образование в полиэтнических регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сб. ст. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 135–140.
4. Краснова М.Н. Роль международного сотрудничества в подготовке специалистов на современном этапе (на примере ЧГУ им. И.Н. Ульянова) / М.Н. Краснова, А.А. Иванов // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: статьи Всероссий. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 80–84.
5. Московский район г. Чебоксары. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.cap.ru/>
6. Отчет о самообследовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://100-edu.ru/doc/2785/index.html?page=19>
7. Соглашение №5712 от 08.11.2012.
8. Соглашение №4414 от 19.09.2014.
9. Соглашение №16с-16 от 04.04.2016.
10. Студенты машиностроительного факультета ЧГУ участвуют во II Международной олимпиаде, проходящей в Шанхае // Чебоксары. ру. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cheboksary.ru>
11. Чувашский государственный университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chuvsu.ru>
12. Ульяновец. – 1995. – №5.
13. Ульяновец. – 2011. – №43–44.

Самылкин Николай Олегович

магистрант

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА БОЛХОВИТИНОВА В ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация: статья посвящена анализу роли Н.Н. Болховитинова в изучении истории открытия и развития колониальных владений России на Тихоокеанском севере. Выделены основные направления его научного наследия: исследование Русской Америки, российско-американских отношений в XVIII–XIX веках, проблемы, связанные с продажей Аляски США.

Ключевые слова: Русская Америка, российско-американские отношения, Аляска.

Николай Николаевич Болховитинов (1930–2008) – выдающийся отечественный историк, специалист в сфере российско-американских отношений на их раннем этапе, истории США и Русской Америки. За весь период своей научной деятельности Н.Н. Болховитинов подготовил к изданию свыше 350 работ. В его творчестве можно проследить несколько направлений, одно из них – изучение колониальных владений Российской империи на тихоокеанском севере [6, с. 144]. Второе направление – российско-американские отношения, третье – продажа Аляски.

В своем труде «Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867» Н.Н. Болховитинову удалось дать обоснованные ответы на вопросы: каким образом развивались отношения между Российской империей и США в середине XIX века, кто и при каких условиях принимал решение продать Аляску американцам, в какой атмосфере проходило заключение договора 1867 года. Работая над написанием этого труда, Болховитинов использовал материалы не только отечественных архивов, но зарубежных. До публикации книги Болховитинова в историографии присутствовала точка зрения А.И. Алексеева, основанная на недостаточном

знании архивных материалов. «Слабое знание источников, безобидные на первый взгляд неточности, ошибки и необоснованные предположения приводили к тому, что у читателей складывалось неверное и даже извращённое представление о самом характере взаимоотношений России и США на Тихоокеанском Севере» [2, с. 12].

К достижениям Н.Н. Болховитинова в изучении различных аспектов продажи Аляски, можно отнести находку и анализ ценнейших архивных материалов, которые указывали на тот факт, что основными действующими лицами, побудившими Александра II принять решение о продаже русских колоний на севере Тихого океана Соединённым Штатам Америки, были: его брат – великий князь Константин Николаевич, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн и посланник России в США Эдуард Андреевич Стебль. В приложении к вышеназванной монографии представлены как документы, тесно связанные с продажей Аляски, так и непосредственно сам текст договора 1867 года [4, с. 321].

При изучении различных причин, повлиявших на продажу Аляски, Н.Н. Болховитинов старался выявить определённые закономерности в развитии русских колоний, которые и привели к тому, что император и его приближённые посчитали нужным уступить их именно США. В итоге Н.Н. Болховитинов начал поиск новых документов и постарался обобщить уже имеющиеся научные выводы. В результате была издана монография «Россия открывает Америку. 1732–1867», в которой учёный подробно исследует историю открытия Русской Америки российскими путешественниками в первой половине XVIII века, деятельность отечественных промысловых экспедиций, становление первых русских поселений на Аляске и создание по указу Павла I в 1799 году Российско-американской компании (РАК). Также Н.Н. Болховитинов анализирует русско-американские связи в области науки и культуры. В работе приводится значительное число иллюстраций, включая фотографии архивных документов и карт [1, с. 227].

Н.Н. Болховитинов приходит к выводу, что первостепенной причиной продажи Аляски стала не столько угроза военной интервенции или желание сэкономить деньги на содержание отдалённых территорий, а стремление России сосредоточить всё своё внимание на развитие континентальных владений. Также определённую роль

сыграло желание устранить потенциальный очаг противоречий между Россией и США, и вместо этого закрепить дружеские отношения среди двух держав. К числу общих причин уступки Российской империей Русской Америки Болховитинов отнёс: крепостной строй, тормозивший развитие данных территорий, недостаточное присутствие выходцев из России в колониях, которое на протяжении почти двух столетий варьировалось на уровне 500–800 человек, а также индейский фактор, выражавшийся в непокорности и сопротивлении тлинкитов [1, с. 228].

Полученные знания, огромный массив выявленных документов, а также образовавшиеся в процессе работы научные связи с учёными из России и зарубежья повлияли на то, что Н.Н. Болховитинову удалось возглавить интернациональный коллектив авторов, подготовивший трёхтомный труд «История Русской Америки. 1732–1867», заслуживший впоследствии премию им. Н.И. Кареева. Это произведение можно смело назвать одним из самых главных достижений учёного.

Многие мысли и предположения, высказанные Н.Н. Болховитиновым в предыдущих работах, подверглись переосмыслению. Так, он подчёркивал, что Российская империя стала первой на континенте, полностью отказавшийся от заморских колоний. Этот факт говорит о том, что Россия отвергла путь развития в качестве морской державы [3, с. 5]. Н.Н. Болховитинов отмечал, что подписание договора устранило возможные противоречия и претензии по территориальным вопросам между Россией и США, а также создавало условия для того, чтобы север тихоокеанского региона стал ареной не противоборства, а сотрудничества.

Издание «Истории Русской Америки» дало новый толчок к изучению истории русских колоний в северной части Тихого океана, как в самой России, так и за её пределами. Болховитинов подчёркивал, что отечественные работы по истории Русской Америки не только успешно конкурируют с иностранными, но и опережают их по целому ряду показателей.

Среди научных заслуг Н.Н. Болховитинова необходимо отметить и деятельное участие учёного в составлении сборника документов «Россия и США: становление отношений. 1765–1815». В

нём было опубликовано свыше 500 документов касающихся торговых, научных, военных культурных и дипломатических связей России и США [5, с. 6].

Огромный вклад Н.Н. Болховитинова в изучение российско-американских отношений в целом, и истории Русской Америки в частности, был отмечен избранием его 11 июня 1992 года действительным членом РАН. Помимо этого, в 2005 году Н.Н. Болховитинов удостоился чести стать почетным иностранным членом Американской исторической ассоциации, что свидетельствует о международном признании его научной деятельности.

Список литературы

1. Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799 [Текст] / Н.Н. Болховитинов. – М.: Международные отношения, 1991. – 303 с.
2. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски (1834–1867) [Текст] / Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1990. – 364 с.
3. История Русской Америки: 1732–1867 [Текст]: В 3 т. Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Международ. отношения, 1999. – 558 с.
4. Петров А.Ю. Академик РАН Н.Н. Болховитинов [Текст] / А.Ю. Петров // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – №2. – С. 317–324.
5. Россия и США: становление отношений, 1765–1815: Сб. документов / Сост. Н.Н. Болховитинов [и др.]. – М.: Наука, 1980. – 752 с.
6. Стародубова А.А. Н.Н. Болховитинов и его труды в воспоминаниях и оценках современников [Текст] / А.А. Стародубова // Вопросы всеобщей истории. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. – 2015. – №1. – С. 143–148.

Смирнова Ольга Алексеевна

канд. ист. наук, доцент, профессор
ГБОУ ВО «Оренбургский государственный
институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей»
г. Оренбург, Оренбургская область

DOI 10.21661/r-116099

ОПЫТ АНАЛИЗА ИСТОКОВ КОММЕРЧЕСКОГО НЕГАТИВИЗМА В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ М.И. КУЛИШЕРА

Аннотация: статья посвящена характеристике сущности коммерческого негативизма, бытовавшего в традиционных обществах, а также обзору опыта анализа истоков этого феномена, который был предпринят в 1870-х гг. Михаилом Ивановичем Кулишером (1847–1919) – отечественным этнографом, историком первобытного общества.

Ключевые слова: коммерческий негативизм, традиционное общество, социально-психологическая среда, торговая деятельность, коммерческие интересы, гермы, этнографические исследования М.И. Кулишера.

Важным компонентом социально-психологической среды развития предпринимательства является общественное мнение по отношению к людям, занятым торгово-промышленной деятельностью, для которых коммерческая прибыль выступает основной целью деловой активности.

Материалы, составляющие разнообразные группы источников, свидетельствуют, что в традиционных обществах по отношению к этой категории лиц доминируют негативные настроения. В той или иной форме они наблюдаются в историческом опыте всех народов, осуществляющих переход от традиционных устоев натурального хозяйственного уклада к системе товарно-денежных отношений, нацеленных не столько на удовлетворение витальных потребностей производителя, сколько на получение прибыли в ходе разного рода коммерческих операций.

Исследователи, характеризующие первобытное общество и древние цивилизации, практически единодушно отмечают присущий им высокий уровень недоверия к коммерческой сфере деятельности и к людям ею занимающимся. Так, например, М.В. Довнар-Запольский (1867–1934) – отечественный историк, этнограф, фольклорист – писал в 1911 г.: поскольку род, как хозяйственная единица, не нуждается в обмене, то и первобытный человек, действуя в его замкнутом кругу, «не только не имеет врожденной склонности к обмену, но напротив питает отвращение к нему» [3, с. 4]. Семьдесят с лишнем лет спустя практически на то же явление указывал и австрийский экономист Фридрих Хайек (1899–1992). В конце 1980-х гг. в широко известной работе «Пагубная самонадеянность» он подчеркивал: «На протяжении всей истории человечества торговцы были объектом всеобщего презрения и морального осуждения... человек, покупавший задешево и продававший втридорога, был заведомо бесчестен... Поведение купцов противоречило обычаям взаимности, распространенным в первобытных малых группах». Простые люди, писал исследователь, «всегда и повсюду видели в торговле... что-то подозрительное, бесчестное и недостойное» [6, с. 157–158].

В изучении причин и сущности этого феномена обращают внимание наблюдения Михаила Ивановича Кулишера (1847 – 1919) – российского этнографа, исследователя первобытного общества. Его работы были широко известны современникам, в частности, их отмечал крупный английский ученый-этнограф Э. Тэйлор – автор знаменитой монографии «Первобытная культура» (1871).

В конце 1870-х гг., основываясь на обширном эмпирическом материале, Кулишер писал, что политико-экономы в свих изысканиях исходят из ложного тезиса, что купля-продажа, спрос и предложение, конкуренция, торговля, обмен являются исконной чертой человечества. Опровергая это суждение, он подчеркивал, что в первобытном обществе торговли, а тем более стремления к получению прибыли за счет ближнего, фактически не существовало. Более того, приобретение чего-либо за вознаграждение рассматривалось аномалией, а приобретение чего-либо с целью перепродажи – колоссальной нецелесообразностью [1, №8, с. 47].

В работе «Происхождение и развитие торговли и торгового класса» ученый подчеркивал, что для представителей древнего общества было очевидным и не подвергающимся сомнению представление о том, что «член общины, не может и не должен заниматься обиранием своих членов, своих земляков» [1, №9–10, с. 200]. В то же время общинникам не возбранялись торговые контакты с иноплеменниками, т.к. в них видели представителей чужого, враждебного мира, взаимодействие с которым вполне допускало любого рода негативные действия, в том числе и нечестность.

Хорошо зная эти установки, туземцы всегда смотрели на торговцев как источник потенциальной опасности и относились к ним с недоверием. Кулишер писал: «Со страхом и трепетом приближались друг к другу лица, принадлежавшие к различным «мирам». Взаимно-мирные отношения могут быть прерваны в каждую минуту, и каждая из сторон считает необходимым держаться поодаль, чтобы не попасть в беду, не подвергнуться нападению. Покупатель и продавец – враги, вечные, неумолимые враги. Они приостановили вражду, вечные распри только временно, с тем, чтобы сделать возможным обмен продуктов и на то время, пока обмен продолжается» [1, №8, с. 48]. Неслучайно, – подчеркивал исследователь, – торговые операции в первобытных обществах свершались лишь на нейтральных полосах – территориях, разграничивающих места расселения соседствующих этносов, дабы не допустить приближения вражеских сил к месту проживания рода [1, №9–10, с. 201].

Примечательно, что эти нейтральные полосы, как писал Кулишер, отделялись от заселенных и возделанных территорий специальными камнями фаллической формы, именуемых гермами (термесами, гермесами). Этим истуканам приписывались магические свойства покровителей торговых сделок. От их же названия в античной мифологии произошло и имя бога Гермеса, которого считали не только торговцем, но и страшным плутом, помощником грабителей, воров и мошенников [1, №8, с. 49]. Этот факт, по мнению ученого, служил одним из характерных подтверждений широкого бытования в древнем обществе недоверия к коммерческим сделкам, для которых обман был сущностью онтологической.

Выявляя специфику системы хозяйственных отношений родоплеменного общества, исследователь пришел к заключению, что

потребовался «весьма значительный период времени в жизни человечества для того, чтобы выработать, превратить человека в торговца, купца, сделать... пригодным по нравственным качествам к торговому делу» [1, №8, с. 47]. Исследователь писал: «Первоначально соседние, окрестные сельские общины сходятся в известное время для торгового обмена. Позже из этих общин начинают выделяться отдельные группы людей в виде кочующих купеческих артелей-караванов для производства товарного обмена с более отдаленными общинами. Торговля становится специальным занятием этой группы лиц, этих странствующих общин. С течением времени эти кочующие общины становятся оседлыми, они водворяются на тех местах, с которыми до сих пор находились в торговых сношениях. Они входят как постоянный, необходимый элемент в состав общин, но отнюдь не в состав тех общин, к которым они принадлежат по рождению» [1, №9–10, с. 200]. Таким образом, резюмировал Кулишер, торговый обмен первоначально возник между членами различных общин, т.е. между врагами, а поэтому, неслучайно, торговля и в позднейшие времена рассматривалась туземной общиной как занятие, направленное против интересов ее членов.

Повседневный характер торговые операции обрели лишь в ходе длительной исторической трансформации. Ученый писал, что это произошло тогда, когда наряду с чужеземным возникло и самородное, туземное купечество, оказавшееся по нравственным качествам способным вступать в торговые отношения не только с «чужими», но и со «своими». Туземные купцы начали применять в сделках с соплеменниками те же приемы, которые использовали в торговых сношениях с иностранцами. Они стали хитрить со «своими», для сбыта товаров стали обманывать «своих», стали фактически врагами по отношению к «своим», как до того были только по отношению к чужеродцам [1, №9–10, с. 204]. В свою очередь и соплеменники стали испытывать к торгующим сородичам те же чувства недоверия, что и к чужакам. Так, подчеркивал Кулишер, на месте прежней общинно-хозяйственной солидарности установилась рознь и вражда коммерческих интересов [1, №9–10, с. 201].

М.И. Кулишер, как и ряд других отечественных и зарубежных исследователей, работавших на рубеже XIX – начале XX в. (В.В. Святловский, М.В. Довнар-Запольский [2–5]), убедительно

показал, что неприязненная настроенность к коммерческим отношениям и людям, в них вовлеченным, является неотъемлемой чертой цивилизационного развития. Эти мировоззренческие установки стали реакцией традиционного общества, ориентированного на соблюдение родового, коллективного интереса, на проявившееся и обособляющееся частное, индивидуальное начало, нацеленное на извлечение личной выгоды и пренебрежение к интересу другого. В итоге ученый приходил к заключению, что коммерческий негативизм присущ всем народам. Однако в системе каждой культуры он выражается по-своему.

Список литературы

1. Кулишер М.И. Происхождение и развитие торговли и торгового класса. Очерки по сравнительной истории нравственности и общественной жизни [Текст] / М.И. Кулишер // Слово. – 1878. – №8; 9–10.
2. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: публичные лекции и очерки [Текст] / К. Бюхер; под ред. и с предисловием приват-доцента Санкт-Петербургского университета М.И. Кулишера. – СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1907. – 207 с.
3. Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства [Текст]. Т. 1 / М.В. Довнар-Запольский. – Киев – СПб.: Склад издания в книжных магазинах Оглоблина, 1911. – 963 с.
4. Мэн Г. Деревенские общины на Востоке и Западе шесть лекций: с приложением статьи Дж. Ст. Милля «Деревенские общины» Мэна [Текст] / Г. Мэн; пер. с англ., под ред. Н.С. Кутейникова. – М.: URSS, Красанд, 2010. – 160 с.
5. Святловский В.В. Примитивно-торговое государство как форма быта [Текст] / В. В. Святловский. – СПб.: Герольд, 1914. – 250 с.
6. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма [Текст] / Ф.А. Хайек. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Агеева Наталья Николаевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

С.Ф. ФОРТУНАТОВ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ГИМНАЗИЯХ

Аннотация: в статье изложены взгляды российского историка и педагога С.Ф. Фортунатова на проблемы преподавания истории в гимназиях России на рубеже XIX–XX вв. Дан анализ рецензий ученого на ряд школьных учебников, в частности Р.Ю. Винпера и П.Г. Виноградова.

Ключевые слова: С.Ф. Фортунатов, гимназический курс истории, школьный учебник, проблемы преподавания истории.

Степан Федорович Фортунатов (1850–1918), историк и публицист, известен, прежде всего, как специалист по истории США и европейских стран XIX в. Но основной сферой его деятельности, в которой он получил заслуженное признание было преподавание. За более чем 40-летнюю педагогическую практику С.Ф. Фортунатов много работал как в высших учебных заведениях (Московский университет, Высшие женские курсы, университет имени А.Л. Шанявского), так и в гимназиях. И, естественно проблемы школьного преподавания истории были ему хорошо знакомы. Свое отношение к структуре гимназического курса истории и содержанию учебников (эти проблемы остаются острыми во все времена) он изложил в целом ряде рецензий на страницах газеты «Русские ведомости», постоянным сотрудником которой он являлся на протяжении многих лет.

Главным недостатком современного преподавания истории в гимназиях С.Ф. Фортунатов считал «отрывочность и бессвязность» [8]. Он отмечал, что основной целью учителя является необходимость возбуждать интерес учащихся к истории (сам он прекрасно справлялся с этой задачей – его единодушному мнению современников его занятия всегда были чрезвычайно увлекательны). Степан Федорович полагал, что этого можно достичь прежде всего

соответствующим рассказом учителя и «правильно поставленным историческим чтением», но при этом большую роль играет и наличие хорошего учебника, который должен «ограничиться необходимым, обязательным, но дать это необходимое непременно в связанной форме со строго выдержанной последовательностью» [1, с. VII]. С.Ф. Фортунатов отмечал, что хороший учебник должен удовлетворять двум условиям: его автор должен быть «хорошо знаком с современным состоянием исторической литературы», а «подбор фактов и их изложение должно быть приурочено к пониманию учащихся» [5].

Рецензируя учебные пособия, С.Ф. Фортунатов непременно обращал внимание на уровень доступности в изложении материала. Так, анализируя учебник П.Г. Виноградова по всеобщей истории, он критиковал его за запутанную конструкцию, отвлеченные рассуждения, категоричность и излишнюю субъективность некоторых утверждений, неясные определения, но отмечал и ряд важных достоинств этого учебника, особенно то, что «он знакомит учеников с результатами последних важнейших открытий в области древней истории» [6].

Вопрос о необходимости серьезной переработки гимназического курса древней истории и его соответствия состоянию современной исторической науки поднимали многие историки, в частности Р.Ю. Виппер. С.Ф. Фортунатов полностью разделял этот подход, но тем не менее не раз критиковал Р.Ю. Виппера за излишний скептицизм по отношению к ряду древних источников, например, «Афинской политике» Аристотеля [8]. С.Ф. Фортунатов в отличие от Р.Ю. Виппера считал непозволительным убирать из изложения истории все факты, достоверность которых не установлена безусловно исторической критикой, он отмечал, что «часто само предание может иметь большое историческое значение, и кроме того знакомство с такими преданиями необходимо для понимания исторических сочинений и литературных произведений» [8].

По вопросам структуры программы курса истории мнения Р.Ю. Виппера и С.Ф. Фортунатова также расходились. Так, последний доказывал, что систематическому курсу средневековой истории должно предшествовать более связанное изложение событий истории древности. Так, изображение гомеровской Греции,

элементарные сведения о государственном устройстве и биографии важнейших деятелей в связи с основными внешнеполитическими событиями необходимо включить в тот курс древней истории, который должен предшествовать систематическому курсу истории средних веков. С.Ф. Фортунатов считал, что подобный подход к изучению древней истории будет способствовать лучшему пониманию всего процесса всемирной истории и вместе с тем облегчит прохождение древней истории в старшем классе (что, по его мнению, было важно для экономии времени).

В качестве доказательства ученый приводил анализ материала по истории, который изучался в старшем классе женских гимназий ведомства Императрицы Марии (что хорошо было ему знакомо по собственной педагогической практике). В течение года учащиеся изучали русскую историю, начиная с царствования Екатерины II и новейшую историю, начиная с французской революции. Помимо этого, они повторяли общий курс всей истории и поэтому естественно, «прохождение в этом классе вполне заново курса древней истории было бы невозможно и даже в том случае, если бы не было повторения всей истории, такое прохождение было бы крайне затруднительно по недостатку времени» [8].

С.Ф. Фортунатов полагал, что, учитывая повторное изучение учащимися древней истории в старших классах, необходимо иметь два разных учебника – для IV и VIII классов, которые бы учитывали возрастные особенности учеников. Так, по поводу учебника П.Г. Виноградова по всеобщей истории он отмечал, он был достаточно сложный для учащихся IV класса, но вполне приемлемый для использования в старших классах [6].

Поднимая проблемы преподавания истории в средних учебных заведениях, С.Ф. Фортунатов отмечал, что они заслуживают широкого обсуждения в педагогической литературе. И действительно, целый ряд историков включились в эту дискуссию, развернувшуюся на страницах журналов «Вестник воспитания» и «Русская школа» [3; 4].

Список литературы

1. Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории / П.Г. Виноградов. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1914. – С. VII.
2. Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука / Р.Ю. Виппер // Вестн. воспитания. – 1898. – №1. – С. 20–67.

3. Кареев Н.И. О преподавании истории в средней школе / Н.И. Кареев // Рус. школа. – 1899. – №10. – С. 194–216; №11. – С. 169–200; №12. – С. 183–206.
4. Никольский Н.О. О преподавании древней истории / Н.О. Никольский // Вестн. воспитания. – 1904. – №1. – С. 80–92.
5. Фортунатов С.Ф. Новый учебник древней истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – №72.
6. Фортунатов С.Ф. Новая книга по греческой истории/ С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – №126.
7. Фортунатов С.Ф. Новая хрестоматия по средневековой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – №266.
8. Фортунатов С.Ф. Преподавание древней истории в средних учебных заведениях / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1898. – №52.

Андреев Олег Васильевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСОАВИАХИМ ЧУВАШСКОЙ АССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1947 гг.)

***Аннотация:** статья посвящена оборонно-массовой и военно-патриотической деятельности организаций ОСОАВИАХИМа ЧАССР в первые годы после Великой Отечественной войны, предшествовавших реорганизации 1948 г. Проанализированы состояние военно-технической, спортивной подготовки, динамика количества первичных ячеек и членов организации, их участие в решении задач по укреплению обороноспособности страны в новых условиях.*

***Ключевые слова:** оборонно-массовая работа, военно-патриотическое воспитание, противовоздушная оборона, химическая оборона, радиоклуб, резервы Советской Армии.*

Внеся значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне, оборонно-массовые организации продолжили свою деятельность и в послевоенные годы. К этому времени выполнил свою миссию и Всеобуч: в 1946 г. было ликвидировано его Главное управление, а в 1947–48 гг. – отделы в военных округах и при военкоматах. Работа по совершенствованию военно-патриотического

воспитания, улучшению подготовки призывников, развитию военно-прикладных видов спорта, вовлечению в оборонно-массовую работу широких слоёв населения, в первую очередь, молодежи, вновь легла на плечи ОСОАВИАХИМа. Важной задачей также стало участие в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства страны.

До очередной реорганизации 1948 г. структура общества в целом не претерпела значительных изменений. Исключением были созданные в первичных организациях подразделения (отделения, взводы, роты и батальоны), которые становились основной организационной формой военного обучения и патриотического воспитания граждан. Исследователи отмечают положительную роль этого нововведения в повышении ответственности первичных организаций Общества в решении задач в деле подготовки граждан к защите Отечества [11, с. 111].

Целью деятельности ОСОАВИАХИМа в новых условиях являлась подготовка квалифицированных резервов для Вооруженных Сил Советского Союза и укрепления обороноспособности страны на основе новых учебных программ, подготовленных с учётом опыта Великой Отечественной войны.

В свою очередь, с учётом накопившихся проблем, немаловажное значение в деятельности организаций ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР в 1946–1947 гг., имело решение следующих задач: повышение уровня организационной работы и руководства первичными организациями; подъём общественной и трудовой дисциплины; широкая пропаганда технических знаний; завершение перестройки военного обучения во всех организациях; усиление стрелкового, военно-морского дела, автмотоспорта, авиамоделизма, парашютизма, планеризма, движения коротковолновых радиолюбителей, служебного собаководства и т. д. [10, л. 99]. В указанные годы Центральный Совет ОСОАВИАХИМа ЧАССР последовательно возглавляли И.А. Смирнов и А.Ф. Лебедевский.

Наиболее успешно в этот период шла подготовка стрелков. Например, только в 1946 г. было подготовлено 3329 стрелков-рядников [8, л. 36]. Вокруг организации ОСОАВИАХИМа сложился многочисленный актив стрелков-спортсменов, лучшими из которых были Мециков, Андреев, Соколов, Варенышев, Шкода, Владимиров, Евдокимов, Мирясов, Ильин и другие [8, л. 46].

Многие мероприятия в области стрелкового спорта были приурочены знаменательным датам и общественно-политическим событиям. Так, учебные подразделения ОСОАВИАХИМа ЧАССР в течение 1947 г. участвовали в районных, республиканских и всесоюзных стрелковых соревнованиях, посвященных дню выборов в Верховные Советы РСФСР и Чувашской АССР (январь-февраль), 29-й годовщине Советской Армии (15–25 февраля), Международному женскому дню 8 Марта (1–12 марта), 1 Мая и Дню Победы (25 апреля–1 мая) [10, л. 3], «дню Сталинской авиации» (15–20 августа) и «дню Сталинской Конституции» (1–10 декабря) [8, л. 36].

Активно проводились в этом ключе лыжно-спортивные мероприятия: командно-лыжный пробег в честь выборов в Верховные Советы РСФСР и Чувашской АССР (январь 1947 г.) и военизированные командно-лыжные соревнования райгорсоветов ОСОАВИАХИМа ЧАССР в ознаменование 29-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота (февраль 1947 г.).

Не прекращалась работа и в области подготовки к противовоздушной и химической обороне. В организациях ОСОАВИАХИМа ЧАССР только в 1946 г. было проведено более 14000 различных мероприятий [10, л. 4]. Однако, в 1947 г. показатели работы по ПВХО и санитарной подготовке оказались несколько слабее стрелковой. В Чувашской АССР в этом направлении было проведено всего несколько мероприятий, из которых самыми значимыми стали: лыжный переход в противогазах (15–23 февраля) и республиканские химические соревнования (июнь-июль) [8, л. 36].

В послевоенный период ещё больший размах приобрела техническая подготовка членов ОСОАВИАХИМа. Так, после пятилетнего перерыва, в 1946 г. были возобновлены авиамодельные соревнования.

Особое значение приобрела и радиоработа. Её основными направлениями стали: изучение радиоминимума, телеграфного и телефонного дела, прием на слух и передача на ключе азбуки Морзе, конструирование радиотехники и т. п. В 1946 г. в республике работало всего 118 радиокружков [8, л. 36]. В них в течение года подготовку по радиоминимуму прошли всего 1313 человек [10, л. 4]. Радиоклуб ЦС ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР, учитывая замечания Оргбюро Центрального совета ОСОАВИАХИМа СССР и РСФСР по Чувашской АССР, развернул организационную

работу по укреплению своих рядов, приобретению имущества и оборудования для учебных классов, проведению конкурсов, подготовке к Всесоюзной радиовыставке. В 1947 г. в целях пропаганды и развития радиотехники Центральным Советом республиканской организации были проведены: внутрирайонный и городской очные конкурсы радистов-операторов, приуроченных 29-й годовщине Советской Армии (1–16 февраля); Второй республиканский конкурс радистов-операторов в честь дня радио в Алатыре, Канаше, Шумерле, Цивильске, Чебоксарах (10–20 апреля); Республиканская выставка радиолюбителей-конструкторов (1–15 декабря) [10, л. 150]. Также были созданы Совет клуба и лекторская группа, оборудованы учебные классы и мастерская, приобретена материальная часть, но все эти меры были лишь первыми робкими шагами в области развития радио. Так, радиоклуб не сумел выполнить контрольное задание ЦС ОСОАВИАХИМа на 1947 г.: вместо создания учебных групп по подготовке телеграфистов-морзистов ограничили подготовкой лишь девяти радистов-коротковолновиков [10, л. 151]. К тому же, уровень организационной работы руководства и дисциплина членов радиоклуба не всегда были на должном уровне.

Наиболее успешной была работа школьных ячеек ОСОАВИАХИМа. Так, в октябре 1947 г. было организовано две учебные группы по 20 человек, которые вели работу в течение всего учебного года, включая и период каникул. Например, летом 1947 г. ОСОАВИАХИМ Чувашии провёл ряд мероприятий: военизированный поход на 5–10–15 км учебных подразделений (отделений, взводов, рот); военизированные игры учащихся 5–7-х классов; тактические учения учащихся 8–10-х классов; походы и тренировки в противогазах; учения по темам «Воздушная тревога», «Химическая тревога», «Тушения зажигательных авиабомб», «Первая помощь и перевозка пострадавших»; организация в пионерлагерях, Домах пионеров и на спортплощадках кружков по изучению стрелкового дела, авиамоделизма, радиолюбителей; соревнования: по строевой и тактической подготовке (походы на 5–10 км, гранатометание, преодоление полосы препятствий, рукопашный бой); по стрельбе из малокалиберной винтовки; по ПВХО; по авиамоделизму (внутришкольные, районные, республиканские [10, л. 59].

Большое значение Центральный Совет ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР придавал обеспечению массовой подготовки радиостов-коротковолновиков, радиотелефонистов, специалистов связи во внешкольных детских учреждениях, семилетних и средних школах через широкую сеть кружков по изучению радиоминимума, телеграфного и телефонного дела. В целом, работа школьных ячеек Чувашской организации ОСОАВИАХИМа являлась наиболее успешной и результативной.

Динамика состава и численности Чувашской организации ОСОАВИАХИМа в указанные годы выглядела следующим образом. Так, в конце третьего квартала 1945 г. в 2625 первичных организациях численность членов оборонного общества Чувашии составляла 80556 человек [7, л. 133]. Однако, в дальнейшем, наметилась тенденция к снижению численности членов организации. Так, в конце 1946 г. в 2625 первичных организациях насчитывалось только 74023 человек [8, л. 35]. А в течение первого и второго кварталов 1947 г. произошло сокращение количества и самих первичных ячеек до 2594, а численность членов организации – до 66260 человек [10, л. 95]. В целом, с конца 1945 г. и к концу второго квартала 1947 г. количество первичных ячеек сократилось на 131, а членов организации – на 14296 человек. Оборонная организация смогла добиться некоторого численного роста только к концу третьего квартала 1947 г.: в 2690 ячейках слало 67726 человек [10, л. 131].

Следует отметить, что послевоенная работа ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР по сравнению с предвоенным периодом стала более разнообразной. Стали нормой соцсоревнования за досрочное и качественное выполнение заданий по подготовке оборонных кадров. Так, в первом полугодии 1947 г. в них участвовали 1410 первичных организаций ОСОАВИАХИМа. В результате этой инициативы годовое задание по военному обучению было выполнено на 78%, по подготовке стрелков-разрядников на 70,3%, а по подготовке населения к ПВХО – на 157,2% [10, л. 98].

Сложнее обстояло дело с технической подготовкой. К концу третьего квартала 1947 г. выполнение плана подготовки составило: радиостов-коротковолновиков – 23,5%, телефонистов – 31%, изучение радиоминимума – 49,7%, автомобиля – 22,9% [10, л. 133].

Недостатки в деятельности общества в 1946–1947 гг. были обусловлены не только объективными, но и рядом субъективных причин. Прежде всего, следует отметить невысокий уровень организационной работы в области учета членов Общества. В результате, в 1947 г. ЦС ОСОАВИАХИМа СССР потребовал от председателей ряда райсоветов ЧАССР уточнить состав и численность членов организаций [10, л. 1]. Другим недостатком являлось слабое участие в решении насущных текущих вопросов значительной частью первичных организаций республики. Снижение результативности в работе было связано также с недостатками в подборе кадров и низкой квалификацией последних. Неудовлетворительной оставалась организация учебной и массовой работы, что вело к срыву рядом райсоветов планов подготовки оборонных кадров различных специальностей [10, л. 99].

В первые послевоенные годы было проведено большое количество массовых мероприятий. Наиболее значительными являлись: празднования Великой Октябрьской революции, Дня Красной Армии и Военно-Морского Флота, Победы над Германией и Японией. В рамках этих мероприятий были проведены военно-спортивные соревнования, тематические беседы, доклады, лекции [9, л. 1, 2].

Самыми значительными событиями 1947 г. стали торжества, приуроченные двадцатилетию ОСОАВИАХИМа СССР и награждению Общества орденом Красного Знамени. Так, 23 января через республиканскую радиовещательную станцию было организовано выступление по радио заместителя председателя Центрального Совета ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР А.И. Никитина. 28 января 1947 г. в Доме пионеров г. Чебоксары состоялось торжественное заседание, в котором участвовали партийно-государственные и советские руководители республики, депутаты городского совета, представители областного и городского военкоматов, других общественных организаций [8, л. 46].

Помимо этого, во всех 32 райгорсоветах, в районных центрах по этому поводу были проведены торжественные собрания, а чебоксарским и канашским стрелковыми клубами – стрелковые соревнования на лучшего стрелка из малокалиберной винтовки.

В 1946–1947 гг. организации ОСОАВИАХИМа Чувашии также участвовали в решении народнохозяйственных задач, в частности,

в реализации «Закона о восстановлении и развитии народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы».

Таким образом, ОСОАВИАХИМ Чувашской АССР, несмотря на тяжёлые экономические и демографические последствия войны, прекращение деятельности Всевобуча, сокращение численности членов организации, в течение 1946–1947 гг. всемерно содействовал подготовке резервов для Советских Вооружённых Сил, активно участвовал в республиканских и всесоюзных военно-спортивных, культурно-массовых и общественно-политических мероприятиях, в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства СССР.

Как и в предвоенные годы, оборонно-массовую организацию впереди ждала очередная реорганизация. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 января 1948 г. ОСОАВИАХИМ был разделен на три самостоятельных общества: Всесоюзное добровольное общество содействия авиации (ДОСАВ), Всесоюзное добровольное общество содействия армии (ДОСАРМ) и Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому Флоту (ДОСФЛОТ) [14, с. 4].

Список литературы

1. Андреев О.В. Опыт оборонно-массовой работы в Советском государстве 1918–1927 гг. как фактор патриотического воспитания молодёжи // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: Сб. ст. всеросс. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 48–57.

2. Андреев О.В. Возрождение Всевобуч и перестройка деятельности Осоавиахим в условиях Великой Отечественной войны // Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сб. ст. Респ. науч.-практ. конф., посвящённой 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – С. 95–105.

3. Андреев О.В. Оборонно-массовые организации в СССР накануне преобразования в ДОСААФ (1948–1951) (тезисы) / О.В. Андреев, К.Г. Петрова // Единство. Творчество. Звёзды: Сб. тр. регион. 45-й науч. студ. конфер. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011.

4. Андреев О.В. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова / О.В. Андреев, А.А. Савельева // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сборник статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 282–299.

5. Андреев О.В. Чувашская организация ОСОАВИАХИМа в системе оборонно-массовой работы в СССР в 1927–1940 годах // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №4. – С. 5–17.

6. Васютин Ю.С. Военно-патриотическое воспитание / Ю.С. Васютин. – М.: Мысль, 1984. – 172 с.
7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2754/1022. Оп. 16. Д. 10. Л. 133.
8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2757/1022. Оп. 17. Д. 15. Л. 35, 36, 46.
9. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2757/1022. Оп. 17. Д. 17. Л. 2.
10. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2757/1022. Оп. 21. Д. 2. Л. 1, 3, 4, 59, 95, 98, 99, 131, 133, 150, 151.
11. Золотов В.Т. Ореол романтики и мужества: 80-летию ОСОАВИАХИМ – ДОСААФ – РОСТО / В.Т. Золотов. – Чебоксары: Новое время, 2007. – 147 с.
12. Камышанов Ю.Ф. На службе Отечеству: 80-летию ОСОАВИАХИМ-ДОСААФ-РОСТО / Ю.Ф. Камышанов. – М.: Витязь-Братишка, 2008. – 359 с.
13. Краснознаменное оборонное: Книга о ДОСААФ, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, его вкладе в укрепление оборонного могущества страны. – М.: Изд-во ДОСААФ, 1971. – 282 с.
14. Панюков Н. VI съезд РОСТО (ДОСААФ) подвел итоги 80-летней деятельности оборонной организации страны // Военные знания. – 2007. – №2. – С. 2–7.

Васильева Ксения Николаевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Республика Чувашия

ВКЛАД В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются педагогические взгляды В.О. Ключевского, его методика преподавания и организация процесса обучения. Особо отмечается педагогическое мастерство ученого, его уникальный лекторский дар, в работе также излагаются суждения В.О. Ключевского о воспитательном значении истории.*

***Ключевые слова:** В.О. Ключевский, методика преподавания истории, научно-педагогические взгляды, педагогическое мастерство, воспитательное значение истории.*

В 2016 году исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося российского историка В.О. Ключевского (1841–1911). Он проявил себя не только как крупный ученый-исследователь, но и как один

из ярких и талантливых педагогов. И хотя Ключевский не был школьным учителем, его рекомендации о методике подачи материала, о характере изложения и построения материала, опыт его преподавательской деятельности представляют огромный интерес для тех, кто связан с процессом преподавания. Несомненно, из педагогического наследия, оставленного великим русским историком, можно извлечь ценные уроки.

Суть научно-педагогических взглядов В.О. Ключевского заключалась в попытке показать общие закономерности в истории, значение различных факторов в историческом процессе и в отдельные периоды русской истории, роль исторического воспитания, первостепенное внимание к духовности личности и общества. В концепции Ключевского следует видеть прежде всего творческий поиск, сохраняющий преемственность связи с путями познания истории России.

Изучению отечественной истории ученый придавал огромное значение: «Чтобы знать, куда и как нам идти, надо прежде всего знать, откуда мы пришли, чтобы быть гражданином, надо хоть немного знать свою историю» [3, с. 301]. Работу педагога он очень ценил и считал, что она чрезвычайно сложна и разнообразна. Вопросы руководства обучением, использования широкого спектра методов и приемов в достижении оптимальных результатов играли значимую роль в преподавательской деятельности историка.

Преподавание В.О. Ключевский считал одним из важных средств воспитания. Залог успешного преподавания он видел прежде всего в живом непосредственном контакте со слушателями. Для достижения эффективности преподавания ученый считал необходимым использование разнообразных методов и приемов. В методическом инструментарии ученого большое значение имела лекция, при изложении которой он большое внимание уделял содержанию и мастерству произношения [4, с. 7]. При освещении русской истории он применял проблемно-обобщающий подход. В подаче материала он использовал такие приемы, как образность, наглядность, проведение аналогий и сравнений [1, с. 231]. Главное достоинство изложения, по мнению Ключевского, заключается во внутреннем единстве и целостности текста. Стройная цепь умозаключений должна привести к определенному выводу. Большое зна-

чение ученых придавал соразмерности фактического и теоретического материала, раскрытию идей и понятий. Мастерство своих лекций историк оттачивал постоянно. Их посещало огромное количество студентов университета и даже простых обывателей. Сохранилось много свидетельств о лекционном мастерстве В.О. Ключевского, музыке его речи, богатстве интонаций и фразировке, артистическом перевоплощении на кафедре, удивительности русского языка и чеканности его выражений.

Изучение преподавательской деятельности ученого дает богатый материал для правильной организации учебного процесса с учетом специфики аудитории. Ключевский воздействовал на аудиторию не только формой изложения, но и звучанием слова. У него был особый лекционный дар. Сохранившиеся воспоминания о В.О. Ключевском и его произведения позволяют понять сущность этого дара. «Развивая мысль в речи, – отмечал историк, раскрывая «секреты» своего лекторского мастерства, – надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предьявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирической подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим Клиентом» [2, с. 22].

В.О. Ключевский большое внимание уделял личности педагога. Он считал, что «мало знать предмет, мало ясно его излагать, чтобы быть хорошим преподавателем, надо любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» [2, с. 19]. Нужно еще владеть, педагогикой взаимодействия с аудиторией, не терять с ней контакта.

Ученый считал важным унаследование, путем исторического воспитания, преемственности от поколения к поколению понятий добра, чувства сострадания, любви к ближнему, стремления к нравственному идеалу: «Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т.е. изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться...» [2, с. 18]. В деле воспитания он считал важным также взаимодействие семьи и школы, которые не могут существовать отдельно друг от друга.

В научно-педагогической деятельности многочисленных учеников В.О. Ключевского (П.Н. Милоков, М.К. Любавский, Н.А. Рожков, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, М.Н. Покровский, А.И. Яковлев и др.) получила развитие не только научная концепция ученого, но и используемые им педагогические приемы, традиции воспитания и методика преподавания [5, с. 45].

Таким образом, В.О. Ключевский является самобытным педагогом. Суждения ученого об организации процесса обучения, о методике преподнесения материала, о роли воспитательных моментов в процессе преподавания истории имеют большую практическую ценность для тех, кто связал или только стремится связать свою жизнь с делом преподавания.

Список литературы

1. Демидова И.И. В.О. Ключевский как педагог / И.И. Демидова // Всероссийская научно-методическая конференция. Информационные технологии и гуманитарное образование: Сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чув. гос. ун-та, 2003. – С. 230–234.
2. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – 416 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах Т. IX: Материалы разных лет / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987–1990. – 525 с.
4. Филин Н. Блестящий исполнитель лекций: О педагогическом мастерстве В.О. Ключевского / Н. Филин // Учительская газета. – 15–22 янв. 1991. – С. 7–9.
5. Эммонс Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. – 1990. – №10. – С. 45–61.

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ,
руководитель научно-методического центра
развития образования, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: статья посвящена исследованию основных особенностей становления геополитической мысли России. Раскрыта проблематика социальной трансформации и политической модернизации России. Проанализированы термины «геополитика», «геополитическая мысль», «геопространство», «этногеополитическая мысль». Перечислены основные черты этногеополитического направления. Выделены парадигмы, в разное время определявшие основное содержание отечественной геополитики. Рассмотрены внешнеполитический курс И.В. Сталина и те мировоззренческие установки, на которых он основывался.

Ключевые слова: русская история, союз славянских государств, всеславянский союз, геополитическое положение, социальная трансформация, политическая модернизация.

Памятник Григорию Александровичу Потемкину, присоединившему полуостров Крым к Российской империи в 1783 году, в ближайшее время будет установлен в городе-герое Севастополе. Под командованием Потемкина были одержаны военные победы над турками, в результате которых Крым присоединен к России, создан Черноморский флот и его главная база Севастополь, заложены ряд городов, среди которых Екатеринослав (Днепропетровск), Херсон и Николаев, а сам Григорий Александрович получил титул светлейшего князя Таврического.

Воссоединение Севастополя с Российской Федерацией в марте 2014 года актуализировало вопрос о восстановлении в Севастополе памятника советскому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину на

привокзальной площади, демонтированный в 1956 году, многие исследователи отмечают огромный вклад Сталина в восстановлении города-героя из руин Великой Отечественной войны.

Что же объединяет в общественном сознании различные периоды нашей истории, почему происходит восстановление прерванной преемственности в восприятии нашего сложного, но великого прошлого?!

Воспоминания об историческом прошлом заставляют всерьез задуматься о величии России. Необходимость современного изучения исторического феномена традиционного российского патриотизма определяется двумя главными причинами: весь ход мировой истории свидетельствует о том, что каждое великое государство, имеющее соответствующий геополитический статус, разрабатывало свою государственную идеологию с целью объяснить миру свое предназначение, великую миссию – Великобритания заявила о себе как о «владычице морей», США выдвинули жесткую «доктрину Монро», Германия, провозгласив, себя «превыше всего», требовала расширения «жизненного пространства»; Российская Федерация по мере своего возрастающего геополитического веса в современном мире нуждается в сильной, цельной государственной идеологии, которой и становится возрождающийся традиционный российский патриотизм, имеющий историческую преемственность с советским патриотизмом, во главу угла которого была поставлена сталинская идея построения социализма в одной стране.

Отправной точкой в изучении советского патриотизма является проблема частичной реабилитации в 1930-е годы дореволюционной русской истории. Основная исследовательская проблема заключается в выяснении причин преодоления руководством ВКП (б) в 1930-е годы нигилизма по отношению к истории и культуре дореволюционной России, прочно утвердившегося в партии большевиков и некоторых кругах интеллигенции в 1920-е годы.

Насколько И.В. Сталину удалось справиться с решением такой задачи можно судить по некоторым документам из архивов немецкого МИДа. В Меморандуме МИДа Германии от 27 июля 1939 года говорилось о том, что «слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских

людей и подвигов..., изменило интернациональный характер большевизма, как нам это кажется, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию» [1, с. 30].

Грандиозность празднеств по случаю памятных дат русской истории и ее выдающихся персоналий, прославление мощи великих русских полководцев в кинематографе и литературе, возобновление преподавания дореволюционной русской истории в школах и вузах естественно ассоциировались у иностранцев как возрождение русского национализма.

И сегодня многие зарубежные исследователи пишут о том, что в 1930-е годы И.В. Сталин воскресил русский национализм. Эту идею широко развил французский исследователь Николя Верт, книга которого «История Советского государства. 1900–1991 годы» многие годы использовалась в постсоветской России в качестве учебного пособия по отечественной истории. Н. Верт утверждал, что в 1930-е годы «возрождение русского национализма явилось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения» [2, с. 236].

Преодолев нигилизм 1920-х годов по отношению к дореволюционному периоду истории России, И.В. Сталину удалось обеспечить концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность со старой Россией, особенно в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны.

Сталину удалось сбалансировать необходимые пропорции между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России. Проповедуемые им интернационализм и братство между народами гармонично сочетались с пропагандой идей укрепления и защиты многовековой российской государственности.

Новая государственная идеология отвечала геополитическим устремлениям СССР и дала немало положительных результатов, в том числе в исторической науке, воскресшей после длительного политического забвения.

Взаимодействие географических и политических условий всегда выступало постоянным фактором развития государств в про-

шлом и актуальным источником их современного состояния. Геополитическая эволюция различных государств богата и разнообразна.

Для России этот вопрос стал настолько актуальным, насколько изменилось ее геополитическое состояние. Известно, что геополитические сдвиги всегда чреваты серьезной дестабилизацией международной и внутренней обстановки. Они могут происходить намного раньше военно-политических изменений, предопределять их реакцию на геополитические сдвиги, а, следовательно, существенно влиять на состояние безопасности общества и государства, практические пути и формы ее обеспечения.

Исторический опыт многих государств, осуществлявших переходные трансформационные (модернизаторские и реформаторские) преобразования и процессы, свидетельствует о том, что данный тип социально-экономических и политических преобразований требует эффективного обеспечения, в том числе, оптимизации всего комплекса внутренних и внешних факторов, постоянно действующих и вновь возникших реальностей, императивов и приоритетов. К наиболее «влиятельным» факторам данного рода относятся изменившиеся политико-географические реальности современного Российского государства со всеми присущими им атрибутами – изменением геополитического пространства, новыми территориальными реальностями и проблемами, региональными особенностями развития современной России, наличием политических режимов регионального характера на территории единого государства, явлениями регионального и иного сепаратизма и т. п. Совокупность отмеченных и иных условий и факторов геополитического содержания требует адекватного научного выражения, объяснения и аргументации, в особенности, по линии научного освоения актуальных императивов и приоритетов геополитического качества.

Изучение национальных моделей социальной трансформации в России и других посткоммунистических странах со всей очевидностью ставит вопрос о том, что эту трансформацию нельзя однозначно квалифицировать как исключительно демократическое обновление общественной жизни. Установление демократии не исчерпывает даже одной альтернативы общественного развития, а

само развитие намного богаче целей установления демократического политического режима. Как выявилось на практике, глубина и значимость социальной трансформации, во всяком случае, для России, оказались не адекватными целям и характеру «демократического транзита» со стороны Запада. В России была сломлена не только советская государственность, но и те атрибуты государственности, которые возникали и наращивались под воздействием более длительного социально-исторического творчества народов. В отличие от других государств Восточной и Центральной Европы Россия ныне существует в совершенно новых геополитических обстоятельствах. И в этом смысле демократические преобразования в России не исчерпывают всей глубины изменений, которые произошли в стране. Иными словами, цели современной трансформации более масштабны, чем преодоление только коммунистической теории и практики социально-политических и национально-государственных преобразований советского периода отечественной истории.

Ликвидация Варшавского Договора при сохранении НАТО, развал Советского Союза и переход исторической России из сверхдержавы в заурядную региональную сырьевую страну с мощным ядерным потенциалом поставили государство Российское перед выбором: либо научиться извлекать уроки из собственного прошлого и поступить в соответствии с нашими культурно-историческими традициями, либо снова повторять неудачный исторический опыт бездумного следования западным схемам. Россия – уникальное государственно-политическое образование, рожденное «божьем промыслом» (И.А. Ильин) исторического творчества населяющих ее народов при благотворном патронировании этого процесса русским суперэтносом. По большому историческому счету это образование не подлежит расчленению властной элитой нынешних поколений, какой бы политически мотивированной она ни была. Практика современной трансформации и политической модернизации России свидетельствует о том, что почва социально-политического творчества прошлых поколений перемалывает любое экспериментальное действие современных реформаторов, превращая их изначальные цели в противоположные. Не в этом ли кроется основная причина длительности и бесплодности постсоветских преобразований в России и других государствах СНГ?

Государственность любой страны не мыслится без устойчивой государственно-политической целостности и достаточности, вписанной в потребности внешнего и внутреннего развития общества. Поставленные вопросы и их решение непосредственно связаны с определением статуса страны, в частности России. Продолжающиеся споры о различных параметрах статуса России (великая держава, региональная держава, отдельное государство-нация) пока не получили своего логического завершения по причине того, что ни один из вариантов не имеет полноты аргументов практического подтверждения.

Не все геополитические реалии и интересы изменились в начале 1990-х годов в России, несмотря на смену социально-экономического строя и политического режима. Некоторые из них сохраняют завидное постоянство, а другие стали качественно иными. И это соотношение постоянных и переменных геополитических факторов само по себе выступает источником многих социально-политических последствий. Существует однозначное мнение, что Россия уже не может рассчитывать на мощь, характер и последствия геополитического и военно-политического влияния бывшего Советского Союза. Однако, унаследовав от СССР такие элементы влияния, как евразийское геополитическое расположение, громадные территориальные пространства, мощный ресурсно-экономический потенциал, накопленные запасы ядерного и других видов оружия массового поражения, развитое духовно-культурное и просветительно-образовательное наследие, Россия встает перед необходимостью определиться в приоритетах своего развития, непосредственно связанных с усилением влияния в современном мире. Характер этих приоритетов уже начинает диктоваться современными опасностями и угрозами, внутренними возможностями их нейтрализации, внешним характером взаимодействия с другими государствами и другими факторами.

Национально-государственная политика России при президентстве В.В. Путина в ее прежнем понимании и социальном статусе состоялась как теоретически, так и практически. Российский федерализм с приоритетом национально-этнических ценностей и интересов стимулирует целостности регионов и их стремления жить в дружбе с центром. Региональная политика как отраслевое полити-

ческое направление современной России хотя и молода, но эффективна. Путин подарил мир Северному Кавказу, благодаря Президенту России эффективно сработал федеративный договор субъектов России с центральными органами государственной власти. Региональная Россия уже никогда не будет причудливым сочетанием различных региональных политических режимов – от анархично-демократических до откровенно тоталитарных и тиранических. Все это говорит о том, что сама внутривластная составляющая постсоветского состояния России приобрела характер созидательного фактора укрепления российской государственности.

Проблематика социальной трансформации и политической модернизации отражена в трудах зарубежных исследователей – Теодора Адорно, Ханна Арендта, Роймона Арона, Збигнева Бжезинского, Энтони Гидденса, Джеймса Гэлбрейта, Ральфа Дарендорфа, Чарльза Москоса, Арнольда Тойнби, Яниса Эберли, Юргена Хабермаса, Самюэля Хантингтона С. и других. В ряде работ этих авторов представлена теоретическая модель и концепция социальной трансформации и политической модернизации, ее стадии и этапы, типичные особенности. Однако взгляды многих исследователей являются односторонне-позиционными и апологетичными по отношению к ценностям и интересам США и западных государств и страдают недостатком альтернативных способов научного выражения.

После 1985 года и в нашей стране стал нарастать поток теоретических трудов, внимание авторов которых оказалось прикованным к проблеме сталинизма, его тоталитарной природе, механизмам возникновения, утверждения в советском обществе и проявлениям в различных сферах общественной жизни страны. Это был отечественный ответ на отрицательные черты и особенности того этапа, преодолеть которые было необходимо в переходный трансформационный период. Но во всех этих работах нет специального рассмотрения геополитических особенностей и последствий социальной трансформации, реализации ее национально-государственной специфики. В целом в отечественных и зарубежных исследованиях недостаточно раскрыты вопросы, связанные с определением геополитических императивов и приоритетов развития Российского государства. Масштабы и характер геополитических изменений в современной России таковы, что их научное осмысление во многих

отношениях лишь только начинается. В особенности это касается вопросов национально-государственного строительства, непосредственно связанного с геополитическими изменениями и особенностями.

В результате развала Советского Союза и изменения социально-экономического курса Россия встала перед необходимостью практического освоения качественно новой модели переходного развития – социальной трансформации, политической модернизации, смены формы государственности в границах и параметрах нового геополитического пространства. Становление российской государственности невозможно без определения исторических и актуальных особенностей (императивов) и приоритетов геополитического развития. Последние, в свою очередь, выступают важнейшими источниками влияния геополитики на характер национальной политики Российского государства, всех ее компонентов – экономического, социального, политического, духовно-идеологического. Геополитические особенности России выступают как совокупность геополитических факторов, императивов и приоритетов, влияние которых на целостность страны носит закономерный и специфичный характер. В этом смысле под особенностями влияния геополитики на национально-государственное строительство следует понимать такие результаты процесса воздействия геополитических факторов, императивов и приоритетов, которые становятся устойчивыми, необходимыми и повторяющимися параметрами взаимодействия геополитики. В зависимости от внешних и внутренних условий процесса образования, особенности влияния геополитики на национально-государственное строительство могут выступать в форме императивов и приоритетов. И если императивы выражают устойчивую и постоянную составляющие влияния геополитики на национально-государственное обустройство России вне зависимости от господствующей идеологии и политического режима, то приоритеты выявляют актуальные стороны этого влияния на определенном историческом этапе и в зависимости от политического содержания исторического развития.

Геополитические императивы представляют собой сложившиеся естественноисторическим путем явления социальности, выступающие источником совокупности повелительных требований как результатов взаимодействия географических условий и политики,

и определяющие состояние, характер и направленность развития этих результатов. Анализ проблем геополитики в условиях России убеждает в том, что среди важнейших геополитических императивов обеспечения национальной целостности России выступают: геополитическая мотивация единства и целостности российского «государственного тела», евразийский цивилизационный принцип существования и развития России, региональная самостоятельность российского геополитического пространства, поликонфессиональность народов России, объединяющая и интегрирующая роль русского суперэтноса, неспособность его к порабощающей колонизации.

Носителями и основными субъектами геополитических императивов выступают, следовательно, сами государства и их народы, в ментальность и социокультурную идентичность которых входит их содержание.

Конец XX века – начало XXI веков отмечен широким внедрением геополитических идей в обиход политики, средств массовой информации и общественных наук. Термины «геополитика», «геополитический» применяются в современной России повсеместно. Одновременно с этим процессом развивается другой, в рамках которого исследователи, относящиеся к различным предметным областям – истории, политической географии, политологии, теории международных отношений, философии пытаются выработать общие основы геополитики, определить предмет и специфические методы данного научного направления, выделить и исследовать национальные направления геополитической мысли в различных странах.

Для исследований в историческом контексте более обоснованным, чем термин «геополитика», является употребление термина «геополитическая мысль», которая понимается как особое явление в сфере познания, представленное совокупностью идей геополитического характера, в которых нашло отражение, представленное на тот исторический момент сочетание политических, военных, идеологических, религиозных и т. п. процессов и объективных географических условий, в которых они протекали.

Данное явление, в свою очередь, обобщенно может быть названо геополитической реальностью. Очевидно, что первые

идеи, положившие начало геополитической мысли, связаны с возникновением геополитической реальности и могут быть выделены, начиная с возникновения первых государств и контактов между ними. Соответственно, существующая градация между собственно геополитикой и ее истоками может быть отнесена к различиям, которые возникают между определенными историческими этапами в развитии геополитической мысли, например, возможно выделение донаучного, мировоззренческого и научного этапов.

Понятие «геополитика» представляет собой особую интеллектуальную парадигму, ключевую идею в рамках геополитической мысли, охватывающую одновременно и определенный вид отношения к миру – пространственно-идеологическая функция и род занятий – политикоформирующая функция. В самом звучании термина заключена его метапредметная сущность.

Геополитическая мысль понимается как явление, отображающее процесс и результаты взаимодействия (взаимоадаптации) политической деятельности общества, т. е. государств, партий, других субъектов власти, и геопространства.

Под геопространством рассматривается многогранное единство материального субстрата – носителя разнокачественных свойств, и ряда планетарных сфер – природной, экономической, социальной, этнической, политической, экологической, идеологической.

Идея геополитики считается одним из возможных выражений геополитической мысли. Предметом последней является описание, использование, планирование и прогнозирование развития конкретного геополитического отношения, в абстрактной форме отражающего объективно существующее единство политической деятельности, геопространственных условий и результатов ее реализации.

Геополитическое отношение – категория, объединяющая субъект, как образование, обладающее политической властью, и объект – геопространство, выделение и рассмотрение взаимодействия которых составляет основной смысл геополитического исследования.

Любая научная литература может быть признана частью геополитической мысли, если она несет в себе описание геополитического отношения, независимо от времени создания и области, к ко-

торой причислял себя ее автор. Пользуясь категорией геополитического отношения, можно не только обосновать наличие последовательной развивающейся геополитической мысли, а еще и выделить ее внутренние направления, связанные с введением в состав субъекта политической власти особых свойств, отражающих своеобразие национальных отношений и исторически сложившийся характер управления на определенной территории. Они могут иметь экономический, религиозный, экологический и этнический характер.

Этногеополитическая мысль представляется отдельной областью геополитической мысли, в рамках которой исследователи акцентируют свое внимание на этнических аспектах взаимодействия политического субъекта и геопространства, то есть анализируют актуальное этногеополитическое отношение в рамках различных территориальных уровней геопространства.

Отечественная геополитическая мысль отличается отсутствием в работах исследователей термина «геополитика», который применялся лишь в 1920-е годы и широко используется в настоящее время. Это отнюдь не исключает наличие длительного национального геополитического поиска, но является главной причиной того, что российская геополитическая мысль начинает изучаться только сейчас, как ответ на огромное количество концепций иностранных авторов, появившихся в России.

Геополитическая мысль не ограничивается собственно геополитической областью. Ее авторов можно отнести к различным предметным областям, и определить их как философов, историков, юристов, географов и т. д., собственно геополитики появляются в ней только в настоящее время. Это позволяет говорить о том, что исключительность геополитической тематики не была присуща российским исследователям, а формирование геополитической мысли шло совместно с общим развитием гуманитарных и естественных наук.

До недавнего времени исследовалась деятельность только одного политического субъекта – государства, специфические свойства которого и были главным предметом анализа отечественных ученых. Многие из них могут быть охарактеризованы как государственники, обосновывающие свои выводы на несомненной значимости существования сильного, неделимого политико-территориального образования, будь то Россия или СССР. В настоящее время

область исследования российской геополитики существенно расширилась, что связано, в первую очередь, с использованием отечественными учеными западных геополитических методик.

Внутри российской геополитической мысли существуют несколько резких исторических переходов. Первый связан с Петровскими преобразованиями – от царского государства византийского типа к евроазиатской империи, второй связан с революцией 1917 года – от православной империи к социалистическому государству, третий связан с распадом СССР – от социалистического государства к капиталистическому.

Соответственно, из-за изменения общего курса развития государства, внутри самой геополитической мысли менялись основные направления исследований.

Исторически особо значимую роль играли религиозные и идеологические представления, которые господствовали в стране на тот или иной исторический период. Исследователям никогда не удавалось абстрагироваться от них, и большинство работ включает в себя сильную идеологическую составляющую, которая порой превалирует над стратегическими разработками автора, его анализом ситуации и прогнозами.

Исследователи редко непосредственно формировали политику государства, что позволяет говорить о слабости политикоформирующей функции отечественной геополитической мысли, которая в основном представляет собой теоретическое познание, попытку понять природу и дальнейшее развитие России и всего мира, поэтому обладает сложной структурой, включающей в себя несколько исторических этапов и направлений, главным из которых является этногеополитическое.

Большинство ученых рассматривали взаимоотношение геопространства и государства, отталкиваясь от специфических качеств русского этноса, пытаясь понять его место в координатах Запад-Восток, Европа-Азия, христианство-язычество. В силу тесного взаимодействия между народом и государством, а также исторически обусловленной идеологической составляющей отечественной геополитики, авторы переходили к анализу политики государства и параметров его геопространства, что делало эти работы геополитическими.

К основным чертам этногеополитического направления относятся следующие. Специфическое представление российских исследователей о геопространстве. В большинстве работ оно представлено либо территорией России или СССР, либо пространством его интересов. Практически нет исторических работ, анализирующих мировое геопространство, расстановку сил и основные центры влияния. Обычно подобное исследование присутствует как вступление к работе, например, у Н.Я. Данилевского, как исторический фон для анализа актуальных внешнеполитических проблем, или для сравнения российской и нероссийской (европейской) действительности – западники, славянофилы и т. д. Это позволяет утверждать об отсутствии по большей части глобальных экспансионистских устремлений и сосредоточенности на сфере национальных интересов или пространстве геополитической ответственности, под которыми в разное время понимались и понимаются «православный и славянский миры», «Евразийский материк», глобальная социалистическая система и пространство СНГ. Анализ состояния мирового геопространства появляется в России, скорее по аналогии с подобными работами, существующими в других странах.

Этническая общность в геополитическом контексте в силу влияния религиозных и идеологических норм понималась и понимается большинством ученых как наднациональное образование, близкое к понятиям цивилизация и суперэтнос. Применение терминов «этническая нация» или «этнос» было не распространено. О гражданской нации в отечественной геополитической литературе заговорили только в последнее время под влиянием американских и западноевропейских источников.

Значительная часть отечественных исследователей может быть охарактеризована как консервативная и патриотическая. Это позволяет сделать вывод о том, что геополитическая мысль России является своеобразным ответом на изменяющуюся геополитическую действительность, и является скорее совокупностью анализов этих изменений, чем комплексом предложений и прогнозов будущих процессов. Основная функция направления – рефлексия, направленная на познание прошлого, прогностическая функция в рамках направления присутствует фрагментарно.

Анализируя историю развития геополитической мысли необходимо выделить несколько ключевых парадигм, в разное время определявших основное содержание отечественной геополитики.

Протоэтногеополитическая парадигма. К данной парадигме можно отнести работы Н.М. Каткова, основным выражением которых стало обоснование «имперской идеологии», стратегические разработки Д.А. Милютин, представления о государстве Л.А. Тихомирова, концепцию территориальных систем политического могущества В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

Этногосударственная парадигма – концепция «Москва – Третий Рим», П.Я. Чаадаев и западничество, А.С. Хомяков и славянофильство, Б.Н. Чичерин и его геоправовой подход, И.Л. Солоневич и народно-монархические представления, И.А. Ильин и религиозно-этническая концепция, ленинское понимание этногеополитического отношения через интернациональное геополитическое отношение.

Этногеопространственная парадигма – работы Л.И. Мечникова и развитие концепции географического детерминизма, исторические труды С.М. Соловьева, В.И. Ламанский и концепция трех миров Азийско-Европейского материка.

Этногеополитическая парадигма – Н.Я. Данилевский и идеология панславизма, К.Н. Леонтьев и византийская концепция, П.Н. Савицкий и евразийское направление, Л.Н. Гумилев и концепция этногенеза.

Концепция Л.Н. Гумилева явилась завершающим этапом развития отечественного этногеополитического направления, впитав в себя его прежние ключевые парадигмы – идеи Н.Я. Данилевского, фазы развития этноса К.Н. Леонтьева, «месторазвитие» П.Н. Савицкого, переложенные на современный научный язык.

Л.Н. Гумилев, создавший целостную, но противоречивую систему категорий и фактов, дал наиболее полный и развернутый ответ на вопрос П.Я. Чаадаева: «есть ли иная культура, кроме европейской», и обосновал не только мировое этническое разнообразие, но и особое место в нем народов и государств.

Подчеркнем важность той части исследования автора, которая отлична от евразийства. Л.Н. Гумилев представил концепцию, ко-

торая наиболее полно пытается объяснить методологию анализа этногеополитических отношений России за огромный исторический период.

Национальную идею государства можно определить как идейный механизм, систему взаимосвязанных и взаимообусловленных ценностных установок, стратегий, мероприятий и действий, где каждый компонент не может быть реализован отдельно в отрыве от исторического хода развития страны. Соответственно, основой для формирования научно обоснованной национально-государственной идеи может стать комплекс понятий, представлений и идей, созданных в рамках, как всего наследия геополитической мысли России, так и ее этногеополитического направления. В этом и заключается практическая значимость историко-обзорных и теоретических исследований.

Довольно актуальным является вопрос о том, можно ли вообще говорить о научной геополитике, которая, безусловно, обладает большинством характерных, свойственных научному способу познания, качеств и может выделяться либо как отдельная область знания, либо как составная часть области уже существующей.

При подобной трактовке целесообразно объединить геополитическую и дипломатическую терминологии. Например, идея разделять геополитические эпохи (Вестфальская, Венская, Версальская, Потсдамская и Беловежская), может относиться к категории «геополитическая реальность», которой соответствует процесс развития геополитической мысли, разделенный на этапы, периоды и фазы.

В геополитической мысли России представлены экономическое направление – работами М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева и П.Н. Савицкого, военно-стратегическое направление – работами высших офицеров царской России, например, Д.А. Милютина, и советского времени, историческое направление – работами великих русских историков – С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского и т. д.

Анализ специфических черт своей этнической общности становился для отечественных ученых точкой входа сначала в систему национального этногеополитического отношения, который затем превращался в этногеополитическую мысль.

Подобные геополитические идеи имели место и в советский период нашей истории, как в первые годы существования Советского государства – идеи о мировой революции, так и после Второй мировой войны – формирование социалистической системы.

В первом случае идея доминирования СССР в мире официально не декларировалась, а во втором глобальные политические цели после смерти И.В. Сталина не были этногеополитически обоснованы и развивались по инерции в рамках противостояния двух систем.

Более того, в послесталинское время идея о доминировании русского народа, его языка, культуры, национальных ценностей в мировом масштабе больше не возникала. Поэтому особый научный интерес вызывают работы, раскрывающие взаимоотношения цивилизаций, например, исторический труд обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева «Великая лож нашего времени», а также появляющиеся в наше время публикации о геополитике И.В. Сталина – одного из ярких государственных деятелей XX века.

Формирование на рубеже XX–XXI веков новой системы международных отношений, характеризующейся высокой степенью конкурентности различных социально-экономических и внешнеполитических проектов, побуждает современных исследователей к изучению предыдущего исторического опыта с целью ретрансляции последнего в новых исторических условиях.

В этом отношении период первой половины XX века был уникален, на международной арене шла борьба мировых держав за жизненное пространство [3, с. 274]. Поэтому представляется важным рассмотреть важнейшую составляющую международного положения того периода – внешнеполитический курс И.В. Сталина и те мировоззренческие установки, на которых он основывался.

В этой связи приведем слова российского исследователя А. Орлова о том, что вопрос о геополитической доктрине И.В. Сталина, как один из ключевых вопросов истории XX века, не случайно игнорируется историками. Отсутствие этой доктрины в виде целостного документа, позволившее создать легенду о сталинской политике как серии удачных экспромтов, не имеющих глубокой основы, оказалось весьма удобным для многих [4, с. 16]. Тем более что, по мнению исследователей, «именно внешнеполитический аспект является ключом к пониманию и объяснению всей системы политических взглядов Сталина» [5, с. 5].

Главными обстоятельствами «внешнего мира» при формировании и реализации геополитики И.В. Сталина были следующие факторы: во-первых, осознание феноменальной силы Запада, где в Европе сформировалось два лагеря, мощь которых становилась опасной для новой России, осуществлявшей масштабную модернизацию на отличных от Запада принципах; во-вторых, реакция Запада на возникновение государства нового типа, которая выразилась в «блокаде», «изоляции» и «санитарном кордоне из антибольшевистских государств»; в-третьих, опасения большевистских лидеров в отношении судьбы своего «эксперимента» в связи с тем, что Запад будет вести реальную войну с Россией, которое эту войну может проиграть; в-четвертых, выбор внешнеполитической концепции России в условиях экономической разрухи, послереволюционной смуты, которая всегда сопровождает смену социального строя и политического порядка, в условиях по сути дела «холодной гражданской войны», когда значительная часть населения не поддерживала власть большевиков; в-пятых, то, что Первая мировая война оставила на периферии международных отношений две «великие державы» – Германию и Россию, представители которых, начиная с 1921 года, обсуждали и реализовывали возможности сотрудничества, в том числе и военного, что привело в последующее десятилетие к «рапалльскому роману» между ними.

Эти «внешние обстоятельства» накладывались на «внутренние качества» И.В. Сталина, возглавившего политическое руководство страны: происхождение из Закавказья – района переплетения различных национальных, конфессиональных, клановых и прочих противоречий, что давало возможность понимания природы национализма и того гигантского потенциала, который заложен в национальном движении; религиозную обстановку в семье и обучение в церковно-приходской школе и в Тифлисской духовной семинарии, что сказалось на знании духовных основ православия, аскетизме, сдержанном отношении к западным ценностям; то, что он был полностью обрусевшим человеком, вел подпольную работу с русскими рабочими, примыкал к большевистской фракции, где большинство составляли русские, четыре года провел в ссылке в маленькой сибирской деревушке в Туруханском крае. «В отличие от Ленина, человека с западным образованием, прожившего половину жизни на Западе, – справедливо подчеркивает А.И. Уткин, –

Сталин жил на Западе в целом примерно четыре месяца в 1906–1907 годах. Сведения о внешнем мире у него, самоучки, были в основном умозрительными. Строго говоря, это был типичный автохтон, умственно и эмоционально сформировавшийся внутри России, в условиях жестокого подполья» [6, с. 294].

Ещё одним источником внешнеполитической философии И.В. Сталина стал политический прагматизм, связанный с его погруженностью в практическую работу, формирование мышления практика, для которого теория имела прикладное значение. В условиях взаимодействия в формировавшейся советской внешней политике двух противоречивых начал: курса на мировую революцию и необходимости мирного сосуществования для выживания советского режима, Сталин в отношении «революционного движения на Западе» был скептиком, что проявилось, в частности, в дискуссии о Брестском мире, акцентировании значения Востока, роли национального фактора в сплочении поляков в период войны с Польшей в 1920 году, сдержанной позиции в период революционных выступлений в Германии в 1923 году, когда он предлагал немцев «сдерживать, а не подстегивать».

Хорошо известны дискуссии Сталина с Лениным в 1922 году по поводу сталинского плана «автономизации», то есть вхождения четырех республик в состав России в качестве автономных образований. Договор об образовании СССР 30 декабря 1922 года был принят в ленинском варианте, но эти дискуссии отражали различие в видении исторической перспективы: сталинский план предполагал приоритет внутренних задач, а ленинский – создание союза государств, для которого приоритетом являлись задачи внешние. Таким образом, степень консолидированности государства в этих планах была различной. Это противостояние, в конечном счете, решилось болезнью и смертью Ленина.

А в 1925 году в пользу И.В. Сталина разрешилось и противоречие политических сил, по-разному отвечавших на вопрос о том, следует ли России сосредоточиться, прежде всего, на своем экономическом развитии, делая ставку на собственные силы, либо, наоборот, надо сконцентрировать главные усилия на осуществлении мировой революции в надежде на последующую экономическую помощь со стороны победившего на Западе пролетариата, что проявилось в советской стратегии в Китае, выработка политики в

отношении которого в годы революции 1924–1927 годов стала первым опытом самостоятельной внешнеполитической деятельности Сталина.

Определяя курс в отношении Запада, И.В. Сталин уже в 1927 году сделал вывод о неизбежности новой войны и стремился использовать противоречия между европейскими государствами. «Сталин, – справедливо отмечает Н.И. Капченко, – рассматривал эти противоречия в качестве одного из важнейших ресурсов в успешном проведении внешней политики... Сталин внес много нового, фактически возведя лавирование и использование противоречий между западными странами в одну из фундаментальных опор советской внешней политики. И надо сказать, что добился в этом блестящих результатов. Использование противоречий, а зачастую их провоцирование и раздувание было не просто тактической линией Сталина, а ее стратегическим курсом. Внешнеполитическая концепция Сталина базировалась, в частности, на таком тезисе, как обеспечение максимально возможной мирной передышки для того, чтобы поднять страну на ноги, чтобы она могла если не на равных, то все же уверенным голосом говорить со своими западными контрагентами» [7, с. 102–103].

Таким образом, к концу 1920-х годов определились основные принципы внешнеполитических взглядов И.В. Сталина, которые в последующий период стали основой внешней политики Советского государства.

1930–50-е годы с благословения Сталина начались масштабные разработки в области русской истории, многие выдающиеся государственные деятели, в том числе русские цари, оказались реабилитированными. Наряду с культом вождя возник культ русской литературы и вообще русской культуры. Сам И.В. Сталин стал проявлять большой интерес к некоторым дореволюционным идеям и проектам. Так, во время войны он задумал возродить славянофильство на новом уровне. 28 марта 1945 года на обеде в честь чехословацкого президента Эдуарда Бенеша Сталин признался в том, что является новым славянофилом: «Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в

одном государстве под эгидой русского царя. Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств... Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и Вторая мировая война идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь» [8, с. 359–363].

И.В. Сталин считал, что, усиливая советское влияние в Восточной Европе, он создает союз славянских государств, о котором мечтали многие панслависты. Сталину в результате победы над Германией удалось вернуть утраченные территории, принадлежавшие некогда России, более того, ему удалось сделать то, о чем в свое время мечтал Данилевский – о создании всеславянского союза во главе с Россией.

И.В. Сталин полагал, что создание такого союза сделает Россию непобедимой. И Сталин создал этот союз в своеобразной форме стран социалистического содружества. Это сразу резко изменило геополитическое положение СССР и сделало нашу страну более неуязвимой, если говорить о внешней опасности.

Геополитические взгляды И.В. Сталина были чужды идеям марксистского глобализма. Вот почему «культ личности» с такой легкостью был развенчан на XX съезде КПСС в 1956 году. И именно поэтому государственнику Сталину симпатизируют многие националисты и правые консерваторы, весьма далекие от марксизма и левизны.

Сегодня остается только предполагать – почему И.В. Сталин в последние годы своей жизни не переломил ситуацию и не отказался от марксизма? В этом случае СССР как национально-государственное образование до сих пор существовал на политической карте мира, был бы совсем другим государством, а вместо КПСС появилась бы совершенно иная партия.

Но этот путь кардинальных социально-политических преобразований был прерван смертью государственника и прагматика Сталина.

В любом случае, очевидно, что Советский Союз изначально создавался И.В. Сталиным по схемам, отличным от марксистско-ленинских идей пролетарского глобализма.

Список литературы

1. Оглашению не подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. – М, 1991.
2. Верг Н. История Советского государства. – М, 1991.
3. Паршев А. Почему Америка наступает. – М., 2002.
4. Орлов А. «Суворов» против Сталина или опыт построения антиистории / А. Орлов // Россия XXI. – 1993. – №8.
5. Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. – Canberra: Australian National University, 1995.
6. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. – М., 2003.
7. Капченко Н.И. Внешнеполитическая концепция Сталина / Н.И. Капченко // Международная жизнь. – 2005. – №9.
8. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 18. – Тверь, 2006.

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ОСНОВЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУХОВНЫХ
КОНСИСТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Аннотация: статья посвящена основам законодательного регулирования деятельности региональных институтов Русской православной церкви в России во второй половине XIX века. Среди функциональных обязанностей членов консистории можно выделить: контроль над православным духовенством, духовно-учебными заведениями, миссионерство, предоставление в Синод церковной статистической документации.

Ключевые слова: епископ, консистория, делопроизводство, Русская православная церковь, нормативно-правовой акт.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта №15-11-21003.

Духовная консистория, согласно российскому законодательству, являлась особым региональным церковным учреждением, при помощи которого под непосредственным руководством епархиального архиерея производились конфессиональное управление

и духовный суд в той или иной губернии Российской империи [4, с. 1]. Епархиальный архиерей и духовная консистория в своей непосредственной практической деятельности руководствовались рядом нормативно-правовых актов и положений церковного права, среди которых выделялись: Священное Писание, правила Святых Апостолов, соборов вселенских и поместных Святых Отцов, Духовный регламент 1721 г. и последовавшие за ним императорские указы и распоряжения Синода, а также ряд подзаконных актов. Среди важнейших законодательных актов выделяются уставы духовных консисторий редакции 1841 г. и 1883 года.

Консистория вместе с епархиальным архиереем состояла в прямом ведении Святейшего Синода; никакое другое ведомство или должностное лицо не имело права вторгаться в сферу ее компетенции, приостанавливать её решения и распоряжения во всём том, что принадлежало к кругу действий духовного ведомства. Поскольку иерархическая власть епископа простиралась не далее границ вверенной ему епархии, то и ведомство консистории заключалось в тех же пределах [4, ст. 2, 3, 6].

Консистория состояла из определённого штатами числа членов. В случае необходимости могли назначаются и сверхштатные члены. С 1869 г. в большинстве духовных консисторий положено по четыре члена в консистории с жалованием каждому – в Санкт-Петербургской и Московской по тысяче рублей, а в остальных консисториях по пятьсот рублей.

Члены консистории рекомендовались епархиальным архиереем из архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и иереев, имеющих духовное образование, примерное поведение, внушительный опыт руководства приходом или монастырской обителью, и в дальнейшем утверждались Синодом. Работа в консистории носила практически постоянный, ежедневный характер, что требовало от его присутствующих удовлетворительного здоровья и непреклонного возраста, чтобы успешно исполнять свои полномочия. Не допускалось им занимать параллельно должности благочинного, члена семинарского или училищного правления. Настоятельно рекомендовалось, чтобы они проживали и служили в губернском городе или недалеко от него [4, ст. 280, 295].

Рабочий день консистории обычно начинается в 9 или в 10 часов утра, в зависимости от местных обстоятельств, и продолжался,

пока не будут обсуждены все предполагаемые вопросы. Консistorия работала всю неделю, за исключением праздничных и выходных дней. В компетенции архиерея было право отстранить члена консистории от рассмотрения дела, если здесь так или иначе проявлялся личный интерес священнослужителя [4, ст. 281, 288, 289, 290, 292].

В случае нерадивого отношения исполнения своих обязанностей член консистории подвергался серьезным негативным санкциям, и, наоборот, в случае добросовестного их исполнения – поощрению.

Частью консистории являлась его канцелярия, занимавшаяся текущим делопроизводством. Особый раздел устава духовных консисторий подробно регламентирует ее деятельность, определяет финансовую сторону, структуру канцелярии и специфику ее формирования, принадлежность к тому или иному классу табели о рангах, подробно останавливается на вопросах материального вознаграждения, пенсионном обеспечении, отпусках. Законы четко определяли порядок поступления дел от просителей или региональных властей, дальнейшую их судьбу, сроки рассмотрения дел, особо регулировалось поступление документов от центральных или государственных органов [4, ст. 302, 303].

По уголовным или сложным гражданским делам, столоначальники, под руководством секретаря, составляли для доклада подробные записки, формировали справочный материал или выписывали соответствующие законы, а по таким, которые были «малосложны или только ещё начинаются производством, смотря по их существу, представляют справки и выписки из законов».

Собираемые и составляемые в каждом столе по предметам занятий разные периодические сведения проверялись столоначальниками с делами консистории и подлинными церковными актами, как например исповедные экстракты с духовными росписями, ведомость о родившихся, браком сочетавшихся и умерших с метрическими книгами, ведомость о состоянии церквей и причтов-клировыми ведомостями и так далее [4, ст. 305, 306].

В слушании и решении дел должны были участвовать все члены, исключая только отсутствующих. Все члены имели равное право голоса. При разногласии членов, секретарь объяснял суще-

ство дела и докладывал о законах, на которых могло бы быть основано единое решение. Таким же образом поступал он и при единогласном решении, если бы оно не согласовалось с обстоятельствами дела или с законами [4, ст. 314, 315].

Духовная консистория – это прежде всего епархиальный суд по рассмотрению правонарушений местного приходского и монашеского духовенства и суд для рядовых прихожан в случае нарушения ими предписаний православной религии или ведения аморального образа жизни. Устав определяет конкретные наказания духовным лицам за соответствующий проступок или непристойное поведение (например, священнослужителя, уличенного в нетрезвости в первый раз, следовало отправить в монастырь под епитимью, во второй раз – низвести до причетнической должности).

На примере Казанской духовной консистории с помощью сохранившихся документов выясним, чем занимались ее члены в течение 1870 года. Серьезному контролю со стороны центральных и местных церковных органов подвергалась деятельность начальных школ любого формата [2, с. 461–464]. В данное ведомство обращались обычные жители с просьбой выдать метрическое свидетельство [3, с. 477]. Несколько месяцев решался вопрос с повышением в должности дьякона Мариинского Посада А. Раева, в конечном итоге его назначили в казанскую церковь. Несколько десятков дел связаны с расторжением брака, открытием приходских попечительств, назначением на тот или иной приход. Много дел, в которых фиксировалась отчетная финансовая документация, сведения о приходских попечительствах или сведения о приходском духовенстве от благочинных округов. Составной частью церковной документации является архиерейский и секретарский отчет о состоянии подконтрольной епархии за год. Таким образом, духовная консистория – ключевое звено в деятельности Русской православной церкви в каждом регионе обширной Российской империи.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Казанская духовная консистория.
2. Петрянкина А.П. Закон Божий в программе начальной школы России конца XVIII – начала XX вв. // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития / Отв. редактор Н.Ф. Беляева. – Саранск, 2008. – С. 461–464.

3. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1 / Сост. Т. Барсов. – СПб., 1885.

4. Устав Духовных консисторий. – СПб., 1883.

Зыкина Алевтина Петровна

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРЕБОВАНИЯ К УЧИТЕЛЯМ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Аннотация: светские общеобразовательные учебные заведения в России начали возникать в конце XVIII в. В связи с началом формирования учительства появилась необходимость регламентировать их труд, определить требования, которые необходимо было соблюдать российским учителям в сфере своей профессиональной деятельности. В статье рассматриваются эти требования на основе специального пособия – «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ».

Ключевые слова: реформа Екатерины II, учительство, народные училища, руководство учителям, Ф.И. Янкович.

На сегодняшний день наблюдается повышенное внимание к отечественной школе как со стороны государства, так и представителей общественных наук. В соответствии с основными положениями ныне действующего «Закона об образовании» повышается спрос с учителя за результаты его работы. В связи с этим возрастает актуальность историко-педагогического опыта, накопленного отечественной школой на протяжении многовековой истории ее развития.

В истории России учительство является социальной группой, в основном сформировавшейся во второй половине XIX в., хотя ее истоки восходят к концу XVIII в. Именно в это время благодаря проведенной правительством Екатерины II реформе в стране начала создаваться сеть общеобразовательных школ – главные и

малые народные училища в губернских и уездных городах империи. Для главных училищ, выполнявших функции средней школы, педагогов готовила специально созданная Учительская семинария в Санкт-Петербурге при главном народном училище. Свидетельство учителя малых школ могли выдавать главные училища после проведения специальных экзаменов. Получается, что первоначально осуществлять учительские обязанности как на территории Российской империи в целом, так и в Чувашском крае, могли лица, не имеющие специальной педагогической подготовки. Это могли быть получившие грамоту люди из среды духовенства или светские лица, закончившие какое-либо учебное заведение.

При отсутствии в стране налаженной системы педагогического образования обеспечить профессиональными преподавателями даже немногочисленную общеобразовательную школу конца XVIII в. – первой половины XIX в. было невозможно. В силу этого представителей этой части интеллигенции в российском обществе долгое время было мало. Поэтому об учительстве, как определённой социальной группе можно говорить, начиная со второй половины XIX столетия, когда в условиях проведения либеральных реформ и становления системы начального и среднего образования в стране задача подготовки учителей приобрела особую актуальность. Именно тогда начала создаваться система специального педагогического образования, состоящая из нескольких уровней.

Первые учителя, которые были приняты на работу в открывшиеся в конце XVIII в. малые народные училища Чувашского края, все были выходцами из среды духовенства, имели духовное образование. Правда, для получения звания учителя им пришлось пройти специальные курсы, организованные при главных народных училищах [4; 5]. Хочется отметить, что представители духовенства еще долгое время будут выполнять функцию учителя в школах дореволюционной России. Особенно важной была просветительская роль священников в сельских учебных заведениях, которые массово стали открываться во второй половине XIX в. Церковнослужителям приходилось отвечать не только за цикл религиозных дисциплин (закон божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати), но и общеобразовательные предметы

(письмо, начальные сведения по арифметике). Здесь многое зависело от образовательного и культурного уровня служителей церкви [1–3].

С момента своего возникновения профессиональная деятельность учителей регламентировалась специальными нормами, т.к. в педагогах власть видела, прежде всего, проводников официальной государственной идеологии. Государство сделало возникшее учительство служилым сословием. Учителя приравнивались к чиновникам 14-го класса, пока служат, а при увольнении сохраняли все преимущества, если отслужили не менее 12 лет [6, с. 67]. Как и другие чиновники, учителя получали государственное жалование, получали чины и ордена, пенсии.

Власть строго следила за тем, чтобы учителя в своей профессиональной деятельности строго соблюдали учебный план, пользовались только теми методами и учебниками, которые были рекомендованы. Любое отклонение от установленного плана рассматривалось как нарушение. В уставе говорилось: «При преподавании учения не вмешивать учителям ничего постороннего...» (§31), «все учителя должны во всем сообразоваться предписанному способу преподавания и не употреблять иных книг, кроме в Уставе сем назначенный» [6, с. 10–11].

От учителя «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи, изданном по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй» (1783 г.) требовало выполнения целого ряда требований. Прежде всего, «Звание учителей обязывает их также стараться сделать из учеников своих полезных членов обществу» [7, с. 79], т.е. участвовать в воспитании граждан, являющихся опорой существующей власти, разделяющих официальную идеологию, соблюдающих законы, исполняющих свои обязанности. Также оговаривалось, что педагог должен быть истинным христианином, любить Бога всем сердцем, а ближнего, в особенности детей, как самого себя. В своем доме он должен быть миролюбив и порядочен, постоянно иметь бодрость духа и тела, а также терпение и прилежание. Учитель должен был довольствоваться тем содержанием, которое ему назначено, хотя если «учитель может что еще достать себе посторонним трудом, то сие ему позволяется, лишь бы не препятствовало оно отправлению его школьной должности» [7, с. 83].

Учитель должен заслужить среди учащихся уважение, почтение, любовь и подобострастие, т.е. когда ученики учителя будут и любить, и бояться [7, с. 85–87]. С учащимися учитель должен поступать справедливо, с равным усердием наставлять богатых и бедных, мальчиков и девочек; обращаться с ними, учитывая их особенности.

«Руководство» имело большое значение для учителей того времени. С одной стороны, его содержание было усвоено школами, определило их организацию, руководило учителями во всей их педагогической деятельности. С другой – в этом произведении небольшого объема в простой и доступной форме излагались основы педагогики, преимущественно дидактики, методики преподавания.

«Руководство» как бы брало неопытного учителя за руку, вело его в школу и рассказывало ему все, что он там должен делать. Вот ряд примеров. Для написания таблиц, поясняло «Руководство», необходимы черная доска, мел и губка. Во время опроса ученики должны слушать внимательно, о чем их спрашивают. При письме учитель берет перо в руки, показывает учащимся, как его следует брать, на каком пальце держать, как высоко. Он заставляет учеников брать перо, держать, класть обратно, а сам ходит вокруг и поправляет, кто сидит не так, осматривает и т. д. [7, с. 57].

«Руководство» требовало, чтобы учителя вели обучение только по книгам, предписанным начальством; не использовали никакого другого учебного способа, кроме установленного. Оно наставляло учителей точно соблюдать печатное расписание часов и предметов занятий. Расписание должно было прибиваться на стенах или на дверях школы. Учителя обязывались те предметы, которые они должны преподавать, хорошо изучить в главной или большой школе; пройти специальное испытание, чтобы получить письменное свидетельство о своем «искусстве».

Как видно, «Руководство» не доверяло сообразительности учителя. Оно старалось научить его на каждый возможный случай. «Руководство» даже разъясняло ему, что, если он, учитель, слушая ответы учеников, сам о вещи полного понятия не имеет или памяти своей не доверяет, или опасается своей рассеянности, то должен иметь в руках учебную книгу и по ней проверять ответы учеников [7, с. 21]. Приступать к изучению арифметики можно было только после того, как ученики научатся хорошо читать и писать [7, с. 69].

В последующие десятилетия и столетия развития отечественной школы требования к учителям далее конкретизировались. Однако актуальность и значимость названного выше документа оставалось всегда на высоком уровне.

Список литературы

1. Евдокимова А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления Русской Православной Церкви на территории Чувашского края в XIX веке // Вестник Чувашского университета. – Гуманитарные науки. – 2015. – №2. – С. 31–38.
2. Евдокимова А.Н. Подготовка кадров приходского духовенства Чувашии и его образовательный уровень в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2003. – №1. – С. 76–94.
3. Евдокимова А.Н. Степень усвоения прихожанами Чувашского края христианского вероучения и обрядности к 60-м годам XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2004. – №1. – С. 34–49.
4. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4.
5. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10.
6. Школьное образование в России в конце XVIII–XIX вв.: Сб. док.
7. Янкович Ф.И. Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению. – СПб., 1807. – 145 с.

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОБЫТИЙ
1917 г.: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ
НАКАНУНЕ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ**

Аннотация: статья посвящена осмыслению исторического значения событий 1917 г. в России. Автор предлагает модель последовательного исторического развития страны с учетом периода коммунистического руководства в XX в.

Ключевые слова: концепция, историческая наука, революция, модернизация, общество, большевизм.

Создание стройной последовательной концепции исторического развития России остается сложнейшей задачей современной отечественной исторической науки. Однако сложность этой задачи

отнюдь не снижает ее актуальности и важности, более того события последних лет, произошедшие на постсоветском пространстве, в первую очередь в соседней Украине, только обострили необходимость определиться с выработкой этой концепции. События 1917 г. в этом отношении являются наиболее поворотными, на первый взгляд разрывающими последовательную историческую цепь. Проблема определения значимости этих событий, имея в виду Февральскую и Октябрьскую революции, «встраивания» их в общую историческую картину только еще более усложнилась за последние 25 лет.

«Отцы-основатели» российской историографии (Татищев, Карамзин и др.) поступали в этом вопросе относительно просто. Последовательность обозначалась хронологической сменой личностей князей и царей, это в целом соответствовало той модели монархического развития страны, которая представлялась идеальной самим авторам. Гораздо сложнее сохранить эту последовательность, когда речь идет о глобальной смене общественного устройства. Между тем, даже накануне 2017 г. профессиональное сообщество российских историков, власти, общество в целом старается как бы не замечать того диссонанса, который вносят указанные события в якобы гармоничный путь строительства новой «великой России». Предвижу в связи с этим тональность грядущего празднования юбилейных праздников: Февральская революция – великая, недооцененная попытка создания нового демократического государства, а Октябрьская – трагическое событие, чуть было не столкнувшее нас на «обочину» мировой истории. Такой подход мог бы устроить зрителей современных псевдоисторических сериалов, если бы не ряд противоречий. В их числе высокие в целом темпы социально-экономического развития СССР, сформирование принципиально новой социальной модели, способствовавшей успехам в сфере здравоохранения, образования, культуры и, наконец, победа в самой страшной войне за всю историю человечества.

Именно эти достижения позволяют нам выстроить иную последовательную цепь исторического развития России. Вернемся к истокам: не абстрактная история России вообще, а история Российского государства, как у Карамзина. Тогда все встает на свои места. Вспомним, что большевики, инициировавшие события октября

1917 г., изначально выступали в качестве разрушителей государства. Об этом говорят классические каноны марксизма, теория перманентной революции Троцкого и другие идеологемы лидеров радикального крыла революционного движения. Однако приход большевиков власти означал резкую смену парадигм. Появляется когда-то изучавшаяся всеми нами работа В.И. Ленина «О диктатуре пролетариата», обосновавшая стремление новой власти строить новое *государство*, а не просто разрушить существовавшее в погоне за мировой революцией. Таким образом, большевики явились носителями государственного начала в новых условиях. Их идеологические противники в свою очередь, на первый взгляд, выступавшие наследниками прежней государственной традиции, оказались в роли разрушителей. Следует иметь в виду отсутствие у противников новой власти объединительной идеологии, своей концепции нового устройства страны, готовность пожертвовать частью территории страны в интересах иностранных союзников и т. д. Попытки осмысления нового исторического этапа у наиболее выдающихся лидеров Белого движения без сомнения были, однако их уровень и несогласованность далеки от того уровня, который был изначально задан руководителями большевиков. В этих условиях действия В.И. Ленина и его сторонников сравнимы с великой миссией, выполненной Мининым и Пожарским в Смутное время. Февральская революция 1917 г. явилась стихийным разрушением страны, грозившим прямым распадом территории, большевики же напротив вернули государственное начало. Именно поэтому к концу Гражданской войны в рядах Красной армии оказалось гораздо больше бывших офицеров царской армии, чем в составе белого движения.

Дальнейшая практика большевистского руководства страной – явный пример общественно-экономической модернизации в российском варианте. Следует вспомнить, что наиболее успешные, явные показатели модернизации мы получали именно в условиях насильственной, силовой модели ее проведения. Об этом нам говорит, например, опыт реформ Петра I. Большевистский опыт в этом отношении мало отличается по методам проведения модернизационной программы. Рискну предположить, что и современные противоречия модернизационного процесса во многом объясняются

демонстративным отказом от силовых методов. Однако мы еще далеки от момента завершения, поэтому возврат к ним вполне возможен.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении картина исторического развития России становится вполне последовательной. Национальное государство в России не исчезало никогда, период же XX в. стал эпизодом возвышения страны на общемировом пространстве. Это стало в том числе возможным благодаря использованию коммунистической доктрины, способной диффундировать в самые основы российского общества.

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент

Ли Мейдцы

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ВЛИЯНИИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Аннотация: в работе приведены точки зрения китайских ученых о последствиях татаро-монгольского ига, его влиянии на формирование черт русского характера. Приведен анализ работ русистов разных научных школ. Сделаны выводы, что татаро-монгольское иго нашло отражение и положительных, и отрицательных качеств русского человека.

Ключевые слова: татаро-монгольское иго, русский характер, китайские исследователи.

Современная глобализация влияет на усиление межкультурной коммуникации. Количество контактов между представителями разных стран и народов увеличивается в геометрической прогрессии. Однако, необходимо, чтобы это взаимодействие носило плодотворный характер, не влекло за собой создание конфликтных ситуаций, формирование предрассудков.

Чтобы понять русский характер, необходимо знать прошлое народа, страницы истории, оказавшие влияние на складывание его менталитета. О влиянии татаро-монгольского ига на историю России написано в отечественной историографии достаточно много. Интересно то, что как видят это влияние китайские ученые. Остановимся на некоторых из них. Такое стало возможным в результате налаживания сотрудничества. И.Н. Ульянова с Аньхойским университетом Китая [1].

Цзинь Хуйсинь, профессор Хэйлунцзянского университета, указывает, что 200 лет правления Золотой Орды простые люди Руси постепенно приняли идеи деспотизма, охотно стали подчиняться стране. Монголо-татарское иго принесло им ужас, после поражений в битвах с монгольской армией русский народ разочаровался в себе. В результате, русские стали считать себя «бедными людьми, народом рабов». Также с возрастанием значимости Московского Княжества, все классы общества должны были абсолютно подчиняться царям, и даже ранее независимые дворяне также стали рабами царей. И с позиции китайского ученого, возникли такие качества русского характера как раболепие, подчинение государству, тирану. В то же время, Цзинь Хуйсинь отмечает, что татаро-монгольское иго повлияло на формирование таких качеств русского человека, как храбрость, способность к самопожертвованию, терпению и стойкости. Три века испытаний развили в русских терпение и стойкость, приходилось учиться переносить бытовые трудности и при этом не падать духом. Еще одну черту русского характера выделяет китайский ученый – мессианизм. Русские свергли татаро-монгольское иго, их чувство национальной гордости выросло. Они стали считать, что именно Русь сдерживала натиск противника, благодаря чему европейский народ был спасён [2].

Ян Цзе, Ли Чуаньсюнь (Шаньдунский педагогический университет) отмечают, что татаро-монгольское завоевание выразилось в формировании таких качеств русского человека как экспансионизм и воинственный дух.

Московское княжество остановило стремление татаро-монгол в Европу, русский народ стал гордиться этой историей. Китайские авторы считают, что русские люди поняли, что можно получить почти все, что они хотели путем войны. За последующие 300 лет с

середины XVI века до 1914 года, площадь территории России увеличилась с 2 миллиона 800 тысяч кв. км до 22 миллионов 800 тысяч кв. км. Русский народ считает за честь войны. С 1368 года до 1895 года за 525 лет, Русь провела 329 лет в войнах [3].

Гуан Иньфэн (Юго-Западный Китая) отмечает, что благодаря татаро-монгольскому игу сформировались такие качества, как единство и патриотизм русского характера [1]. Он согласен с оценкой Н.М. Карамзина, который позитивно оценивал монгольский фактор. С одной стороны, монгольские набеги принесли огромные жертвы и разорение Руси. А с другой стороны, союз с Золотой Ордой прекратил княжеские усобицы и способствовал созданию единого централизованного государства. Монголы не могли допустить обилия мелких князей, которых было бы трудно контролировать.

Таким образом, такие качества русского народа, как раболепие, экспансионизм, хитрость, единство, сильный патриотизм, храбрость, способность к самопожертвованию, терпение, стойкость и мессианизм, рассмотренные китайские исследователи, приписывают влиянию татаро-монгольского ига.

Список литературы

1. Краснова М.Н. Чувашско-китайское сотрудничество (на примере международных контактов между Чувашским государственным университетом и Аньхойским университетом (КНР) / М.Н. Краснова, Линьци Ли // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сб. ст. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. – С. 135–140.

2. 管银凤. 浅析蒙古-鞑靼文化对俄罗斯文化积极影响[J]. 巢湖学院学报, 2005 (Гуан Иньфэн. Положительные влияния монгольской культуры на русскую литературу // Научный журнал Института Чаоху. – 2005).

3. 靳会新. 俄罗斯民族性格形成的历史文化因素俄罗斯民族性格形成的历史文化因素 [J]. 俄罗斯中亚东欧研究, 2011. (Цзинь Хуйсинь. Культурно-исторические факторы формирования русского национального характера // Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. – 2011).

4. 杨洁, 李传勋. 俄罗斯民族性格基质及其表征[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2014. (Ян Цзе, Ли Чуаньсюнь. Субстрат и показатель русского национального характера // Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. – 2014).

Матросов Максим Юрьевич

директор

АУ «Республиканская дирекция культурных программ» Минкультуры Чувашии

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета, член Общественной палаты Чувашской Республики 3-го созыва

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ КЛУБНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШИИ

Аннотация: статья посвящена проблеме сохранения клубно-досуговой деятельности в Чувашской Республике. Выполнение этой задачи требует поиска новых форм работы в условиях проблемы финансирования. Достижение успеха в этом направлении позволит сохранить традиции, накопленные в сфере культуры Чувашии.

Ключевые слова: культура, клубно-досуговая деятельность, народное творчество, национальные традиции.

Культура была и остается одним из важнейших гуманитарных ресурсов в условиях проведения глобальной общественной модернизации. Главным принципом, необходимым для достижения конечной эффективности процесса культурного развития является формирование и соблюдение возможности равного доступа всех граждан страны к художественно-эстетическим ценностям. В этом отношении в Чувашской Республике особое значение сохраняется за клубно-досуговыми учреждениями. В новых условиях осу-

ствление этой формы деятельности имеет определенные объективные трудности. Поэтому организация этой работы в современной ситуации требует постоянного поиска, апробации новых подходов, под которые можно осуществлять адресное программное финансовое обеспечение.

К числу таких новых форм можно отнести, в частности, конкурсное заключение контрактов на выполнение социально значимых программ. Сторонами в таких контрактах выступают конкретные клубные учреждения и органы государственной власти. Подобная практика получила свое развитие с начала 2000-х годов, когда вступила в действие Республиканская целевая программа «Сохранение и развитие культуры, искусства и кинематографии Чувашской Республики на 2001–2003 гг. и на период до 2005 года». По подобной модели в республике позже стали формироваться и районные, городские целевые программы.

В результате органам власти в сфере культуры удалось добиться роста эффективности и более строгого контроля за использованием бюджетных средств. Работу клубно-досуговых учреждений стали оценивать с позиции показателей широко распространенной сейчас системы мониторинга, в акотором учитываются прежде всего эффективность результатов работы, ее востребованность населением, актуальность в конкретных временных и территориальных условиях.

В республике активно внедряются новые типы социально-культурных учреждений, такая работа в частности, проводится в Чебоксарском, Шемуршинском, Моргушском районах. Наиболее успешной в этом отношении остается деятельность Чувашского республиканского Дома народного творчества. Он был впервые создан еще в 1936 г. Постановлением Совета народных комиссаров Чувашской Автономной Республики. В период 1979–2004 гг. это учреждение имело несколько иной статус – Чувашский республиканский научно-методический центр народного творчества. Сейчас Дом народного творчества фактически является главным координатором работы в культурной сфере при решении конкретных задач развития коллективов народного творчества.

В разные годы Домом народного творчества руководили яркие деятели культуры нашей республики – Г.Г. Лисков, В.Т. Ржанов, Т.И. Фандеев, А.М. Михайлов, В.Я. Чернов, Л.П. Никитина,

В.С. Бондарев, А.Н. Сергеев. В числе его сотрудников можно встпетить писателей, музыкантов, художников, театральных деятелей, журналистов. Весь период 1990–2000-х гг. ДНТ выступал в качестве одного из основных организаторов праздников, выставок, фестивалей, смотров различного уровня, от республиканских до международных. Еще в 30-е годы XX в. именно ДНТ стал организатором такой интересенной и актуальной в те годы формы работы как певческие олимпиады.

Неотъемлемой частью современной клубно-досуговой деятельности стало ежегодное проведение праздника Акатуй («Свадьба плуга и пашни»), фольклорных праздников «Емерсен эрешесем» («Узоры веков»), праздников народного танца «Ташша яра-пар!» («Задорный каблучок»), фестивалей народных театров «Ахрам» («Эхо») и др.

Не менее важным направлением работы является постонное стемление к развитию детского творчества. Для этой цели в республике проводятся праздники «Черчен чечексем» («Цветы Чувашии») и «Печек сес путене» («Перепелочка»).

Очень значимой задачей является сохранение позитивных традиций на местах, в районах, городах сельских поселениях республики. Ряд местных творческих коллективов заработал свою добрую славу еще в 20–30-е годы XX в. Среди них такие как Байдеряковский народный хор Яльчикского, Сугутский народный хор Батыревского, Октябрьский народный ансамбль песни и танца Мариинско-Посадского, Орининский народный театр Моргаушского, Синьяльский народный театр Чебоксарского районов.

Ряд коллективов продолжают успешно работать и сегодня. Это Батыревский народный ансамбль песни и танца, Шемуршинский народный мужской хор, Орининский народный ансамбль песни и танца Моргаушского района. Аликовский народный театр, Вурманкасинский народный ансамбль песни и танца Цивильского района, художественные коллективы из спмих Чебоксар – народный ансамбль танца «Сувар», народный фольклорный ансамбль «Уяв» и другие.

Таким образом, даже в современных сложных условиях в республике удалось сохранить сеть клубно-досуговых учреждений, включая клубы, дома и дворцы культуры. При этом большинство из них – сельские учреждения.

Мирошниченко Алина Андреевна

студентка

Филиппова Анастасия Андреевна

студентка

Елисеева Виктория Викторовна

студентка

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»

г. Армавир, Краснодарский край

НОВЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Аннотация: в данной статье авторами представлен материал, который раскрывает вопрос сущности советского образования в определенный период развития государства.

Ключевые слова: образование, школы, советский период.

В 70-е годы в жизни советского общества величайшим событием было введение всеобщего обязательного среднего образования.

Грандиозная по своим масштабам эта историческая задача, продиктованная потребностями динамично развивающегося общества и личными интересами его граждан. Целью было продемонстрировать всему обществу настоящие способности сформированного социализма. Были определены меры по укреплению материально-технической базы общеобразовательной школы (строительство новых улучшенных зданий, разработка и выпуск новых учебных пособий и оборудования для школьных кабинетов и мастерских, необходимого спортивного инвентаря и т. п.). Так же были установлены учебные заведения, которые давали полное среднее образование, учитывая, что многие выпускники восьмилетней обязательной школы продолжают образование в системе профессионально-технического и среднего специального образования, по собственному желанию.

Произизошла определенная модификация учебно-воспитательного процесса: систематические курсы основ наук стали изучаться раньше, с IV, а не с V класса; были введены факультативные курсы по отдельным учебным предметам, выбираемые по желанию учащихся и их интересам.

В старших классах некоторых учебных заведений было введено дифференцированное обучение: углубленное изучение в соответствующих отделениях школы отдельных предметов: физики, математики (позже химии), биологии, гуманитарных дисциплин.

В хорошо оснащенных сельских школах, тесно связанных с совхозами и колхозами, учащиеся старших классов изучали автодело, трактор, комбайн и другие сельскохозяйственные машины. Благодаря усиленному интересу к воспитывающей функции общеобразовательной школы в штаты школьных работников введена должность педагога-организатора внеклассной и внешкольной работы. В связи с этими изменениями в 1970 году был принят новый Устав средней общеобразовательной школы.

Была решена проблема получения полного среднего образования в сочетании с профессиональной подготовкой молодежи к труду в народном хозяйстве страны.

В 1971 году была поставлена задача – перейти к более высокому этапу всеобщего обязательного среднего образования молодежи в стране. XXIV съезд КПСС требовал высококачественно усовершенствовать опеку о растущем поколении, повысить материальную поддержку; создать общеобразовательные средние учебные заведения на 6 миллионов мест; повысить уровень пришкольных интернатов в сельской местности.

В связи с этим предоставлялись предписания увеличить сеть внешкольных органов. В июне 1972 года было составлено распоряжение «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы». Это распоряжение огласило результаты продолжительной и интенсивной деятельности партии, Советского государства, сотрудников средних учебных заведений и показало пути улучшения и усовершенствования учебно-воспитательского процесса в абсолютно всех типах учебных заведений, осуществляющих всеобщее среднее образование.

Решения XXV съезда КПСС приобрели последующую конкретизацию. С 22 декабря 1977 года «О последующем совершенствовании преподавания, обучения обучающихся общеобразовательных средних учебных заведений и подготовки их к труду» подчеркивается потребность «достигать, для того чтобы приобретенные в школе познания стали крепкой базой миропонимания молодого поколения». Советские общеобразовательные учебные заведения должны были поспособствовать обучающимся освоить фундаментальные познания, для того чтобы в перспективе благополучно работать в общенародном хозяйстве. Постановление еще раз подчеркнуло важность осуществления

единства обучения и воспитания, тесной взаимосвязи умственного, трудового и нравственного воспитания. Оно требовало преподавательские коллективы подготавливать выпускников к осознанному подбору специальности, в том числе и в области материального производства, что говорит о потребности формирования у обучающихся способностей независимой деятельности.

Таким образом, концепция общенародного образования в советский период обогатилась новейшими видами воспитательно-просветительных учреждений. Все это способствовало решению задач в области воспитания и образования в период развитого социализма.

Мяжков Герман Пантелеймонович

д-р ист. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

Недашковская Надежда Игоревна

канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ТРУДАХ ПЕРВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СЛАВИСТОВ РОССИИ: ТРАНСФЕР ИДЕЙ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация: в работе предпринимается попытка прочтения методологических идей основателей российской университетской славистики в контексте развития идей нации в первой половине XIX в. Проанализированы основные пути создания единой для европейской науки фундаментальной базы источников по славистике. Изучение историографического контекста позволило выделить основные черты методологии первого поколения университетских славистов, вскрыть идеологемы, сконструированные ими при работе с памятниками древности.

Ключевые слова: славистика, славянская археология, нация, национализм.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16–24–49004.

Славистика формировалась в Европе и России в первой трети XIX в. как часть проектов Национального возрождения славян в

русле развития идей строительства национальных государств [3]. Славистика являлась одним из инструментов культурного проектирования нации [15]. Известно, что профессионализация славистики в России была инициирована крупными государственными чиновниками-аристократами и поддерживалась в дальнейшем при помощи механизмов высокого патронажа [1; 6]. Однако осуществление масштабных культурных проектов было бы невозможно без первых антиквариев – рядовых тружеников науки, создавших ее источниковую базу практически с чистого листа. Антиквариимели собственные интенции к этому труду, изучение истории, археологии, языков и культуры славян позволяло найти пути построения персональной национальной идентичности, так как многие из них были представителями западных и южных славян, прибалтийских народов, немцев в Российской империи [7, с. 284]; последние две этнические группы способствовали формированию и других отраслей российской науки [16]. Одновременно с созданием источниковой базы шло обсуждение методологии славистики, был изобретен предмет новой науки «славянский мир», заявлен дисциплинарный синтез (славистика – комплекс наук о славянском мире), обсуждались цели, задачи и границы взаимодействия славистики с социальными контекстами (властью, обществом). На современном этапе в связи с новыми вызовами мультикультурного мира [10, с. 14–15] методологический кризис славистики достиг своей вершины. Ретроспективный анализ этих процессов позволяет деконструировать идеологические практики славистов, создававших на протяжении двух столетий «практический национализм» в культурной сфере и широком социальном контексте.

Осуществляется анализ процессов институционализации славистики в странах, где она впервые появляется в XIX в. и становится одной из значимых для власти университетских дисциплин. Изучение древностей – значительная часть комплекса славистических дисциплин, а также важная стратегия социальной легитимации всей славистики с самого начала становления. Деконструкция или прочтение идеологом двухсотлетней давности через изучение практик и инструментария славистики позволит объяснить причины ее нынешней «консервации», превращения в науку, хранящую образы знания о предмете, сконструированные романтизмом и позитивизмом. Своеобразный «разрыв дискурса» (Фуко, 1994),

постигший современную славистику, одновременно является уникальной для настоящего момента возможностью демистифицировать историографию науки, содержание ее первоначальных проектов и неиспользованный современной цивилизацией эпистемологический потенциал отдельных дисциплин, давших славистике свой инструментарий.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Европе и России был запущен целый ряд интеллектуальных проектов Национального возрождения европейских народов [5; 15]. Эти проекты опирались на идеи немецкого романтизма, прежде всего И.Г. Гердера и порожденной им философии языка [2], на основе которых была создана модель национального строительства «язык – нация – государство». Одной из основных задач этих проектов было конструирование славянского мира как аналитической категории. В ходе конструирования средствами целого комплекса наук (языкознания, истории, этнографии, литературоведения и др.) между культурами славянских народов устанавливалась связь, основанная на интерпретации имеющихся фактов данных культур. Концепция народа/нации, основанная на языковом единстве, легла в основу науки о славянском мире, продиктовала структуру, целеполагание ее исследований.

При формировании славяноведения такие методологически обоснованные дисциплины как литературоведение, языкознание, история, археология, этнография и пр. включались в систему искусственно созданной лингвоцентрической науки. Прояснить механизм соподчинения дисциплин в славистическом комплексе позволяет анализ функционирования самостоятельных нарративов, повторяющихся в обобщающих трудах различных поколений славистов. Один из наиболее ярких подобных нарративов – «славянские древности» в историях славянских литератур.

В научных текстах первых десятилетий существования славистики можно выделить ряд ключевых идеологем. Это: 1) «национальность» (вопрос о происхождении) церковнославянского языка; 2) роль и место славян во всемирной истории; 3) современная история славян, их войны за независимость [8, с. 369–370]. Они позволяли первым славистам структурировать комплексный ответ всего славяноведения на вопрос о существовании «славянской взаимности», а также доказательство, что воображаемый предмет – «славянский мир» – действительно существует.

Будучи взаимосвязанными, описанные идеологемы формировали в текстах некую систему. В ее основе – языковые исследования, создающие методологический стержень комплексных исследований славянского мира. Утверждение значимости славянства в истории христианского мира обеспечивает воображаемому объекту наличие прошлого, осмысление роли войн за независимость позволяло наделить его настоящим и прогнозировать «большое» будущее. При этом не только последняя (военная) тема, но и две других выполняли заведомо дискommunikативную функцию разделения Европы на «свое» и «чужое». В целом происходило «означивание» – придание смысла осуществляемому интеллектуалами созданию славянской идентичности.

Таким образом, конструирование славянской идентичности выстраивалось прежде всего по принципу языкового, затем – исторического, культурного и, наконец, – территориального единства. Первой задачей стало «воссоздание» национальных языков славянских народов, утверждение их самобытности через отторжение «чужого», поиски древнего праязыка, создание национальных славянских орфографий и всеславянских грамматик с целью языкового объединения славянских «племен» [17; 18]. Показательно, что исследования по истории славянских языков и их диалектов появляются хронологически раньше исторических, этнографических и литературоведческих трудов в творчестве большинства славистов. В формирующихся университетских программах первое место также отводится преподаванию «славянских» наречий [12; 11]. Понимание языка как явления, доказывающего историческую идентичность его носителей, заложило основы отграничения славянского мира и на других уровнях единства.

«Вторичное» оформление категории «славянский мир» осуществлялось при исследовании нарратива «славянские древности», раскрываемый в трудах, посвященных славянским литературам и истории. Он включал в себя вопросы о происхождении славян и их историческом единстве, зрелости славянских культур, их роли в мировой истории, особой миссии в прошлом и будущем Европы. Установка на отторжение от «чужих» европейских культур задавалась уже в теоретических введениях к исследованиям. Первое поколение славистов, выстраивая нарратив «славянские древности»,

сделало его структурообразующим стержнем истории славянских литератур.

В рамках самого нарратива можно выделить два основных направления размышлений. Для чешских ученых характерен преимущественно ретроспективный, для российских – перспективный взгляд. По мнению первых, славянство в прошлом уже имело значение «всемирности», которое необходимо возродить, очистив культуру от иноплеменных влияний. Культурное взаимодействие означало здесь постепенное растворение в стихии «чужого». Так, Павел-Иосиф Шафарик (1795–1861) в «Славянских древностях» ставит задачу доказать в противоположность немецким историкам «старобытность славян в Европе» [13, с. 289]. В 1826 г. П.И. Шафарик создает «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» («История славянского языка и литературы по всем наречиям») – историю литературы и языка всех славянских народов в целом. Это сочинение, подчеркнет впоследствии В.И. Ягич, «представляет первый, в обширных размерах достаточно стройно разработанный опыт воплотить в области истории славянских литератур дух общеславянских исследований Добровского» [14, с. 271]. В «Истории» Шафарик представил обширный библиографический обзор литературного процесса в славянских землях, обосновав сравнительный принцип, основанный на утверждении значимости славянского прошлого в европейской истории, перечислении признаков национального характера, высокого уровня развития ремесел, искусств, быта, позволил объединить литературы разных славянских «племен» единой периодизацией и системой оценок.

В.И. Григорович (1815–1873), представитель первого поколения университетских славистов России, основоположник казанской школы славяноведения, в своей магистерской диссертации «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (1843) [4], получившей огромный резонанс в надинституциональном научном пространстве славистики, дал первый образец сравнительно-исторического изучения славянских литератур. Хотя тема исследования была ограничена историей литератур, В.И. Григорович начинает свой труд с утверждения: «Род Словенский также древен в Европе, как и германский» [4, с. 3]. Для него славяне – на

пути к всемирности, а Россия – «собирательница» славянских племен [4, с. 6]. Казанский славист утверждал не отличие, а тождество «главной идеи» славян с другими европейскими племенами, данной им христианством: «С сознанием Христианисма начинается... история <славян> по отношению к человечеству» [4, с. 8].

Соответственно различными оказываются и оценки двумя исследователями отношения европейских и славянских народов к «народам-основателям». Для западных славистов было важно утвердить влияние и преемственность со стороны культурно, территориально и исторически удаленных латинского, греческого и санскрита, которые воспринимаются как знак равноправия славян с другими европейцами. Для Григоровича опосредованные взаимосвязи с античным миром являются одной из особенностей, формирующих путь славян в мировую историю. Различие путей германских и славянских обусловлено «особенным характером племен, определяемых местностью и отношениями, непосредственными и посредственными к древнему миру» [4, с. 9]. Славяне в концепции Григоровича вписаны в европейскую историю и наделены своей особой миссией в ней, тогда как по мысли пражских ученых славянство оформляется через противопоставление другим европейским народам. Подход Григоровича позволил ему решить и более частные проблемы изучения славянских культур, благодаря чему Григорович остается автором единственной до наших дней истории славянских литератур, построенной на принципе их типологического родства и включенности в европейский литературный процесс.

Тезис о существовании славянского единства начинает работать как обоснование необходимости сравнительно-исторического изучения не только славянских языков, но и литератур, истории, этнографии, и на такой основе утверждается адекватность методологического синтеза в славистике.

Задача дисциплин, составляющих славяноведение, по Григоровичу, – исследовать, «каким образом в нравственном мире сознание народов Словенских постепенно определяло себя: как оно достигало и достигает в своем развитии всемирного значения...». Эта задача продиктовала необходимость «доискиваться связи между явлениями» [4, с. 6]. Так закладывалась основа более четкой системы будущих междисциплинарных исследований. Концептуальным

стержнем, вокруг которого должно было строиться дальнейшее изучение составляющих славянской культуры, для Григоровича становится славянское Просвещение как единство фактов языка, истории, культуры. В результате славяне должны были быть вписаны и в контекст всемирной истории.

Ученый нашел возможным рассматривать всю историю литературы восточных, южных и западных славян с позиций единой периодизации, в рамках которой была сделана попытка подтвердить тезис о типологическом единстве развития культур славянских народов фактами истории литературы [4]. Показательно, что после публикации «Опыта изложения литературы словен...» Григорович отправляется в путешествие по славянским землям (1844–1847), исследовательский подход на данном этапе представляется ему относительно сложившимся, а объект исследования – определенным.

Как видим, В.И. Григорович, развивая идеи предшественников, предпринял попытку выстроить модель методологического синтеза, при котором славянские культуры в их историческом развитии становятся единым текстом, прочитываемым славяноведением с помощью инструментария целого ряда гуманитарных наук. Эта модель могла стать научной основой комплексных исследований славянского мира. Однако история показала, что славяноведение по этому пути не пошло, избрав стратегию накопления фактов и последующей все большей специализации. Это развело в методологическом плане следующие поколения славяноведов с самым первоначальным проектом науки. Славяноведческий комплекс сохранился лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес и позволяющей оставаться внутри процесса нациестроительства.

Нарратив «славянские древности» оказывается в историко-литературных трудах славистов историософским по своей природе. В этом – разгадка его жизнестойкости и востребованности на протяжении столетий до сегодняшнего дня. И при всей противоречивости взглядов различных поколений и «партий» славистов именно он становится фундаментом, на котором выстраивается методология сравнительных исследований за пределами языкознания. Последующая специализация развела истории отдельных дисциплин внутри славистики, а без учета первоначального проекта этой

науки в наши дни происходит утрата ее предмета и метода [9, с. 308]. Исследование значительных и повторяющихся в различных трудах нарративов позволяет реконструировать не столько ход развития общественной мысли в этой сфере, сколько методологические поиски славистов как в рамках отдельных дисциплин, так и в пределах славяноведческого комплекса.

Список литературы

1. Бекасова А.В. «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // Вопросы истории естествознания и техники. (1995). – №1. – С. 24–39.

2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

3. Гланц Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. – 2007. – №6. – С. 40–51.

4. Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. – Казань: Тип. Каз. ун-та, 1843. – 110 с.

5. Майорова О. Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // Новое литературное обозрение. – 2001. – №51. – С. 89–110.

6. Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 750 с.

7. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 316 с.

8. Мягков Г.П. Всеобщая история и славистика в России XIX века: к проблеме взаимодействия дискурсов / Г.П. Мягков, Н.И. Недашковская // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: Статьи и материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 369–379.

9. Мягков Г.П. Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) / Г.П. Мягков, Н.И. Недашковская // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 292–312.

10. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 39. Специальный выпуск. Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 9–19.

11. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. – 785 с.

12. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1850. – 210 с.

13. Шафарик П.И. Славянские Древности. Т. 1. Кн. 1 / Перевод с чешского О. Бодянского. – М.: Изд. М.П. Погодиным, 1837. – 319 с.

14. Ягич И.В. История славянской филологии: к изучению дисциплины. Репринтное издание 1910 г. – М.: Индрик, 2003. – 976 с.

15. Macura V. Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ. – Praha: Československý spisovatel, 1983. – 540 s.

16. Nedashkovsky L.F. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas // Acta Archaeologica. – 2012. – V. 83. – №1. – P. 225–255.

17. Palacky F. Geschichte von Bohmen, grossten Theils nach Urkunden und Handschriften. – Prag: In commission bei Kronberger und Weber, 1836–1867. – 5 v.

18. Safarik P.J., Palacky F. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. – Prag: Kronberger & Riwnac, 1840. – 234 s.

Терентьев Вячеслав Олегович

канд. ист. наук, заведующий музеем

ФГБОУ ВО «Государственный университет морского

и речного флота им. адмирала С.О. Макарова»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.21661/r-115624

ИЗ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ КОМАНДИРА 199-го ПЕХОТНОГО КРОНШТАДТСКОГО ПОЛКА ХРИСТИАНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА

***Аннотация:** работа посвящена одному из командиров 199-го пехотного полка, погибшему в начале Первой мировой войны. В статье представлено жизнеописание Александра Григорьевича Христиани.*

***Ключевые слова:** 199-й пехотный Кронштадтский полк, А.Г. Христиани, Академия Генерального штаба.*

Род Христиани был известен в России с 1780 г. и внесен в 2-ю часть родословной книги Курской губернии. Александр – внук Василия Христиановича (1798–1857), генерал-контролера департамента военных отчетов, члена Совета Николаевской Академии Генерального штаба; сын Григория Васильевича (1827–?), генерал-майора, и брат Григория Григорьевича, генерал-лейтенанта, профессора Николаевской Академии Генерального штаба (1863–1922). Он родился 22 октября 1871 года. Православный. Образование получил во 2-й Санкт-Петербургской гимназии Императора Александра I-го. 20 сентября 1890 года поступил во 2-е военное Константиновское училище, которое окончил по 1-му разряду в 1892 году. По стопам отца и старшего

брата, выпущен в лейб-гвардии Егерский полк с присвоением звания подпоручика гвардии 22 июня 1892 года.

5 августа 1895 года получил чин поручика и поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба. В 1898 году закончил ее по 1-му разряду, с малой серебряной медалью. По выпуску присвоено звание штабс-капитана гвардии. После окончания Академии состоял при штабе Петербургского военного округа. В 1899 году за государственную службу был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Высочайшим приказом от 3 апреля 1900 г. причислен к Академии Генерального штаба и переименован в капитаны Генерального штаба со старшинством от 17 мая 1898 года.

С апреля по ноябрь 1900 года служил старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Цензовое командование ротой отбывал в своем лейб-гвардии Егерском полку с 29 октября 1900 по 10 ноября 1901 года. Старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса с ноября 1900 по февраль 1902 года. 1902-й год стал карьерным для капитана Генерального штаба Христиани. 7 февраля он был назначен обер-офицером для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа. А 4 июня того же года там же был назначен исполняющим должность штаб-офицера. Одновременно за усердие и отличие на государственной службе был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 3 ноября 1902 года он стал штаб-офицером для особых поручений при штабе Гвардейского корпуса с присвоением звания подполковника старшинством от 6 декабря 1902 г. В этой должности Христиани прослужил до 26 февраля 1908 года.

В 1905 году за государственную службу он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. С мая по сентябрь 1906 года подполковник Генерального штаба Христиани отбывал цензовое командование батальоном в лейб-гвардии Стрелковом полку. По истечении 5 лет службы подполковником и имеющему цензовое командование, 6 декабря 1907 года Александру Григорьевичу присвоено звание полковника.

26 февраля 1908 года вступил в должность начальника штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, в коей прослужил до 31 июля 1913 года. 6 декабря 1910 года за отличие на государственной службе, после Владимирского лагерного сбора, был награжден орденом Св. Анны 2-й степени [4, с. 377]. С мая по июль 1912 года был прикомандирован к артиллерии (на артиллерийские сборы гвардейского корпуса) для ознакомления с техникой.

31 июля 1913 года для прохождения ценза командования частью, назначен командиром 199-го пехотного Кронштадтского полка, дислоцированного в Кронштадте. 6 декабря 1913 года за службу Его Императорскому Величеству пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени [5, с. 313].

Блестящий офицер гвардии и Генерального штаба, успешный карьерист и аккуратный штабной специалист, отбывавший цензовое командование полком для перехода на следующую ступень военной карьеры, был застигнут мобилизацией и разразившейся Великой войной.

В ходе войны полковник Генерального штаба А.Г. Христиани проявил себя как грамотный и активный командир. Под его руководством 199-й полк был отобилизован и в сентябре 1914 года переброшен по железной дороге под Варшаву. После разгрузки полк первым из всей 50-й дивизии был подготовлен к боевым действиям и назначен в авангард 1-го Сибирского корпуса. Вскоре полк был успешно введен в прорыв 79-й пехотной дивизии у г. Брохова. В октябре 1914 года полк в составе 5-го Сибирского корпуса уверенно продвигался вдоль Вислы на Влоцлавек, громя ландверные батальоны германцев и отражая кавалерийские атаки. 24 октября Кронштадтский полк под руководством полковника Христиани вошел в Влоцлавек, преодолев с боями свыше 150 верст. Однако, подготовленное немецким Генштабом наступление от Нижней Вислы на Лодзь, призванное окружить русские войска в Польше, началось именно на участке 5-го Сибирского корпуса. В конце октября – начале ноября 1914 года многократно превосходящие силы противника атаковали позиции кронштадтцев. В первом же, критическом для 50-й дивизии бою, 199-й полк своим огнем и маневром спас отходящие под натиском врага 197-й и 200-й полки. На следующий день, 31 октября, 199-й полк в качестве арьергарда прикрывал отход остальных частей дивизии. Вскоре, при перестроении в оборонительную линию, русская дивизия была атакована немецким резервным корпусом [1, с. 33–43; 2, с. 30–34; 3, с. 62–77].

Полковник Генерального штаба, кавалер орденов Св. Станислава, Св. Анны и Св. Владимира, Александр Григорьевич Христиани, показал себя храбрым, отважным воином. Командуя полком в бою 1 ноября 1914 года, он до конца выполнил свой долг перед Родиной. Находясь на позиции полка, под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника, личной храбростью ободрял солдат полка. Вскоре он был ранен в руку, но остался в строю и продолжал руководить боем, а затем лично повел полк в контратаку против наседавшего противника, подавая нижним чинам полка пример отваги и мужества. В ходе

контратаки 199-й полк штыковой атакой отбросил противника, заставив его временно перейти к обороне. В этой штыковой атаке командир полка, полковник Генерального штаба А.Г. Христиани был вторично тяжело ранен и скончался на поле боя. Похоронен в Павловске 8 ноября 1914 года.

По удостоению Местной Думы, из лиц, имеющих Георгиевское Оружие, он посмертно был пожалован Георгиевским оружием (Высочайший Приказ от 18 марта 1915 года) [6].

Список литературы

1. Варшавско-Ивангородская операция: Сборник документов. – М., 1938.
2. Корольков, Г.К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. – М., 1934.
3. Нелипович С.Г. Бои в пригородах Варшавы в октябре 1914 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2005.
4. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1913 г. – СПб.: Военная Типография, 1913.
5. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.
6. Разведчик. – №1279. – 1915.

Терентьева Наталья Матвеевна

директор школьного музея «Дом русского быта»,
Заслуженный учитель РФ
ГБОУ Псковской области «Пушкиногорская
санаторная школа-интернат»
п. Пушкинские Горы, Псковская область

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БАКИНО

Аннотация: в работе представлены результаты полевого исследования одного из утраченных археологических объектов Псковской области – городища Бакино. Историко-археологический комплекс Бакино – один из региональных центров племенного объединения кривичей и Псковской земли.

Ключевые слова: городище, Бакино, Пушкиногорский район, Псковская область, кривичи.

В Пушкиногорской санаторной школе-интернате в 2005 г. под руководством директора, заслуженного учителя РФ, Н.М. Терентьевой, было создано творческое объединение «Наследие», члены ко-

того проводят обширную исследовательскую работу по изучению истории родного края. Одним из объектов исследования стало городище деревни Бакино.

Изучение и документирование Бакинского историко-археологического комплекса стало необходимым в следствие ускоренного разрушения объекта карьером и застройкой, а также угасанием легендарно-этнографических особенностей микрорегиона. При исследовании использовались различные методы: историографический, литературно-этнографический, интервьюирования, документирования, экстраполяции, сравнительного анализа и обобщения.

Историко-археологический комплекс Бакино расположен в Полянском волости Пушкиногорского района Псковской области.

Согласно Кадастру «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области» в Бакино поставлены под местную охрану только лишь 3 каменных креста XIV–XVII вв., находившиеся в 500 м. к юго-востоку от деревни, по обе стороны дороги д. Бакино – д. Богданово [2, с. 406]. В связи с тем, что информация об историко-археологическом комплексе в документах и других источниках практически отсутствует, были организованы поисковые экспедиции к объекту. Во время экспедиционно-поисковой деятельности был исследован холм, именуемый местными жителями «городище» на предмет наличия артефактов, искусственных сооружений и их остатков; обследовано селище, расположенное вблизи городища; произведена фото- и видеосъемка; начерчен план местности, собраны данные для определения экстраполированного профиля местности, основных высот комплекса; проведены этнографические изыскания в деревне Бакино; обнаружены и исследованы курганы; составлена карта археологических памятников на основе этнографических и полевых изысканий.

Бакинский комплекс расположен на левом берегу реки Шесть в трех километрах к северо-востоку от известного Полянского погоста. Окрестный ландшафт практически равнинный. Правый берег реки Шесть довольно сильно заболочен и необитаем. Западный берег, на котором находится наш объект, издревне был густо населен. В радиусе 3 км. в начале XX века здесь существовало 12 деревень, в т. ч. 4 крупных села. С давних времен здесь проходили важные

торговые пути и дороги, в частности, через Бакино пролегалла важнейшая дорога от Полян на Заклинье (второй административный центр в составе Вороничского уезда) [3]. На окраине деревни Бакино в старину стояла огромная гора, именуемая Городище. Она господствовала над местностью. По сообщению местных жителей, гора была скрыта в 60-е годы для постройки дороги Бакино-Позолотино. Сейчас здесь остатки карьера. Напротив существовала Красная горка, чуть меньшая по размерам. Она в настоящее время также значительно повреждена карьером. Остатки горы Городище представляют собой сегмент окружности между азимутами 160° и 270°. На указанном участке длиной около 300 метров находится три высоких холма, северная часть которых скрыта карьером. На остатках этих холмов можно предположить, что они являются юго-западными склонами большой горы, существующей здесь ранее. Экстраполирование склонов с использованием топографического анализа крупномасштабных карт РККА и Российской империи выяснены диаметр (около 250 метров) и относительная высота городища (13–15 м). Площадь объекта составляет 0,8–1,1 га. Обнаружены остатки внешнего вала и рва. Близ городища находятся селище и два кургана. Эти данные сопоставимы с характеристиками одного из ранних (IX–XIII вв.) городищ Святогорья – Савкиной горкой.

С городищем Бакино связан ряд местных легенд. По одной из них здесь стояла церковь, которая во время вражеского нашествия при штурме со всеми защитниками ушла под землю. На ее месте сохранился глубокий 6-метровый провал, круглый в плане, диаметром 20 метров, овеянный мифами и легендами. К настоящему времени оттуда извлечено несколько больших плоских каменных плит. Существует предположение о том, что церковь была посвящена Св. Ильи. Подтверждением данной гипотезы могут служить церковные ведомости и метрики. На 1900 год из всех деревень Покровского Полянского прихода 37 почитали своим престольным праздником Покров, а 41 – Илью. Придел Покровской Полянкой (волостной) церкви стоящей в 3 километрах от Бакино, именовался Ильинским. До революции в церкви находилась очень древняя храмовая икона Святого Ильи, особо почитаемая местными жителями и имеющая легендарное происхождение из Бакинской церкви [1].

Каменные кресты, являющиеся единственным материальным подтверждением существования здесь культового объекта, экспедициями 2006–2010 гг. не обнаружены. По сообщению местных жителей, при строительстве карьера кресты были унесены местным краеведом А.П. Васильевым. Один из них находится у дома Васильева. Физических признаков наличия церкви или кладбища в рассматриваемом районе не обнаружено. Но сообщения местных жителей говорят о том, что при вывозе песка и гравия из карьера в большом количестве встречались человеческие кости.

Рассмотренные признаки говорят о существовании на месте нынешнего карьера искусственного оборонительного сооружения класса Савкиной Горки, конца 1-го тысячелетия н.э. Для городищ-убежищ этого периода в Псковской области весьма характерным является расположение в труднодоступных местах. Городище Бакино возвышалось среди низменной болотистой местности с подходом по узкому перешейку. Как правило, городища-убежища обладали мощной фортификационной системой из валов и рвов. Элементы системы укреплений (наличие вала, рва, эскарпа на склоне и т. д.) присутствуют и на остатках городища Бакино. Ряд фактов подтверждает так же наличие храма с прилегающим погостом.

В ходе полевого исследования обнаружено и учтено в комплексе несколько археологических и историко-культурных памятников, среди которых не только городище, но и неукрепленное поселение в его окрестностях (селище), культовое место «Красная горка» (святилище), курганные могильники (две словенские сопки), культовые камни (пророческий Ильин камень («Перун»)) и родник (святой источник). Неподалеку, в верховьях реки Шесть отмечено большое скопление курганов [4]. В 2,5 км. юго-восточнее Бакинского городища существует Быковский курган. В нижнем течении реки Шесть также имеется ряд одиночных курганов. Обнаруженная группа курганов может являться связывающим звеном в среднем течении реки Шесть.

Историко-археологический комплекс Бакино представляет значительную историческую ценность как один из региональных центров племенного объединения кривичей и Псковской земли.

Список литературы

1. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 485, 521, 686. Клировые ведомости Полянской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1801, 1900, 1914 гг.
2. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты». – Псков, 1997.
3. Псков и его пригороды (1585–1587). (355 Писцовая книга РГАДА Григория Мещанинова-Морозова и Ивана Дровнина за 1587 г.) // Сб. МАМЮ. Т. 5. – СПб., 1913.
4. Седов В.В. Длинные курганы кривичей // Археология СССР. Вып. Е1–8. – М.: Наука, 1974.

Тушканов Игорь Валентинович

канд. ист. наук, канд. юрид. наук,
доцент, начальник управления
Высшая школа государственного управления
Волгоградского института управления (филиала)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

**ВЫРАЩИВАНИЕ ПШЕНИЦЫ
КАК СЕГМЕНТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 1870–1890-х ГОДАХ**

Аннотация: в статье на основе анализа как опубликованных, так и архивных статистических материалов проведен анализ производства пшеницы в частных предпринимательских хозяйствах Саратовской губернии пореформенного периода.

Ключевые слова: пшеница, Саратовская губерния, севооборот, сельскохозяйственное предпринимательство.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-11-34001.

В Саратовской губернии второй половины XIX в. большая часть посевных площадей относилась к суглинистым и супесчаным видам чернозема с песчаной, известковой или каменистой подпочвой, что характерно для среднечерноземной полосы Поволжья. Этот тип почвы (особенно суглинистый чернозем) наилучшим образом подходит для выращивания твердых и сильных сортов пшеницы, всегда высоко ценившихся на зерновом рынке. Поэтому вполне

естественно, что сельскохозяйственные предприниматели (к ним относились, прежде всего, частные землевладельцы губернии, поскольку севооборот и культуру на надельных землях крестьян определял соответствующий общинный сход) отдавали пшенице значительную долю в своем производстве. Более того, высокоотварная пшеница постепенно вытесняла другие зерновые культуры (прежде всего, ранее популярную рожь) из структуры посевов в предпринимательских хозяйствах губернии.

Как свидетельствует статистика, процесс замещения культур начался еще в 1870-х годах, но значительно ускорился в 80-е годы XIX в. В период между 1881 г. и 1892 г. доля пшеницы в распределении посевной площади у сельхозпредпринимателей губернии возросла с 14,2% до 23,5%. При этом доля других зерновых (ржи, овса, проса, ячменя, гречихи) в сумме сократилась с 69,6% до 63,9%, то есть пшеница потеснила даже технические культуры, например, лен и коноплю (подсчитано по [10, с. 48–49]). Изменяя структуру посевов в своих хозяйствах сельские предприниматели Саратовской губернии адекватно реагировали на рыночную конъюнктуру, стремясь получить максимум прибыли со своей земли. В результате малорентабельные (хотя и традиционные) культуры уступают свое место пшенице.

Надо отметить, что этот процесс не был хаотичным «следованию моде», а шел с учетом природно-климатических особенностей каждого уезда. К концу XIX в. в Саратовской губернии четко выделялись три района с преобладанием той или иной культуры. В Кузнецком, Петровском и Сердобском уездах расположенным в северной части выращивали, в основном, озимую рожь. В центральной части (Вольский, Саратовский и Хвалынский уезды, а также западные части Аткарского и Балашовского уездов) главными культурами были рожь, пшеница и подсолнечник. Яровая пшеница доминировала на юге региона (юго-восточные части Аткарского, Балашовского, Вольского, Саратовского и Хвалынского и уездов; Камышинский и Царицынский уезды) [5, с. 20].

Рассматриваемая территория являлась зоной так называемого «рискованного земледелия» (высок был риск слабых урожаев, когда полученные доходы не обеспечивали рентабельность хозяйства), что ставило перед сельскими предпринимателями задачу по-

вышения культуры земледелия, ведения более эффективного хозяйства. Необходимость удобрения почвы, мелиорации земель и развития многополья видели и местное общество, и соответствующие государственные структуры [8, л. 356, 547]. На первом этапе пореформенного развития (1860–1870-е годы), когда бывшие крепостнические имения перестраивались в предпринимательские хозяйства, только начинался переход от залежного к трехпольному севообороту. Как отмечал выдающийся экономист-аграрник А.И. Васильчиков: «Весь этот юго-восточный край черноземной полосы находится ныне в переходном положении от залежной системы полеводства к трехпольной» [1, с. 534]. На втором этапе (1880–1890-е годы) сельские предприниматели Саратовской губернии стали применять еще более прогрессивные системы севооборота. Например, землевладелец Кузнецкого уезда П.С. Иконников до 1894 г. практиковал трехполье, а затем перешел к двенадцатипольному обороту пашни: пар – рожь – картофель – пшеница – травы – травы – пар – рожь – картофель или свекла – пар – рожь – овес [7, с. 27], в котором рожь всегда озимая. В крупной экономии графов Орловых-Денисовых Вольского уезда «Шиханы» с 1891 г. стал использоваться пятнадцатипольный севооборот с травосеянием: 1 год – яровая пшеница, 2 год – подсолнечник, 3 год – пар, 4 год – озимая рожь, 5 год – яровые травы, 6–15 годы – многолетние травы [11, с. 932]. В данном случае севооборот больше похож на старый залежный, но с искусственным травосеянием.

Для сельскохозяйственного предпринимателя важнейшим показателем эффективности производства является урожайность, причем не столько абсолютная (в пудах или тоннах), сколько относительная (в «самах»), показывающая соотношение собранного количества зерна к количеству посеянного. Пшеница долгое время (вплоть до 1870-х годов) не пользовалась большой популярностью, поскольку ее средняя урожайность составляла 1,4 сама в 1873 г., но применение удобрений и переход на трехполье позволило резко поднять среднюю относительную урожайность пшеницы до 4,4 в 1883 г. и до 4,6 сама в 1898 г. (подсчитано по [3, л. 54–55; 4, л. 13–14]). Хорошо заметно, что сначала произошел резкий взлет урожайности (в три с лишним раза) в связи с изменением агрокультуры, но затем средняя относительная урожайность стабилизиро-

валась. Естественно, что наблюдался и рост абсолютной урожайности пшеницы в хозяйствах сельских предпринимателей Саратовской губернии: от 43 пудов с одной десятины в 1880–87 гг. до 64,8 пуда в 1898–99 гг. (подсчитано по [2, л. 1–4; 3, л. 54 об.; 4, л. 13–14; 9, л. 26–27], причем в некоторых экономиях (например, Баландинская вотчина графа С.Д. Шереметьева и Завьяловское имение графини С.Л. Шуваловой Аткарского уезда) сбор пшеницы достигал рекордных 130 пудов с десятины [6, с. 27], знаменуя положительную динамику развития сельскохозяйственного предпринимательства в Нижнем Поволжье.

Итак, можно сделать вывод, что сельскохозяйственные предприниматели Саратовской губернии из частных землевладельцев стремились адаптировать свое производство к требованиям рынка. Когда в 1870-х годах стало ясно, что выращивание пшеницы становится более выгодным (особенно с учетом качества почвы), чем традиционных зерновых культур, сразу же началось увеличение ее доли в структуре посевов. Это в свою очередь потребовало перехода к трехпольным и многопольным севооборотам (это позволяло выращивать и озимую рожь и яровую пшеницу), что положительно отразилось на абсолютной и относительной урожайности пшеницы.

Список литературы

1. Васильчиков А.И. Землевладение и землепользование в России и других европейских государствах [Текст]: Монография. Т. 2 / А.И. Васильчиков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – 576 с.
2. Государственный Архив Волгоградской области. Фонд И-3. Царицынская уездная земская управа. Опись 1. Ед. хр. 12.
3. Государственный Архив Саратовской области. Фонд 1. Канцелярия Саратовского губернатора. Опись 1. Ед. хр. 5255.
4. Государственный Архив Саратовской области. Фонд 421. Саратовский губернский статистический комитет. Опись 1. Ед. хр. 303.
5. Материалы для оценки земель Саратовской губернии [Текст]: Вып. 4. Распределение полевых культур / Сост. Н. Россов. – Саратов: Изд. губ. земства, 1904. – III, 113 с.
6. Опацкий Е. Результаты урожая в 1899 г. в Аткарском уезде Саратовской губернии // Хозяин. – 1900. – №1. – С. 25–29.
7. Описания отдельных русских хозяйств [Текст]: Вып. VIII. Саратовская губерния. – СПб., 1898. – 35 с.
8. Российский Государственный Исторический Архив. Фонд 1263. Кабинет министров. Опись 2. Ед. хр. 5278.
9. Российский Государственный Исторический Архив. Фонд 1391. Ревизия сенатора И.И. Шамшина Саратовской и Самарской губерний. Опись 1. Ед. хр. 105.

10. Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России [Текст]. – СПб.: Изд. Канцелярии комитета министров, 1894. – 555 с.

11. Трухановский М. Из экскурсий по хозяйствам Поволжья // Хозяин. – 1895. – №47. – С. 932–933.

Тютинина Ольга Сергеевна

аспирант, преподаватель

Михеева Наталья Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ЛИЧНОСТЬ ЯРОСЛАВА МУДРОГО ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в данной статье рассматривается личность Ярослава Мудрого в постсоветской историографии, изменение подходов и трансформация оценок личности князя Ярослава Владимировича и итогов его правления.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, древнерусская государственность, современная отечественная историография.

Отличительной чертой современной историографии стал плюрализм взглядов и неоднозначность оценок личности политического деятеля. А также, в целом, возрастание интереса к роли личности в истории.

Е.Н. Шумилов подвергает критике восторженные оценки деятельности Ярослава Мудрого, «как о великом и мудром правителе, при котором Русь в своем развитии добилась выдающихся успехов» [4, с. 145]. Но исторические факты, по мнению историка, позволяют взглянуть на данный аспект несколько в ином ракурсе. Во-первых, Е.Н. Шумилов отмечает отсутствие шансов Ярослава на Киевский престол, так как тот не был в числе старших сыновей Владимира, с одной стороны, и был сыном языческой жены Владимира Рогнеды, сосланной после принятия христианства, с другой. Также исследователь указывает на физическую неполноценность

князя, который с детства был хромым. Все это, по мнению Е.Н. Шумилова «не давало ему практически никаких шансов на киевский престол» [4, с. 146–147].

Более того историк, напрямую говорит о несамостоятельности князя в политическом отношении, «семейная драма Ярослава тесно переплелась с государственными проблемами. Князь, опиравшийся в своих действиях на иноземную силу, стал по существу заложником своей внутренней и внешней политики» [4, с. 149].

Будучи под плотной опекой жены и в зависимости от скандинавов, князь реально превратился в их марионетку. Это положение его явно тяготило, но ничего сделать он не мог. С годами болезнь Ярослава прогрессировала, вызывая невыносимые муки. Утешением князя стали книги, которые он читал днем и ночью. Более того, Ярослав переписывал книги. Не исключено, что он правил летописи в своих интересах. Видимо, тогда же Ярослав сблизился с Иларионом, священником великокняжеской церкви в селе Берестове – загородной резиденции великих князей, и попал под его влияние [4, с. 151].

А.Ю. Карпов, говоря о личностном становлении будущего князя также подчеркивает его врожденный недуг-хромоту, связывая последнее с формированием «бойцовских» качеств Ярослава, его способности преодолевать как насмешки окружающих, так и компенсировать физические неудобства. Карпов называет Ярослава «недужный телом, но совершенный разумом» [1, с. 126]. Время правления Ярослав, по мнению автора, справедливо отмечено в учебниках как «золотой век» Киевской Руси. Едва ли не единственному из правителей России князю Ярославу посчастливилось войти в историю с прозвищем «Мудрый» – пожалуй, наиболее лестным и наиболее почетным для любого государственного мужа. Данный эпитет достаточно редко употреблялся средневековыми книжниками, Ярослава именовали «Великим» в «Слове о погибели земли Русской» [2], или «Старым» в «Слове о полку Игореве» [3], все эти прозвища свидетельствуют, на наш взгляд, о почтительном отношении потомков к князю.

Но в источниках примеры не только его рассудительности и благочестия, но и его чрезмерной жестокости и неблагодарности, злопамятности, малодушия или даже трусости, которые князь проявлял в самые ответственные минуты жизни [1, с. 7].

Единое Киевское государство связывали воедино не только железная воля киевского князя, но и грамотно проводимая им экономическая политика, созданная им система государственной власти: целая иерархия государственных слуг, которые могли действовать не только по указке князя, но и самостоятельно принимать решения на основании выработанного законодательства: Русской правды. Получила свое оформление при Ярославе и церковная организация, выросли новые города и крепости. «доблесть, мужество, рассудительность, изворотливость, хитрость, коварство, жестокость, а порой и откровенную трусость» [1, с. 444] – все эти качества сполна были присущи, по мнению Карпова князю Ярославу Мудрому. В конце повествования автор называет Ярослава творцом «Русской правды» и создателем Святой Софии.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное мы можем говорить о том, что в современной исторической науке образ Ярослава Мудрого претерпел значительную трансформацию по сравнению с историографией прошлых лет. В отечественной науке уже все реже можно встретить откровенное возвышение заслуг князя, здесь уже не встречаются «дореволюционные» эпитеты. Более того, в некоторых работах напрямую отвергается самостоятельность Ярослава как правителя. Так Е.Н. Шумилов полностью нивелирует личные заслуги Ярослава Владимировича, говоря о нем как вассале шведского короля, чья внешняя и внутренняя политика целиком зависела от жены Ирины.

А.Ю. Карпов же старается дать наиболее объективные оценки как деятельности князя, так и его личности, как правителя древнерусского государства, где в качестве основных аргументов выдвигаются данные археологических и письменных источников, заслуги Ярослава как правителя Руси.

Список литературы

1. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. – М., 2010. – 586 с.
2. Слово о погибели русской земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old-ru.ru/04-2.html> (дата обращения: 19.12.2016).
3. Слово о полку Игореве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vchi.net/oldrussian/opolku.html> (дата обращения: 18.12.2016).
4. Шумилов Е.Н. Ярослав Мудрый и Ирина: семейно-государственная драма // Вопросы истории. – М., 2012. – №11.

Юстус Татьяна Владимировна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗ ОПЫТА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: в статье раскрывается исторический опыт организации воспитательной деятельности в сфере общественной работы со студентами в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова в советское время. Рассматриваются основные этапы, формы, методы, направления, мероприятия общественно-политической жизни студенческой молодежи.

Ключевые слова: политика, общество, партия, комсомол, студенческая молодежь, гражданственность, патриотизм.

Одной из важнейших составляющих формирования гражданственности и патриотизма студенческой молодежи является ее участие в общественной и политической жизни государства и университета. Этот процесс напрямую зависит от меры практического участия студентов в строительстве гражданского общества. Поэтому в вузе необходимо создать такие условия, которые бы способствовали в частности воспитанию организаторских способностей студенческой молодежи во взаимосвязи с академической учебой и общественной деятельностью.

Общественная активность студенчества выполняет роль систематической и целенаправленной деятельности по формированию высокого гражданского и патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

В Советском Союзе формированию политического сознания молодежи особое место отводилось системе политического просвещения, которое решало задачу формирования мировоззренческой культуры. Одним из звеньев этой работы со студентами было проведение политинформаций и политзнаний. Они проводились по наиболее важным проблемам международной и внутренней политике, социально-экономической и культурной жизни страны [9, с. 64].

На протяжении всей истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова к вопросу общественной активности студенческого коллектива всегда подходили с большой ответственностью и вели многогранную, объемную деятельность в этом направлении. Так исторический опыт воспитательной работы показывает, что в 1970–1980 гг. вся деятельность была направлена на формирование у студентов коммунистического мировоззрения. Общественная деятельность в университете имела разные формы, но объединяла их одна общая цель – настойчиво добиваться, чтобы комсомольцы, все юноши и девушки творчески овладели марксистско-ленинской теорией, выработали классовое самосознание, воспитали в себе коммунистическое отношение к труду и социалистической собственности, умело применяли на практике полученные знания [4, с. 1].

Так в целях улучшения коммунистического воспитания комсомольцев и молодежи, успешного решения центральной задачи комсомола, определенной партией, Центральный комитет ВЛКСМ в 1971 году принял Постановление о проведении Всесоюзного Ленинского зачета.

Зачет проводился в три этапа, каждый из которых завершался подведением итогов на комсомольских собраниях. На I этапе, который проводился до конца октября, комсомольская организация университета должна была проанализировать участие каждого члена ВЛКСМ в выполнении решений съезда партии, социалистических обязательств, постановления Всесоюзного комсомольского собрания, в соревновании «Пятилетке – ударный труд, мастерство и поиск молодых!»; каждый комсомолец должен был составить личный комплексный план «Учиться коммунизму», который бы наиболее полно характеризовал стремление по-ленински жить, работать и бороться, повседневно выполнять решения партии, активно заниматься общественной работой. II и III этап, проводился во втором семестре с февраля по апрель и завершалось к годовщине со дня рождения В.И. Ленина. На этом этапе применялись конкретные меры, обеспечивающие безусловное выполнение плана и социалистических обязательств принятых пятилеток каждым комсомольцем, юношей и девушкой. По результатам работы проводили общественно-политическую аттестацию комсомольцев. Решения о сдаче Ленинского зачета принимали комсомольские собрания, учитывая идейно-теоретическую подготовку, трудовую и общественно-политическую активность, нравственный облик комсомольцев и молодежи. Каждый член ВЛКСМ должен отчитаться, как он выполнял личный комплексный план, как претворяет в жизнь решения съезда

КПСС, съезда ВЛКСМ, как изучает революционную теорию, как трудится, учится, какое участие принимает в общественной работе, как готовит себя к защите Родины, занимается физкультурой и спортом, научно-техническим и художественным творчеством [5, с. 1].

Решение комсомольского собрания о сдаче Ленинского зачета заносили в учетную карточку членов ВЛКСМ. Комсомольцы, отличившиеся в ходе зачета, награждались значком ЦК ВЛКСМ «Ленинский зачет». Такая аттестационная работа проводилась ежегодно пока коммунистические организации играли важное значение в жизни и деятельности университета.

Еще одной формой проверки общественной активности студентов в Чувашском государственном университете была аттестация по общественно-политической практике (ОПП), введенная с 1974 года в соответствии с учебным планом и «Положением об общественно-политической практике студентов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова», с целью более активного включения будущих специалистов в общественно-политическую жизнь. ОПП – это система мероприятий, направленная на приобретение каждым студентом – будущим специалистом необходимых знаний и навыков организаторской и общественно-политической жизни вуза и дифференцируется по курсам и факультетам [6, с. 1].

Каждый студент университета в начале учебного года получал индивидуальное задание по ОПП. Организацию работы студентов по выполнению личных планов-минимумов осуществлял куратор, «треугольник» группы и начальники курсов. Для контроля за прохождением общественно-политической практики и аттестации в каждой учебной группе создавалась комиссия, в состав которой входили куратор, преподаватель общественной дисциплины, комсорг, профорг и староста.

Аттестационная комиссия к студентам предъявляла следующие требования: успеваемость студента по общественным наукам, участие в научно-исследовательской работе, осведомленность студента в области внешней и внутренней политики страны; овладение теоретической частью спецкурса «Основы общественно-политической практики»; выполнение заданий по ОПП в период производственной практики; активное участие во всей внутриуниверситетской жизни; получение вторых специальностей (на факультете общественных профессий, в школе молодого лектора и др.); обязательное участие в третьем трудовом семестре, включая агитационно-пропагандистскую, лекционную и шефскую работу в ССО [8, с. 2].

По ОПП студенты ежегодно сдавали академические зачеты, о чем делалась соответствующая отметка в зачетной книжке. В 1977 году в университете вышел приказ о введении «Аттестационной книжки» студента по общественно-политической практике [3].

За годы обучения в университете студент должен был обладать основными формами агитационно-пропагандистской, организаторской и воспитательной работы, что являлось главным требованием аттестационной комиссии.

На последнем курсе обучения перед государственными экзаменами проводили итоговую общественно-политическую аттестацию студентов. На основе характеристики комиссия составляла рекомендацию об использовании студента в общественно-политической работе в том трудовом коллективе, куда он уезжал по направлению.

Особое место системе ОПП занимал факультет общественных профессий (ФОП), созданный в 1971 году. Деятельность факультета создавало большие возможности для включения молодых специалистов в многообразную культурную и воспитательную работу. Данная работа помогало студентам стать не только хорошими специалистами, но и разносторонне развитыми людьми, умелыми пропагандистами и организаторами культурно-массовой работы [1].

Важнейшей составляющей гражданско-патриотической активности студентов университета являлась их пропагандистская работа среди населения республики. В конце каждого семестра в районы Чувашии отправляли агитбригады факультетов для пропаганды решений съездов КПСС, решений партии, правительства и наследия В.И. Ленина. Агитпоход являлся составной частью системы общественно-политической практики студентов и включал в себя следующие направления: «пропаганда среди населения успехов внутренней и внешней политики КПСС и Советского правительства; идейно-эстетическое воспитание рабочей, сельской и учащейся молодежи, шефская работа среди них; культурно-массовая работа среди населения.» [7, с. 2]. Также проводилась подготовка студентов к чтению лекций по Ленинской тематике. Основными формами участия студентов в агитпоходе являлись выезды агитбригад, лекторских групп, пение и мотопробеги, участники которых проводили лекции, доклады, беседы [2]. Совместно со студентами нередко выезжали преподаватели и кураторы, руководящие этой работой в подшефные сельские школы, колхозы и совхозы республик.

Исторический опыт организации общественной деятельности студенческой молодежи в университете, показывает, что данному направ-

лению воспитательной работы всегда уделялось пристальное внимание. Этот процесс был основан на воспитании коммунистических взглядов, на активное участие их в партийной жизни и выполнение всех социалистических обязанностей, поставленных перед университетом.

После распада советского государства глубокие социально-экономические и политические трансформации российского общества привели к изменению не только условий жизни людей, но и их представлений об обществе и государстве. Современные студенты очень сильно отличаются от советской молодежи – у них совершенно другие взгляды на жизнь, проявляется снижение общественно-политической активности нынешнего поколения. Но социальная активность будущего специалиста в учебно-профессиональной деятельности является необходимым условием, обеспечивающим качество профессиональной подготовки студента, подготовку конкурентоспособного специалиста. Такая работа должна быть основана на утверждении принципов социальной справедливости, патриотизма и гражданственности, что является необходимым условием, обеспечивающим подготовку высококвалифицированного специалиста и общественно активного гражданина.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1138. Организация общественно-политической практики. Отчет по учебной, учебно-методической и учебно-воспитательной работе ЧГУ за 1975–1976 уч. год. Л. 36.
2. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д.492. Отчет о научно-методической и учебно-воспитательной работе университета за 1970/71 уч. год, Т. 1. Л. 40.
3. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д.1538. Приказ по Чувашскому государственному университету им. И.Н. Ульянова №196-общ. от 19.09.1977 г. Приказы ректора по общим вопросам за июнь-октябрь 1977 г. Т. 2. Л. 95.
4. Ленинскому комсомолу – 50 лет // Ульяновец. – 1968. – №21.
5. Ленинский зачет комсомольца // Ульяновец. – 1971. – №24.
6. Общественно-политическая практика – весенняя аттестация // Ульяновец. – 1977.
7. Об участии комсомольцев в V Всесоюзном агитпоходе студенческой молодежи «Решения XXV съезда КПСС – в жизнь!» // Ульяновец. – 1977. – №2.
8. ОПШ. Аттестация // Ульяновец. – 1978. – №15.
9. Юстус Т.В. Исторический опыт воспитания политической культуры студенческой молодежи в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова / Т.В. Юстус, А.Л. Андреева, М.В. Валерианова // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 апреля 2016 г.): В 2 ч. Ч. I. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016.

Яковлева Татьяна Валериановна

генеральный директор
ООО «Центр научного сотрудничества
«Интерактив плюс»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан историко-
географического факультета,
член Общественной палаты

Чувашской Республики 3-го созыва
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Идрисов Руستم Анатольевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Аннотация: в статье впервые приводится авторская периодизация развития инновационной деятельности в Чувашской Республике, отмечаются характерные черты отдельных этапов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, реформирование, человеческие ресурсы, периодизация, промышленные организации.

Инновационная деятельность в современной Чувашской Республике имеет относительно небольшую историю. Однако при ближайшем рассмотрении в ней уже можно выделить 2 этапа процесса развития инновационного потенциала.

Первый период – это 90-е годы XX века – начало 2000-х гг. Разными исследователями специфика этого периода в социально-экономической истории России трактуется по-разному. Он может быть условно обозначен как постсоветский, посткоммунистический, постперестроечный (встречаются различные дефиниции, не меняющие общей сути). Главные его черты – противоречивость социально-экономического развития страны в ситуации глобального реформирования всей общественной

структуры, явное присутствие кризисных черт, отсутствие системности и последовательности в действиях руководства страны, действие в условиях некомфортной внешней экономической конъюнктуры. Некоторые из исследователей напрямую объясняют окончание этого периода с приходом к руководству страной нынешнего Президента России В.В. Путина, исправившего ситуацию прежде всего в организации управления, формировании большей эффективности и мобильности. Другие связывают начало позитивных изменений с началом складывания более благоприятной внешнеэкономической ситуации, прежде всего ростом мировых цен на энергоносители. За счет этого произошел в тот момент рост доходной части государственного бюджета России. Это дало возможность руководству страны приступить к реализации системы социально-экономических программ. В их число попала и программа инновационного развития, поднялся в целом и уровень общей деловой и экономической активности в стране.

В Чувашской Республике указанный этап наложился на исключительно тяжелые условия конверсии крупных промышленных предприятий. Изменилась система их финансирования, в частности произошел отказ от государственной поддержки, были переориентированы экономические связи, начался сложный поиск новых партнеров и рынков сбыта, одновременно шло переоснащение самих предприятий. Основная деятельность промышленных организаций на рубеже XX–XXI вв. имела направлением не сколько внедрение инновационных технологий и развитие, сколько выживание. Однако даже в этих условиях при достаточно низком показателе инновационной активности следует отметить наличие у многих предприятий высокого потенциала развития. Слабое в целом развитие инновационных процессов было вызвано слабым финансированием, при этом средства практически не инвестировались в человеческие ресурсы.

Однако уже в 2002–2004 гг. ситуация меняется. Эти годы можно считать *началом второго периода* процесса развития инновационного потенциала Чувашской Республики. В 2002 г. Государственный Совет Чувашской Республики принимает Закон «О науке и научно-технической политике Чувашской Республики», в котором впервые подчеркивалось значение научной сферы, как залога дальнейшего успешного развития всей социально-экономической системы республики [1]. В 2004 г. действие этого закона было подкреплено принятием Указа Президента Чувашской Республики Н. Федорова «О дополнительных мерах по инновационному развитию Чувашской Республики» [2].

С этого момента в республике берет начало серьезная планомерная работа по формированию национальной инновационной системы. Глав-

ные показатели этого периода – наращивание нормативной базы, необходимой для последующего развития инновационной системы, и создание абсолютно новых, но известных по мировому опыту организационных структур, прямо ориентированных на внедрение инноваций. В сфере наращивания нормативной базы следует прежде всего отметить принятую в республике Государственную программу инновационного развития, а также целый ряд ключевых подзаконных решений.

В вопросе создания новых организационных структур следует выделить открытие Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) [3, с. 103]. Другое важно направление организационного развития – это открытие Технопарков. В Чувашской Республике в этом отношении «первой ласточкой» стало открытие Научно-технологического парка «Чувашия» на базе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Технопарк ЧГУ).

Другими подобными новыми организационными структурами, прямо занимающимися разработкой и внедрением инноваций стали некоммерческая организация «Фонд содействия инновациям» (Венчурный фонд) и Республиканский бизнес-инкубатор (РБИ).

Современную ситуацию 2015–2016 гг. мы можем обозначить как *окончание второго периода и начало нового, третьего*. Учитывая уже приобретенный опыт, кадровый потенциал республики, уровень разработанности нормативной базы и функционирование новых организационных структур теперь следует ожидать первых практических результатов работы в данном направлении. Особую актуальность она приобрела в современных условиях антисанкционной экономической политики импортозамещения, проведение которой также можно считать точкой отсчета нового третьего этапа.

Список литературы

1. Закон Чувашской Республики «О науке и научно-технической политике Чувашской Республики» (принят Государственным Советом Чувашской Республики 6 июня 2002 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mognovse.ru/trp-zakon-chuvashskoj-respubliki-o-nauke-i-nauchno-tehnichesco.html>
2. Указ Президента Чувашской Республики от 29 октября 2004 г. «О дополнительных мерах по инновационному развитию Чувашской Республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=15&id=812224
3. Яковлева Т.В. Инновационная деятельность центров поддержки и инноваций в Чувашии / Т.В. Яковлева, Р.А. Идрисов, О.Н. Широков // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – 428 с.

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО- УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Кутузова Дарья Олеговна

лаборант-исследователь

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан

Калыгина Жанна Сергеевна

научный сотрудник УНАЭЦ

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Яранцева Наталья Станиславовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

КОСМЕТИЧЕСКИЕ СОСУДЫ (ПОМАДНИЦЫ) Г. ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2015 г.)

Аннотация: статья посвящена морфологическому анализу косметических банок, зафиксированных и исследованных в ходе археологических исследований 2015 года в г. Йошкар-Оле (Царевококшайске). Приведена типология помадниц.

Ключевые слова: Царевококшайск, керамика, косметические сосуды, помадницы, конец XVIII–XIX вв.

В 2015 году Поволжской Археологической Экспедицией (ПАЭ) в городе Йошкар-Ола на пересечении улиц Вознесенской и Красноармейской, в связи с предстоящей застройкой территории, попадающей в историко-охранную зону, проводились охранные археологические изыскания под руководством Ж.С. Калыгиной. В ходе исследований на изучаемой территории был получен огромный фонд керамического материала (более 25 тыс. экз.): фрагменты сосудов, изразцы, пряслица, заготовки под пряслица, грузила, игрушки, курительные трубки, ядра и т. д.

В процессе проведения археологических работ объектом исследования стали культурные напластования позднего средневековья и нового времени – XVI–XIX вв. В заполнении культурного слоя

нового времени значительную долю составляет различные виды поливной керамики: гончарная, фаянсовая, фарфоровая посуда и др. Поскольку данная группа керамики не производилась на территории города, то она является привозной, что вызывает значительный интерес к данной категории археологического материала.

Среди многочисленной группы керамического материала (1056 экз.) особое место занимают косметические сосуды, несмотря на то, что они составляют от общего числа находок менее 1% (15 экз.).

Анализ и введение в научный оборот данной категории керамических изделий позволит пополнить информацию о культуре и быте населения г. Царевококшайска конца XVIII–XIX вв.

Для производства косметических сосудов использовалась белая глина, которая после обжига принимала цвета от грязно-желтого до белого. Первоначально глина подвергалась очистке, затем ее размалывали. После чего из нее делали тесто для изготовления сосудов. Помадницы формировались путем наминания глины во вращающуюся гипсовую форму. Данная техника изготовления прослеживается на сколах изделий. Сформированные банки после сушки подвергались обжигу и покрывались эмалью и обжигались второй раз. Затем они оправлялись заказчику [1, с. 301].

Подробно косметические банки изучал А.А. Полюлях. В своей статье «Фаянсовые изделия заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных» он дает оригинальную типологию, основанную на параметрах сосудов, таких как форма и высота [1, с. 301]. Таким образом, используя данные критерии, А.А. Полюлях выделяет 4 типа косметических банок, которые соответствуют типологии рассматриваемых помадниц г. Царевококшайска.

Тип 1 – 11 экз. Для данного типа помадниц характерно цилиндрическое тулово (высота/диаметр: 6,4/5,6; 6,7/5,8; 6,4/5,7; 5,5/6,3; 6,3/6,1; –/7,1; 5/6; –/6,4; –/7,2; –/6,6; –/6 см) с небольшим горизонтально отогнутым краем-венчиком, выделенным желобком. Аналогичный желобок нанесен у основания. В верхней части банка имеет внутреннее углубление (округлое или конусовидное). Днища имеют плоское углубление.

Тип 2 – 2 экз. Тулово цилиндрическое (высота/диаметр: 5,2 /4,6) с внутренним кольцевым выступом – фиксатором крышки в верхней части. Крышка банки цилиндрическая с плоской поверхностью (высота 2,0 см).

Тип 3 – 1 экз., – представлен помадницей с цилиндрическим низким туловом (высота/диаметр: 6,3/5,0 см) с аналогичным типу 2 внутренним кольцевым выступом – фиксатором крышки верхней части и выступающим внизу кольцевым поддоном.

Тип 4 – 1 экз. Тулово бочонковидное (высота/диаметр: –/5,8 см) с небольшими валиками-обручами (один верхний и три в нижней части тулова), выделенными синей краской.

Все помадницы относятся к концу XVIII–XIX вв., но более конкретная датировка на данный момент затруднена, т.к. они не имеют никаких отличительных признаков (клейма, печати), которые являются уникальными для каждого периода. В связи с этим, следует согласиться с А.А. Полюлях, который считает, что центром производства белоглиняной и фарфоровой косметической посуды в России XVIII–XIX вв. был Гжельский керамический район, где насчитывалось около 180 заводов [1, с. 299]. Таким образом, в Царевококшайск косметические банки могли попасть из Нижнего Новгорода или Москвы.

На основании вышесказанного можно утверждать, что косметические сосуды (помадницы) имели достаточно широкую распространённость в повседневной жизни горожан, что, в свою очередь, свидетельствует о перспективности изучения данной категории археологического материала.

Список литературы

1. Полюлях А.А. Фаянсовые изделия заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных / А.А. Полюлях // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. – М., 2008. – Вып. 4.

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

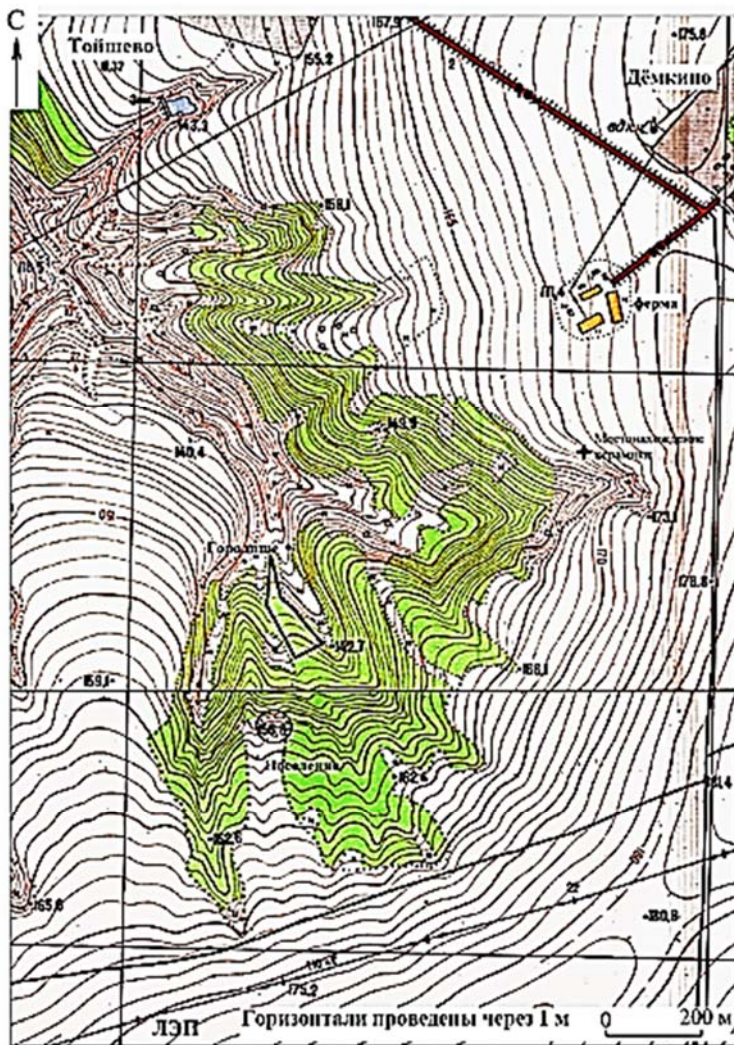
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У Д. ДЁМКИНО МОРГАУШСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: памятники городецкой культуры Чувашского Поволжья выделяются в северо-восточную группу. Новые археологические объекты позволяют дополнить сведения по пространственному расположению, топографическим особенностям и системе укреплений памятников. Наиболее актуальной проблемой в современной археологии является проблема взаимосвязи укрепленных и неукрепленных поселений раннего железного века. В работе публикуются сведения по археологическому комплексу, состоящему из мысового поселения и городища.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, городецкая культура, городище, укрепления, поселение, местонахождение керамики, топография, вал, ров.

В 2015 г. на территории Моргаушского района Чувашской Республики была проведена разведочная археологическая экспедиция Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Во время прохождения маршрута юго-западнее д. Тойшево выявлен новый археологический комплекс, состоящий из поселения и городища раннего железного века (рис. 1). Название новым памятникам дано по наиболее близко расположенной деревне – Дёмкино Торавского сельского поселения Моргаушского района [1, с. 25].

Примечание: экспедиция проводилась на основании Открытого листа №1952, выданного М.И. Федулову В состав экспедиции входили С.А. Семёнов и Э.А. Тихонов.

Условные обозначения:

	- деревня		- пруд		- лес
	- горизонталы и высоты		- река		- групповая дорога
	- асфальтированная дорога		- овраг		

Рис. 1. Топографический план расположения городища и селища у д. Дёмкино

Дёмкинское поселение

Овраг юго-западнее д. Дёмкино и южнее д. Тойшево имеет разветвленную систему. В его основании протекает несколько ручьёв. На распаханной поверхности одного из мысов был найден подъёмный материал в виде трех фрагментов керамики. Оконечность и склоны его поросли лесом. Мыс был распахан весной 2015 г., но не засеян злаковыми культурами и порос травой.

Поселение расположено в 1100 м к ЮЗ от д. Дёмкино (аз. 45° на крайний дом западной окраины) и в 1,2 км к Ю от д. Тойшево (аз. 360° на крайний дом восточной окраины). Оно занимает центральную часть мыса. Найдено три небольших фрагмента керамики РЖВ (размеры 2,9 x 2,1 x 0,7, 2,0 x 2,0 x 0,6 и 1,3 x 1,7 x 0,5). Керамика лепная, плохого обжига (крошится). Все фрагменты представлены стенками сосудов. Поверхность их плохо сглажена, в тесте присутствует шамот. С внешней стороны её цвет светло-коричневый, с внутренней стороны серый, на изломе чёрный.

Для определения границ поселения заложено три шурфа. Во всех шурфах наблюдалась следующая стратиграфия, различающаяся лишь мощностью напластований: дёрн, тёмно-серый и коричневый суглинок, материковая глина. В верхнем, вероятно распаханном культурном слое, одного из шурфов найдены два небольших фрагментов керамики РЖВ. Поверхность плохо сглажена, в тесте присутствует шамот. С одной стороны её цвет светло-коричневый, с другой стороны – серый, на изломе чёрный. В другом шурфе найдено два фрагмента красной поливной керамики XX века. Примерная площадь поселения составляет 10×20 м (около 200 м²).

Дёмкинское городище

При осмотре ближайших мысов было выявлено новое городище. Оно расположено в 1 км к ЮЗ от д. Дёмкино (аз. 45° на крайний дом западной окраины), в 750 м от фермы д. Дёмкино (аз. 45°) и в 1,2 км к Ю от д. Тойшево (аз. 360° на крайний дом в восточной части деревни). Оно удалено на 150 м (аз. 15°) от поселения и разделено оврагом.

Площадь городища и склоны оврага покрыты лесом. Общая протяжённость городища, включая валы, составляет 180 м. Форма городища изогнутая. Основная площадка вытянута с ЮВ на СЗ (аз. 325°), мысовая часть ориентирована почти на север (аз. 350°).

Понижение высоты площадки городища от напольного вала №1 к оконечности мыса составляет более семи метров.

Въезд на городище располагался в центре оборонительных сооружений. Через рвы оставлен земляной перешеек. В валах имеется проезд, разделяющий вершину вала на две части. Через всю площадку и валы проходит современная тропинка к д. Тойшево.

Описание оборонительных сооружений

Валы и рвы сильно оплыли. Напольные сооружения дугообразно загнуты внутрь городища (рис. 2).

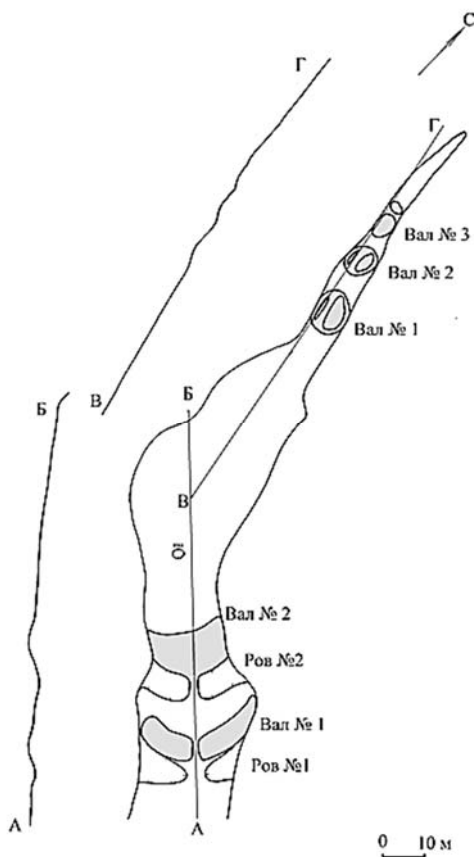

Рис. 2. План и профиль Дёмкинского городища

Напольный ров №1. Общая длина рва составляет 23 м, минимальная ширина у перешейка 3,5–4 м. В западной части его ширина составляет 10 м, а в восточной расширяется до 14 м. Размеры перешейка – 5 × 4,6 м. От уровня перешейка был проведён отсчёт всех нивелировочных отметок. За нулевую отметку взята точка у въезда на городища. Ров к востоку от перешейка имеет глубину от –85 до –120, к западу перешейка от –95 до –119.

Напольный вал №1. В валу оставлен проезд на городище, разделяющий его на две части – западная часть составляет 13 м, восточная 20 м. Ширина составляет вала 6,5–7 м. Проезд не прорезает вал до основания, но делит его вершину на две части. Проезд размером 1,6×6,4 м. Максимальная высота вала к востоку от проезда составляет +99, к западу +82. Глиняной обмазки вала не зафиксировано.

Между валом №1 и рвом №2 есть небольшая ровная площадка размером 29×8 м.

Напольный ров №2. Общая длина рва составляет 22,8 м. Минимальная ширина составляет 5–5,5 м у перешейка, в западной части он расширяется до 7 м, в восточной части до 8,2 м. Перешеек размером 6,5 × 2,2 м. Глубина рва от уровня перешейка этого же рва составляет от 47 до 90 см (н/о от –158 до –208) в восточной части, от 56 до 102 см (н/о от –158 до –208) в западной части.

Напольный вал №2. Общая длина вала 18,4 м. В западной части его ширина составляет 8 м, в восточной 10 м. Вал имеет высоту от уровня внутренней площадки городища от 30 до 167–175 см.

На валу имеются лисьи норы, которые разрушают его на значительную глубину. В выкидах из нор собрано восемь фрагментов обмазки вала.

На валу имеется сильно оплывшая яма №1 размером 1,5 × 1 м. Она выкопана местными жителями, искавшими клад в 1980-х гг. С их слов был найден только битый кирпич и раскопки прекращены. Под битым кирпичом следуют понимать обмазку вала.

Внутренняя площадка городища максимально сужается до 16,7 м (сразу за напольным валом №2) и расширяется до 29,3 м в центральной части площадки.

В центральной части площадки городища имеется яма №2 размером 3,2 × 2,9 м. Форма ямы близка к круглой, стенки оплыли, глубина её 24 см (н/о –258 см).

Система мысовых валов и рвов расположена на узком, резко понижающемся мысу.

Мысовой вал №1. Он овальной формы, размером $8,6 \times 11,7$ м. Вершина его разделена на две части, между которыми проходит тропинка. Максимальная высота от площадки городища составляет около 50 см. На тропинке найдено несколько мелких фрагментов обожженной глины – обмазки вала.

Мысовой ров №1. Ров размером 4×8 м. Глубина рва от самой высокой точки мысового вала №1 составляет 177–202 см.

Мысовой вал №2. Вал округлой формы, размером $8,10 \times 7,3$ м. Вершина его разделена на две части, между которыми проходит тропинка. Максимальная высота вала зафиксирована в западной части (н/о от –605 до –658 см).

Мысовой ров №2. Ров размером $3,15 \times 5,4$ м. Максимальная глубина рва от –670 до –723 см.

Мысовой вал №3. Вал овальной шишкообразной формы. Размер вала $4,2 \times 7,3$ м. Максимальная высота вала –694.

Мысовой ров №3. Ров размером $3,5 \times 1$ м. Максимальная глубина рва –793 см.

За рвом прослеживается небольшой земляной выкид, который вероятно образовался при рытье рва. Он размером $4,1 \times 2,3$ м. Небольшой размер насыпи не позволяет считать его валом.

За мысовыми валами и рвами мыс продолжается ещё на 16 м пока не опускается до уровня дна оврага.

У западной оконечности напольного вала №2 на основной площадке городища найден небольшой фрагмент керамики. Венчик лепного керамического сосуда размером $2,0 \times 2,1 \times 0,8$. Фрагмент имеет чёрный цвет со всех сторон. В тесте присутствует шамот.

В шурфе, заложенном на внутренней площадке городища, стратиграфия напластований была представлена дёрном, серым суглинком и коричневым суглинком с включениями светло-серой супеси. Шурф не дал находок, но на поверхности городища был найден небольшой железный нож. Его длина составила 5,7 см, максимальная ширина лезвия 1,4 см, максимальная толщина 0,2 см. Нож имеет рукоять длиной 1,7 см и шириной 0,6 см.

Местонахождение керамики

При осмотре прилегающей к городищу территории, на пашне у оврага найден один фрагмент керамики. Местонахождение расположено в 500 м к ЮЗ от д. Дёмкино (аз. 35° на крайний дом западной окраины), в 200 м от фермы (аз. 15°) и в 40 м к С от оврага.

Фрагмент стенки лепного сосуда с внешней стороны светло-коричневого цвета, с внутренней стороны и на изломе серый. Керамика плохого обжига. Поверхность неровная и плохо сглажена. В тесте керамики присутствует шамот. Керамика предварительно отнесена к раннему железному веку.

В результате проведённого обследования территории Моргаушского района удалось выявить новый археологический комплекс памятников. Поселение, городище и местонахождение керамики предварительно отнесено к раннему железному веку – поздним этапам городецкой культуры. На это указывает мысовое расположение, типичная керамика и комплекс оборонительных сооружений. Определить культурную принадлежность и датировку памятника возможно после проведения раскопок.

Городище у д. Дёмкино можно отнести к типу укрепленных поселений со сложной системой оборонительных сооружений [2, с. 21–25]. Находки фрагмента керамики и железного ножа свидетельствует о принадлежности городища к числу жилых. Жилые имеют культурный слой, в разной степени насыщенный находками, и более внушительные размеры. На них имеются следы жилых построек.

Список литературы

1. Смирнов А.П. Городецкая культура / А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова // Свод археологических источников (САИ). Вып. Д-1–14. – М.: Наука, 1965. – 40 с.
2. Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Моргаушского района Чувашской Республики в 2015 году // Архив Института археологии РАН. Без №.

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ У Д. КОЗЛОВКИ ЯДРИНСКОГО РАЙОНА (К ВОПРОСУ О РУССКО- ОРДЫНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В НИЖНЕМ ПРИСУРЬЕ)

Аннотация: автор статьи отмечает, что в XIV в. Присурье представляло собой территорию русско-ордынского пограничья. В левобережье располагалась сеть русских укрепленных поселений, ядро которых составляли крепость Курмыш и его сельская округа. В правобережье до настоящего времени не было известно ни одного укрепленного поселения, свидетельствующего о русской колонизации Присурья. Материалы нового городища раскрывают особенности этнокультурного взаимодействия русских с местными финно-угорскими и тюркоязычными племенами.

Ключевые слова: археология, Средневековье, городище, керамика, этнокультурный состав населения, пограничная территория, русская колонизация.

У д. Козловка Персилановского сельского поселения Ядринского района археологической экспедицией Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 2016 г. найдено новое городище. Оно расположено на длинном мысу правого берега р. Сура. Внутренняя площадка городища от начала вала до окончания мыса составляет около 200 м. Система укреплений представлена единственным напольным валом длиной 80 м и шириной от 8 до 22 м. Он имеет дугообразную форму и сильно оплыл. С внешней стороны вала имеется широкая площадка с жилищными западинами (рис. 1).

Примечание: экспедиция проводилась на основании Открытого листа №1977, выданного М.И. Федулову. В состав экспедиции входили С.А. Семёнов и А.В. Волков.

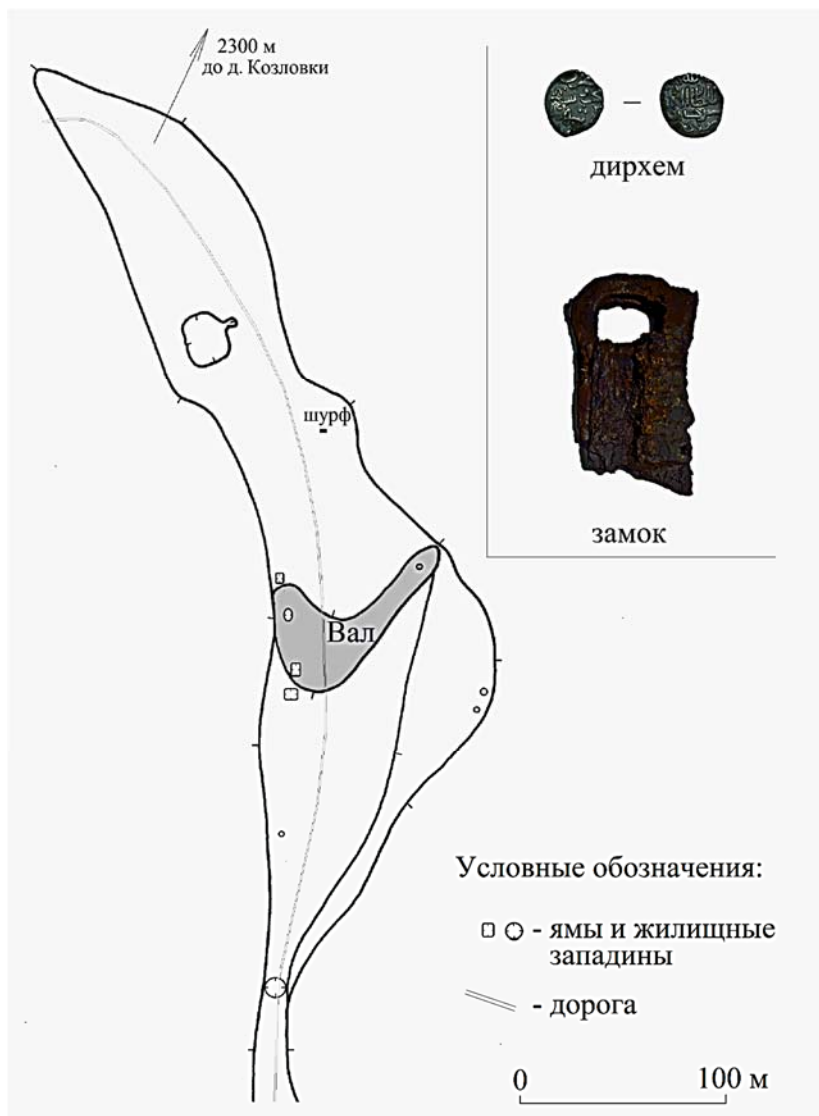

Рис. 1. План городища и находки

Памятник долгое время грабится «чёрными копателями», о чём свидетельствует множество не закопанных ям. В выкидах грабительских ям собран многочисленный керамический материал, куски обожженной глины, пережженные кости и металлические

предметы (монета, ножи, гвозди, серп, строительные скобы, цилиндрические замки и др.).

На городище зафиксировано множество ям, часть из которых отнесена к жилищным и хозяйственным постройкам. Наибольший интерес представляет жилищная яма на мысу. В ней обнаружен развал из каменных (природных) плит. Находка крицы свидетельствует о наличии здесь металлургического производства.

На площадке городища был заложен шурф (2 кв. м), который выявил наличие культурного слоя мощностью 40–60 см.

Среди керамики выделяется несколько типов:

1. Лепная (ранний железный век).

2. Лепная (условно определена как средневековая финно-угорская).

3. Гончарная финно-угорская посуда с примесью шамота, соответствующая керамической группе, выделенной по поселению Курмыш-4 [1]. После детального анализа она возможно будет определена как «славяноидная».

4. Гончарная русская посуда XIII – начала XV вв. с примесью средне- или крупнозернистого песка и «трёхслойным» обжигом. Посуда характерна для русских поселений Нижегородского Поволжья.

Датирующим материалом служит монета и цилиндрические замки. В шурфе найден серебряный дирхем султана Абдалах-хана (чекан в Янги-шехре ал-Махруса), отчеканенный в 1360-е гг. Замки датируются XIII–XV вв. Предварительно памятник датируется XIV в. и имеет исключительное значение для исследования процессов этнокультурного взаимодействия на территории Чувашского Присурья в золотоордынский период. Очевидна хронологическая и культурная близость материалов с памятниками Нижегородского Присурья (поселение Курмыш-4) [2; 3].

Список литературы

1. Грибов Н.Н. На границе Болгарского улуса Золотой Орды: поселение Курмыш-4 / Н.Н. Грибов, Ф.А. Ахметгалин // Проблемы археологии и истории Татарстана: Сб. ст. – Вып. 3. – Казань, 2012. – С. 66–76.

2. Грибов Н.Н. Об освоении Присурья в эпоху Золотой Орды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/gribov.htm?>

3. Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Науч.-педагог. наследие В.Ф. Каховского и пробл. истор. и археол. Кн. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 104–114.

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ВОЛГО- УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Алметева Ирина Витальевна

канд. ист. наук, доцент

Иванов Ананий Герасимович

д-р ист. наук, профессор

Филонов Александр Анатольевич

канд. ист. наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ МАРИЙСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: на широкой базе документальных материалов в целостном виде в статье раскрывается система оплаты труда сельских учителей Марийского края в конце XIX – начале XX вв. Материальное положение сельских учителей во многом зависело от типа учебного заведения, в котором он работал, а также от педагогического образования и стажа работы.

Ключевые слова: Марийский край, сельские учителя, жалование, пенсионная касса, квартирные деньги.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Марий Эл. Проект №16-11-12002 «Марийская школа во второй половине XIX – начале XX веков: исторический опыт».

Материальное положение сельских учителей является малоисследованной проблемой отечественной историографии. Вместе с тем, рассмотрение этого вопроса позволит определить уровень жизни, социальный статус дореволюционного учительства. Опираясь на архивные и опубликованные материалы попытаемся показать на примере Марийского края каково же было положение сельских учителей.

Система начального школьного образования в Марийском крае сложилась во второй половине XIX – начале XX вв., включавшей

начальные школы светского (земские, воскресно-повторительные классы, училища Министерства народного просвещения, начального профессионального) и духовного (церковно-приходские, миссионерские, «братские», монастырские, школы грамоты) ведомств.

Первоначально в начальных сельских школах в основном преподавали местные священнослужители, однако со временем в школы стали привлекаться специально подготовленные педагогические кадры. Во второй половине XIX в. в штате каждого училища состоял законоучитель и учитель. В 1891 г. Министерством народного просвещения были составлены «Новые правила о числе преподавателей» в каждом училище. Этими правилами было установлено, что в каждом одноклассном начальном училище полагался один законоучитель и один учитель. При числе учащихся свыше 40 человек можно было открывать параллельный класс с особым учителем, но с общим законоучителем для основного и параллельного класса. При числе учащихся свыше 80 человек разрешался второй параллельный класс с особым учителем и с назначением второго законоучителя. При числе учащихся свыше 120 человек – третий параллельный класс с особым учителем, но без третьего законоучителя. Эти правила оказались малопригодными для сельской местности, где большинство училищных помещений находилось в небольших крестьянских избах, которые не располагали помещениями для дополнительного класса. Строить или нанимать другие помещения было невыгодно, поэтому введение новых должностей помощников и помощниц учителей, с определением им жалования по 180 руб. в год, казался выгодным выходом из затруднительного положения. Между тем, по свидетельствам современников на эти должности поступали мало или совсем неподготовленные лица. Поэтому был поставлен вопрос о замене помощников и помощниц учителей вторыми учителями и учительницами, которые имели педагогическое образование и становились полноправными учителями. В начале XX в. должности вторых учителей появились во всех уездах Марийского края [4, л. 136–136 об].

Интересно посмотреть изменения в оплате труда учителей. В 60-е гг. XIX в. в Козьмодемьянском уезде наставники сельских приходских училищ получали 100 руб. оклада и 40 руб. премии в год, а наставники сельских школ обучали бесплатно. В Царевококшайском

уезде из 12 законоучителей, пять не получали никакого вознаграждения «по не назначению для того денег обществами», остальные – от 40 до 75 руб. Учителя зарабатывали от 100 до 150 руб. В Яранском уезде они получали 150 руб. [5, л. 45–45 об; 17, л. 60–64; 19, с. 31].

С целью улучшения качества преподавательского корпуса, удержания хороших работников с 70-х гг. XIX в. земствами были повышены оклады жалования. Так, на заседании Яранского уездного земства 17 сентября 1872 г. принято решение увеличить заработную плату с будущего года учителям и учительницам земских училищ до 250 руб., а если преподавали закон божий – 300 руб., помощникам – 150 руб., и только законоучителям собрание определило вознаграждение поурочно: по 25 коп. за урок. В тех же целях земским собранием от 6 октября 1874 г. преподавателям были установлены две периодические прибавки, по 30 руб. через каждые три года службы, при этом им зачитывалась и прежняя служба, а с 1879 г. право на получение прибавок распространилось и на помощников.

Для привлечения высококвалифицированных преподавателей Козьмодемьянское земство в 1878–1879 учебном году также повысило оклад жалования до 240 руб. Эти меры дали свои положительные результаты. Так попечитель земских школ Козьмодемьянского уезда М.А. Рождественский сообщал: «Своим обеспечением земство привлекло в училища учителей и учительниц, способных и трудолюбивых, которые своею деятельностью привлекли множество учащихся и дали большой ход народному развитию» [2, с. 136]. Как известно, священники являлись законоучителями в нескольких училищах своего прихода, поэтому в конце XIX в. было принято решение назначить им деньги на «прогоны», т.е. проезды: если училище находилось в 5 верстах от местожительства – 10 руб., а свыше 5 верст – 15 руб. [24, с. 17, 80, 95; 2, с. 135–138].

В Царевококшайском уезде в 90-е гг. XIX в. размер высшего оклада составлял 240 руб. [3, л. 49] Наивысший оклад в Козьмодемьянском уезде за это время составлял 300 руб. [15, л. 153 об.] В школах братства святителя Гурия священники учение вели безвозмездно, а учащие получали жалование 90 руб. в год, размер которого был увеличен в начале XX в. до 120 руб. В церковно-приходских школах и школах грамоты в месяц выплачивали по 20 рублей [4, л. 136–136 об.]. Учителя и учительницы двухклассных училищ

в конце XIX в. получали жалование 400 руб. в год, помощники и помощницы – 200 руб. в год, но не получали прибавок [24, с. 80].

В начале XX в. преподавателям с педагогическим образованием была увеличена зарплата. При определении на службу в 1902 г. все учителя и учительницы, без различия полученного ими образования, получали 240 руб. в год, кроме того, те из них, которые не имели при училищах квартир, получали 36 руб. квартирных в год [7, л. 82 об; 6, л. 91]. Через пять лет службы учителя и учительницы, получившие педагогическое образование, получали прибавку в размере 60 руб., т.е. оклад в 300 руб., лица же, не имеющие специального педагогического образования, получали прибавку в размере 30 руб., т.е. оклад в 270 руб. По истечении второго пятилетия, преподаватели первой категории получали прибавку в 60 руб., оклад в 360 руб., лица второй категории – 30 руб., соответственно оклад – 300 руб. Последние оклады считались «предельными». Законоучителя получали 60 руб. С 1 января 1903 г. нормы окладов были изменены: при определении на службу учащие с педагогическим образованием сразу получали оклад в 300 руб., со средним образованием и имеющим лишь свидетельства на звание учителя – 240 руб. в год. По прошествии пяти лет все учителя и учительницы получали прибавку в 60 руб., и преподаватели первой категории получали оклад в 360 руб., второй – 300 руб., еще через пять лет, прибавка увеличивалась на 60 руб., таким образом, лица первой категории получали 420 руб., а второй – 360 руб. [25, с. 125–126] Кроме того, преподаватели земских училищ получали квартирные деньги: в Козьмодемьянском уезде – 36 руб., в Царевококшайском уезде – 24 руб. в год.

По данным однодневной переписи начальных школ 18 января 1911 г. оплата народных учителей в среднем для городских учителей составляла 528 руб. в год, для учительниц – 447 руб., для сельских учителей – 343 руб., учительниц – 340 руб. [23, с. 69] Учитель с высшим образованием в средних учебных заведениях получал первоначальный оклад 900 руб. в год, после четырех пятилетних прибавок по 400 руб. мог довести за 20 лет свой оклад до 2500 руб., без высшего образования – 750 руб., мог довести его через 20 лет до 1550 руб. [23, с. 62].

Согласно IV отделу закона от 7 июля 1913 г. «о дополнительном отпуске средств из Государственного казначейства 10000000 руб.

на нужды начального образования» преподавателям начальных училищ, входивших в школьную сеть, назначались из средств казначейства прибавки к основному окладу в размере 60 руб. за первые четыре пятилетия работы в начальных училищах. По выслуге 5 лет получали 420 руб. в год (360 руб. основного оклада и 60 руб. прибавка), 10 лет – 480 руб., 15 лет – 540 руб., 20 лет – 600 руб. Необходимо отметить, что до этого указа прибавки выдавали уездные земства. Козьмодемьянское земство сохранило прибавку тем учителям и учительницам, которые прослужили в уезде 20 и более лет. Учителя и учительницы, замещавшие учителей, призванных на действительную военную службу, получали 30 руб. в месяц из сумм земского сбора с возмещением их из казенного кредита [9, л. 60–60об.].

Между тем, инспектор народных училищ Козьмодемьянского уезда А. Жеребцов отмечал высокий уровень работы преподавателей, не имевших специального педагогического образования: «... даже из лиц, не получивших специальной педагогической подготовки, благодаря одушевляющей любви к делу и детям, а также усердию и старанию, с которыми они относились к исполнению своих сложных и важных обязанностей, заслуживают полного одобрения». Поэтому было решено, с целью поощрения, для таких преподавателей учредить специальные единовременные денежные награды. От Министерства народного просвещения выдавались они в виде единовременных пособий в размере от 10 до 50 руб. [1, с. 179].

По закону от 27 июня 1916 г. прибавки с 1 января 1917 г. должны были выдавать всем преподавателям, которые проработали 5 лет, вне зависимости от ведомственной принадлежности учебного заведения. По причине удорожания жизни со счета казны всем учителям и учительницам с 1 января 1916 г. выдавалось дополнительное содержание по 10 руб. в месяц [16, л. 116; 18, л. 221].

Давайте сравним оплату учителя со средней зарплатой других профессий. В начале XX в. начальники отдельных железнодорожных линий получали 12–15 тыс. руб., начальники телеграфа – 3300–4800 тыс. руб., инженеры чиновники – 4–8 тыс. руб., земский врач, совмещавший все медицинские специальности – 1200–1500 руб., индустриальные рабочие по разным отраслям – от 156 до

400 руб., наемная прислуга в г. Царевококшайске – от 5 до 8 руб. в месяц, наемная плата чернорабочим – 30–60 коп. в сутки мужчине и 20–40 коп. женщине [22, с. 121; 23, с. 37–38, 51].

В 1915 г. в Козьмодемьянске хлеб ржаной стоил 3 ½ коп. за фунт, хлеб пшеничный 1-й сорт – 7 коп., мясо 1-й сорт – 22 коп., телятина 1-й сорт – 20 коп., свинина – 20 коп., масло сливочное – 70 коп., масло подсолнечное – 16 коп., гречневая крупа – 8 ½ коп., пшенная крупа – 7 коп., соль – 1 ½ коп., сахар – 18 коп., картофель – 21 коп., яйца за 10 штук – 20 коп [21, с. 444–445] Соответственно молодой учитель, поступив в сельскую школу, получал оплату 30 руб. в месяц. На эти деньги он мог купить (или – или) 428,6 фунтов пшеничного хлеба, 150 фунта мяса, 42,8 фунта масла сливочного, 353 фунта гречневой крупы, 166,7 фунтов сахара, 1500 яиц. Получается, что даже начинающий педагог мог вести достойный уровень жизни, не говоря о тех педагогах, которые, имея стаж и образование, получали в 1,5–2 раза больше него.

Все преподаватели начальных училищ Министерства народного просвещения с 1911 г. обязаны были вступить в пенсионную кассу по указу от 12 июня 1900 г., «с изменениями, впоследствии на основании утвержденных 3 марта 1903 г. и 19 апреля 1904 г. мнений Государственного совета и законов 15 января и 1 июня 1910 г.» [14, л. 134–143]. Пенсионная касса имела целью обеспечить участников кассы и их семейства пенсиями. Участники кассы делились на обязательных участников (все учителя и учительницы начальных училищ всякого наименования, которые содержались по смете Министерства народного просвещения на средства государственного казначейства, содержались земскими и городскими учреждениями, учителя и учительницы приходских, по уставу 1828 г.) и добровольных участников (могли быть лица, которые не являлись обязательными участниками).

Средства кассы состояли из обязательных вычетов с участников кассы, пособий из средств казны, доходов с принадлежащих кассе капиталов и имуществ, добровольных пожертвований, завещаний в пользу казны и др. случайных поступлений. Вычеты же производились с обязательных участников на личные счета ежемесячно в размере 6%, а с добровольных участников – 12% месячного содержания, из которых только половина зачислялась на личный счет.

Ежегодно из доходов с капитала кассы причислялось 4% к фондам участников и вдовьему.

Капиталы кассы относились к специальным средствам Министерства народного просвещения и подразделялись на четыре фонда: 1) фонд участников, 2) вдовый фонд, который обеспечивал пенсией жен и вдов участников и пенсионеров, 3) сиротский фонд обеспечивал пенсией детей участников и пенсионеров, 4) запасной фонд, предназначался для ликвидации возникавших дефицитов и др. расходов, определенных в статьях 26, 35, 42, 50 и 53. Пенсии могли получить сами участники и члены их семейства. Размер пенсии участника, как обыкновенной, так и усиленной определялся выслугой лет.

Право на обыкновенную пенсию имели лица, оставившие службу дееспособными к труду и прослужили в должности учителей не менее 15 лет, а также те учителя и учительницы, которые находились на преподавательской должности и имели выслугу не менее 25 лет.

Право на усиленные пенсии имели лица, оставившие службу неспособными к труду, если они состояли на должности преподавателя начального училища не менее 5 лет. Неспособными к труду признавались лица, которые тяжело болели, получили увечья и не могли не только продолжать службу преподавателя, но жить своим трудом. Если участник кассы оставлял службу способным к труду, но состоял в ней менее 2 лет, то он никакие суммы от кассы не получал. Если вышеназванные лица, состояли участниками кассы более 2 лет., но менее 10 лет, то им разрешалось выдать суммы из их личных счетов, куда входили проценты из четырех годовых. Тем, кто состоял в пенсионной кассе более 10 лет, выдавались собственные взносы и 25%, более 11 лет – 40%, 12 лет – 59%, 13 лет – 75%, от 14 лет до 15 лет – 85% годовых. Дети тех участников, которые получали усиленную пенсию имели право получать при жизни родителей. Муж участницы кассы имел право на пенсию после ее смерти, если неизлечимая болезнь или увечье не дают возможность жить своим трудом и не имеет никакого другого пенсионного обеспечения. Дети, родители которых оба были участниками кассы, могли получать пенсию отца при желании матери, которая продолжала состоять участницей пенсионной кассы.

Выплата пенсий участникам кассы, так и членам их семейства прекращалась при следующих обстоятельствах: за смертью пенсионера или пенсионерки; пострижением в монашество; лишением всех прав состояния; «безвестным отсутствием»; излечением от болезни, по случаю которой выдавалась пенсия; выход в замужество для дочерей и вдов; по достижении детей 18 летнего возраста, а если они учились, то до 19 лет; детям-инвалидам по достижении 20 лет.

Преподаватели начальных училищ Марийского края к 1 января 1911 г. вошли в состав пенсионной кассы и им была зачтена прежняя учительская служба. С декабря 1910 г. были прекращены вычеты в земскую пенсионную кассу.

В начале XX в. земства выдавали пособия бывшим преподавателям, уволившимся по болезни. Размер пособий был неодинаков и составлял сумму от 60 до 180 руб. в год [8, л. 17 об., 62–62 об.].

В некоторых уездах существовало поощрение в виде выдачи учащим за каждого выпускника. Так, в Яранском уезде до 1885 г. за окончившего курс учения ученика и ученицу уездное земство давало 20 руб., а после – только за окончившего мальчика как «окончившем со льготой по воинской повинности». В Козьмодемьянском уезде в 1880 г. за каждого окончившего курс мальчика и девочку выдавали преподавателям по 4 руб. [12, л. 215–215 об; 20, с. 88–89].

При неимении квартир при училищах земства выдавали «квартирные деньги». В начале XX в., в годы вздорожания цен на наем помещений, некоторые земства увеличили выдаваемые суммы на наем квартир. Например, Царевококшайское земство с 1916 г. вместо 3 руб. в месяц стало выдавать преподавателям 5 руб. для оплаты квартир, отопления и освещения. В 1915 г. из 124 преподавателей Царевококшайского земства пользовались квартирами 82 (66%), получали «квартирные деньги» 42 (34%) преподавателя [11, л. 190–191 об.; 26, с. 20, 350].

Таким образом, материальное положение сельских учителей во многом зависел от типа учебного заведения, в котором он работал, а также от педагогического образования и стажа работы. В поддержании материального статуса учителей большую роль сыграли земства, в начале XX в. помощь начинает исходить и от государства, с 1911 г. учителя начальных школ получают право на пенсионное обеспечение. Несмотря на то, что учителя начальных школ

получали оплату меньше чем в других учебных заведениях, они могли позволить себе достойный уровень жизни и престиж профессии был достаточно высок.

Список литературы

1. Алметева И.В. История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков / И.В. Алметева. – Йошкар-Ола, 2006.
2. Алметева И.В. Учительские кадры марийских школ во второй половине XIX – начале XX в. / И.В. Алметева // Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секция исторических и педагогических наук). – Саранск, 2000.
3. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 18. Оп. 1. Д. 388.
4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 18. Оп. 1. Д. 406.
5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 18. Оп. 1. Д. 57.
6. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 18. Оп. 1. Д. 619.
7. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1060.
8. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1178.
9. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1550.
10. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1557.
11. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1745.
12. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 440а.
13. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1145.
14. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 57. Оп. 1. Д. 113.
15. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 57. Оп. 1. Д. 933.
16. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27.
17. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 28.
18. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 57. Оп. 1. Д. 158.
19. Журналы Уржумского уездного земского собрания за 1869 г. – Казань, 1870.
20. Журналы Яранского уездного земского собрания XIX очередной сессии (1885 года) с докладами уездной управы и другими приложениями. – Вятка, 1886.
21. Иванов, А.Г. Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начала XX вв.) / А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 2013.
22. Йошкар-Оле – 420 лет (1584–2004). – Йошкар-Ола, 2004.
23. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1981.
24. Обзор деятельности Яранского уездного земства по отделам народному образованию, медицине и раскладке. Со времени введения земства 1867–1912 гг. Из дипломного сочинения П.Ф. Лыскова. – Яранск, 1914.
25. Отчет Козмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го сентября 1902 г. по 1-е сентября 1903 г. – Козмодемьянск, 1904.
26. Постановления 51-го очередного Царевококшайского уездного земского собрания, состоявшегося 29 ноября – 4 декабря 1915 г. – Яранск, 1916.

Воробьева Елена Евгеньевна

канд. ист. наук, доцент

Михайлова Ксения Вячеславовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ XVIII–XIX вв. О ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ МАРИ

Аннотация: данная статья посвящена анализу исследований языческих верований мари иностранными путешественниками XVIII–XIX вв. В работе рассмотрено влияние заметок путешественников XVIII в. на формирование научного направления в изучении традиционной культуры малых народов Поволжья в XIX в.

Ключевые слова: Марийский край, мари, язычество, верования, зарубежные путешественники, XVIII–XIX вв.

Финно-угорский народ, к числу которых относится и марийский, всегда привлекал внимание зарубежных исследователей. Поэтому, значительный вклад в этнологию народа мари внесли финские и эстонские ученые к их числу принадлежат труды (Сигизмунда Герберштейна, А. Шегрена и М. Кастрена), а также и немецкие (Адама Олеария, Г.Ф. Миллера, И.Г. Георги). Мы остановимся более подробно на исследованиях некоторых из них.

Одним из ведущих исследователей языческих верований марийцев был Герард Фридрих Миллер (1705–1783 гг.) – историк, археограф. В своей работе «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, як то черемис, чуваш и вотяков. 1791 г.» Г.Ф. Миллер посвящает языческим верованиям мари целый раздел: «О вымышленном их языческом законе и о принадлежащих к тому обрядов» [1, с. 75]. При этом исследователь отмечает: «Во-первых, они верят, что есть бог, который, хотя на небе пребывает, токмо во все человеческие дела на земли смотрит. Он им не токмо ниспосылает всякое добро, но и отвращает всякое зло. И того ради достойно есть ему поклоняться. Второе: верят, что есть диавол, который жилище свое имеет в воде и делает им всякое зло и оскорбление. И чтоб избавиться от его наветов, причину они имеют также молиться богу. И чтоб избавиться от его наветов, причину они имеют

также молиться богу. Третье: что они грехами своими бога прогневляют и за это долженствует ожидать себе наказания, ежели они его не умолят. Четвертое и последнее: что бох тех, которые его с молением прося, в грехах прощает и которых любит, всяким изобилием в сем житии награждает. Кроме вышеописанного, они более ничего не знают, так что и будущей вечной муке и воздаянию быть нимало не верят» [1, с. 74].

Г.Ф. Миллер сообщает много интересного и о роще Керемета, дает полное ее описание, о наличии общественных и личных жертвенников, посвященных Керемету. В частности, исследователь пишет: «...у черемис Юма есть тот же, что в древние времена у финнов Юмала. Нет у них никаких молитвенных домов. Они отправляют свои молитвенные приношения в своих домах или на непокрытом месте, а по большей части в отдельных лесах» [1, с. 79]. Следует отметить, что описанные Г.Ф. Миллером «непокрытые места» у марийцев были выбраны их предками еще в древности как счастливые места на земле. При этом, обряды, ритуалы, проводимые в священных рощах, всегда сопровождалась культовой трапезой, на которой, слушая человеческие просьбы, незримо «присутствуют» сверхъестественные силы. Хозяином в большинстве рощ считается Керемет – Кусо, которому посвящалась игра на гусях («кусле», «кантеле»). Вероятно, отсюда происходит еще одно название священной рощи – «кусӧто».

Несмотря на фрагментарность упоминаний Г.Ф. Миллер представляет сведения по культуре растительности у марийцев, называя дуб и березу деревьями «которых они паче прочих дерев чести имеют» [1, с. 20].

Довольно подробно автор останавливается на порядке жертвоприношения, сообщает о жертвах, среди которых «...наипаче бывают лошади, быки, коровы и овцы...» [1, с. 20].

Г.Ф. Миллер обратил внимание так же на то, что в силу своей привязанности к земле, лесу, воде марийцы не приживались в городах и не стремились строить крепости. С данным высказыванием соглашается другой немецкий путешественник, этнограф, натуралист и академик Петербургской Академии наук Иоганн Готлиб Георги (1729–1802 гг.), который отмечает: «В городах они никогда не живут» [3, с. 14].

Ценность труда И.Г. Георги заключается в том, что он не просто описывает порядок жертвоприношения, приводит список жертв, а повествует о различных жертвенниках марийцев от семейных до общих. В частности, И.Г. Георги характеризует такое божество как «вадыш», указывая на его двойственность: «... лучших называют ведашами и присваивают им повелительную над лесами, зверями и птицами власть; ... думают также, что они могут звериные промыслы делать удачными и несчастными» [3, с. 14].

В результате, в работах Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги зафиксированы различные стороны быта и культуры местного населения.

С середины XIX в. интерес к изучению языческих верований мари продолжается. При этом, исследователи особое внимание уделяют отражению языческого мировоззрения в традиционных праздниках и обрядах.

Так, Х. Паасонен, известный финский языковед, имея возможность лично присутствовать и воочию наблюдать некоторые праздники и сопровождающие их обряды, например, праздник пашни (Ага пайрем), праздник духов холода (Покшым кугыза ден Покшым куван пайремышт), праздник летнего жертвоприношения (Кусо), собрал подробный и ценный материал о праздниках и обрядах мари [2, с. 34]. При этом, исследователь, описывая по отдельности каждый из праздников, уделил большое место показу ритуалов жертвоприношений и рассмотрению марийских богов. Им дан текстовый материал молитв, произносимых во время религиозных праздничных церемоний.

Х. Паасонен характеризуя праздники, разделил их по степени значимости на 3 группы. В первую он включил наиболее чтимый восточными марийцами праздник Кусо – «большой жертвенный праздник». Вторую группу составляют «жертвенные праздники, празднуемые отдельными деревенскими общинами» – Ага пайрем, праздник духов холода, Шурно йыр (праздник процветания урожая), Мукш йыр (жертвенный праздник, посвященный пчелам), Мланде йыр (праздник жертвоприношения земле), имеющие хозяйственное значение, связанные с сельскохозяйственным трудом крестьян. В третью группу вошли праздники Кугече (Великий день, Пасха) Шорыкйол (Овечья нога, Рождество), являющиеся также важными в хозяйственной и духовной жизни марийцев [2, с. 34].

Значительный вклад в исследование праздничной обрядности и религиозных верований внес У. Хольмберг [4, с. 42]. Считая, что праздники нельзя изучить изолированно один от другого, У. Хольмберг в полном объеме показал традиционные праздники и обряды, начиная с зимнего Шорыкйол и кончая Угинде (праздник нового урожая), раскрыв духовный мир марийцев и высказав интересные предположения по религиозным воззрениям народа.

Таким образом, благодаря любительским изысканиям С. Герберштейна, А. Олеария, Г.Ф. Миллера И.Г. Георги А. Шегрена и М. Кастрена, впервые мир познакомился с бытом и культурой местного населения. Собранные ими сведения не только помогают воссоздать картину праздничной жизни различных этнографических и локальных групп марийцев, поднять духовную жизнь народа, его этнокультурные особенности, служат своеобразным источником в изучении народных традиций, обрядов и обычаев. А также это послужило основанием для формирования и развития научного исследования традиционной культуры малых народов Поволжья в XIX в.

Список литературы

1. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии народов, яко-то: черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – С. 9–10.
2. Смагина Г.И. Немецкие ученые и Российская академия наук // Немцы в России: российско-немецкий диалог: Сб. ст. / Отв. ред. Г.И Смагина. – СПб., 2001. – С. 60–75.
3. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799.
4. Хольмберг У. Религии черемис // НРФ МарНИИ. – Оп. 1. Д. 92. Л. 17–18.

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.21661/r-116147

РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация: впервые на основе опубликованных и архивных материалов представляется вклад потребительской кооперации в снабжение селян Чувашии культтоварами, книгами, различной печатной продукцией, в изменение культуры потребления, а также в обеспечение культурно-бытовыми услугами.

Ключевые слова: потребительская кооперация, организация общественного питания, товары культурного обихода, культурно-бытовое обслуживание населения.

Потребительская кооперация продолжает оставаться предметом изучения историков, экономистов, обществоведов. В работах рассматриваются различные стороны ее деятельности: торговая, заготовительная, организация общественного питания, выпуск товарной продукции, вклад в развитие социальной инфраструктуры на селе в различные исторические отрезки истории нашей республики [1–3]. В данной статье мы решили обратиться к изучению роли потребкооперации в повышении культурного уровня сельских жителей Чувашии в послевоенные годы. Как правило послевоенный период ограничивается 1945–1952 (1953) гг. [4]. Нами же в качестве крайней хронологической границы выбран 1954 г., в связи с тем, что именно за этот год у нас имеются подробные цифровые отчеты, позволяющие провести сравнения и сделать выводы.

Начиная с 1935 г. деятельность потребкооперации была сосредоточена на торговом обслуживании жителей деревень, рабочих поселков и небольших городов. Тем самым снабжение сельских жителей различными товарами производилось почти полностью системой потребительской кооперации. В годы Великой Отечественной войны в общем торговом обороте потребкооперации

резко возросла доля продовольственных товаров, а в ней место водки и водочных изделий, которые заняли 60% всего торгового оборота потребительских обществ по продовольственным товарам [6, оп. 17 А., д. 1, л. 140]. Перед работниками потребкооперации в послевоенные годы встала в первую очередь задача изменения сложившейся ситуации. К 1949 г. доля продовольственных товаров снизилась до 47,5%, место водки и водочных изделий – до 18,12% [6, оп. 17А, д. 1, л. 141].

Изменения претерпевает культура потребления продовольственных товаров, по своему многообразию все больше и больше приближаясь к довоенному времени. В магазинах потребкооперации вновь стали продаваться макаронные и колбасные изделия, консервы, овощи и фрукты. По сравнению с 1944 г. увеличился удельный вес кондитерских и хлебобулочных изделий, рыбы в общем объеме продовольственных товаров.

Кооператоры заботились и о реформировании в целом торговой сети, поднятии культурного уровня торговли. К началу 1950 г. число торговых предприятий достигло уровня 1940 г. Причем в республике появились такие специализированные магазины, как продовольственные, хозяйственные и магазины, занимающиеся торговлей культурно-бытовых товаров [6, оп. 15. д. 768, л. 43]. В данных магазинах специализированный товар был представлен значительно шире, чем в деревенских лавках.

Условия мирной жизни увеличили потребности сельских жителей в промышленных товарах. В то же время сокращаются военные заказы промышленных предприятий, что позволяет им больше отправлять своей продукции государственной и кооперативной торговле. Кардинальным образом меняется ассортимент потребительских товаров, реализуемых в торговой сети кооперации на селе. Становятся востребованными шелковые и льняные ткани, мебель, фарфоровая и фаянсовая посуда, разнообразная обувь, чулочно-носочные изделия, головные уборы, возрастает спрос на швейные изделия.

Потребительская кооперация оказывала влияние на поднятие культурного уровня селян внедрением в быт населения товаров культурного обихода. Следует отметить, что улучшение благосостояния колхозного крестьянства и сельской интеллигенции, повышение их культурного уровня в свою очередь также увеличивали спрос на культтовары. Так, в 1950–1954 гг. были реализованы

14798 радиоприемников вместо 1315 – в 1946–1949 гг., книг на 4728 тыс. руб. вместо 2144 тыс. руб. в 1946–1949 гг. [6, оп. 15, д. 768, л. 44]. Наибольшее количество этих товаров было продано в 1954 г. Выступая с отчетным докладом на IV съезде потребительской кооперации Чувашской АССР 13 мая 1954 г., председатель правления Чувашпотребсоюза А.С. Балашов с удовлетворением отмечал значительный рост спроса на культтовары, товары производственного назначения, домашнего обихода; велосипеды, телевизоры, радиоприемники, швейные машины, строительные материалы [7, с. 128]. В 1953 г. план по реализации музыкальных инструментов был выполнен на 112,6%, печатных изданий – на 181,5%, радиотоваров – на 188% [6, оп. 18, д. 4, л. 118].

Заботясь о культурно-бытовом обслуживании сельских жителей, потребкооперацией в 1948 г. были открыты 9 парикмахерских и 3 фотографии.

На потребкооперацию было также возложена организация общественного питания на селе. Отмена карточной системы в декабре 1947 г. явилась сильнейшим стимулом в развитии системы общественного питания потребительской кооперации. Только в 1948 г. в Чувашии открылись 35 различных заведений общественного питания, и их общее число достигло 109, причем планом предусматривалось появление только 15 единиц. Однако, план оборота по общественному питанию Чувашпотребсоюз выполнил только на 65,2%, в то время как предыдущий год был закончен с превышением плановых показателей [6, оп. 19, д. 4, л. 335]. В 1949 г. сложную ситуацию, сложившуюся в общественном питании потребительской кооперации, удалось улучшить: план оборота был выполнен на 92,9%, а в 1950 г. – даже перевыполнен на 1,3% [6, оп. 15, д. 296, л. 12, д. 368, л. 9]. Но и в последующие годы не всегда кооперации удавалось выполнять плановые задания, нарекания вызывала культура обслуживания посетителей, ассортимент предлагаемых блюд. Так, что кооператорам требовалось еще наладить нормальную работу столовых, чайных, закусовых.

Таким образом, потребительская кооперация вносила свой мощный вклад в повышение культурного уровня сельских жителей Чувашии путем постоянно расширяющейся реализации культурно-просветительских товаров, постепенно изменяя культуру потребления продовольственных товаров.

Список литературы

1. Мастеров В.М. Производственная деятельность потребительской кооперации Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – 52 с.
2. Потребительская кооперация Чувашской АССР. 1920–1990 гг. – Чебоксары, 1990. – 53 с.
3. Федорова А.С. Потребительская кооперация – один из важнейших элементов АПК региона // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная Году земледельца в Чувашской Республике. – Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. – С. 357–360.
4. История Чувашии новейшего времени. Кн. 2. 1945–2005. – Чебоксары: Чуваш. книж. изд., 2009. – 397 с.
5. Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов: В 2 т. – Т. 2 / Под ред. А.Ф. Кисилева, Э.М. Щагина. – М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1998. – 448 с.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 191.
7. Потребительская кооперация Чувашии. Документы, материалы, воспоминания, фотографии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. – 431 с.

Казаков Николай Александрович

канд. геогр. наук, заведующий кафедрой

Доронина Ксения Андреевна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В ПОСЛЕДНЕЙ СХЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация: как отмечают авторы данной статьи, прогноз о численности населения Чувашской Республики, сделанный специалистами РосНИИПУрбанистики при подготовке схемы территориального планирования в 2003 году в отношении 2010 и 2020 годов, имеет невысокие шансы на исполнение.

Ключевые слова: Чувашская Республика, схема территориального планирования, прогноз численности населения.

Последняя схема территориального планирования применительно ко всей территории Чувашской Республики была выполнена

в 2003 году Санкт-Петербургским ФГУП (ныне ОАО) «РосНИПИ-Урбанистики», называлась она «Территориальная комплексная схема градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики» [1]. 30 января 2004 года её утвердили Указом президента Чувашской Республики (Н.В. Фёдоровым) №9. В указе предписывалось Кабинету Министров Чувашской Республики «руководствоваться указанной Схемой при комплексном решении вопросов социально-экономического развития республики, разработке и реализации целевых программ, схем и проектов развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур...». Несмотря на то, что на сайте Министерства строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Чувашской Республики этот документ до сих пор представлен Федеральная государственная информационная система территориального планирования его не знает.

В «Территориальной комплексной схеме градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики» представлены прогнозы, гипотезы, решения и программы по развитию экономики, численности и структуры населения, системы расселения, социального комплекса и т. п. в Чувашской Республике до 2020 года. Хотя до конца прогнозного периода ещё есть время, на дворе только 2016 год, но мы уже можем подвести некоторые итоги реализации данной схемы, в настоящей работе в той части, что касается численности населения.

Проектировщики предположили три варианта изменения численности населения Чувашской Республики в период до 2010 и 2020 годов: «пессимистический», «оптимистический» и «вероятностный». Согласно первому к 2010 году численность населения Чувашской Республики к 2010 году должна составить 1310 тыс. человек, к 2020 году – 1280 тыс. человек. По второму варианту численность населения к 2010 году должна была составить 1380 тыс. человек, а к 2020 – 1420 тыс. человек. Ну и по тому варианту, выполнение которого проектировщики считали наиболее вероятным, к 2010 году численность населения республики должна была составить 1342 тыс. человек, а к 2020 – 1350 тыс. человек.

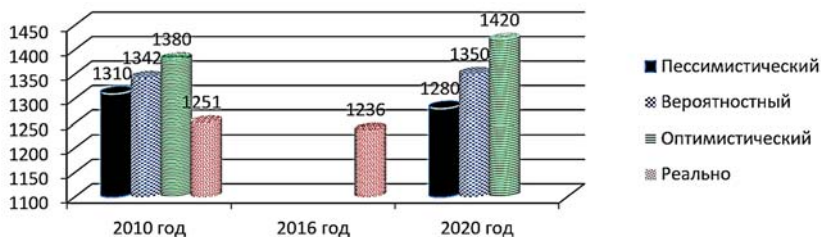

Рис. 1. Прогноз численности населения Чувашии, данный в «Территориальной комплексной схеме градостроительного планирования развития территории Чувашии» (тыс. человек)

В реальности, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года в Чувашии проживало только 1251 тыс. человек [2], т.е. меньше, чем даже в «пессимистическом» прогнозе. К 2016 году население уменьшилось до 1236 тыс. человек [3]. Так, что если к 2020 году сбудется хотя бы пессимистический прогноз проектировщиков, то это будет уже повод для радости.

Таблица 1

Прогноз численности населения в городских округах и муниципальных районах Чувашии, данный в «Территориальной комплексной схеме градостроительного планирования развития территории Чувашии» (тыс. человек)

Наименование	Сценарий прогноза			Реально	
	Пессимистический	Вероятностный	Оптимистический	2010 год	2016 год
<i>Городские округа</i>					
Чебоксарский	484,5	496,8	520,0	464,2	491,3
Новочебоксарский	124,5	126,0	130,0	124,4	125,8
Канашский	52,0	55,0	57,0	45,6	45,7
Алатырский	44,0	48,0	50,5	38,2	35,6
Шумерлинский	36,0	40,0	45,0	31,7	29,9
<i>Административные (муниципальные) районы</i>					
Алатырский	14,5	20,8	22,0	17,2	15,2
Аликовский	18,0	20,0	22,0	18,2	16,3
Батыревский	37,0	39,0	40,0	38,6	35,1
Батыревский	36,0	44,0	47,0	35,8	32,8

Этнография народов Волго-Уральского региона и региональная история

Вурнарский	26,0	28,5	30,5	26,2	23,9
Ибресинский	23,0	25,5	28,4	21,6	19,7
Козловский	37,0	42,0	43,0	39,7	36,3
Канашский	27,0	28,0	27,5	26,9	25,6
Комсомольский	16,5	18,0	19,0	16,0	14,6
Красноармейский	17,0	22,0	23,0	16,9	14,9
Красночетайский	24,0	27,0	30,2	23,9	22,7
Маринско-Посадский	33,0	36,0	37,0	34,9	33,5
Моргаушский	27,5	28,2	30,0	25,2	23,6
Урмарский	16,0	17,0	18,0	13,9	12,9
Порецкий	32,0	35,0	38,2	36,8	36,2
Цивильский	53,0	57,0	58,5	62,9	62,5
Чебоксарский	15,0	15,0	16,0	14,8	12,8
Шемуршинский	12,0	14,0	15,0	10,8	9,4
Шумерлинский	30,5	33,0	35,7	29,9	26,9
Ядринский	23,0	24,0	25,0	20,5	17,9
Яльчикский	18,0	18,0	19,0	16,4	15,2
Янтиковский					

Таблица 2

Выполнение сценариев прогноза о численности населения в городских округах и муниципальных районах Чувашской Республики, данных в «Территориальной комплексной схеме градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики» к 2016 году (%)

Наименование	«Пессимистического»	«Вероятностного»	«Оптимистического»
<i>Городские округа</i>			
Чебоксарский	101,4	98,9	94,5
Новочебоксарский	101,0	99,8	96,8
Канашский	87,9	83,1	80,2
Алатырский	80,9	74,2	70,5
Шумерлинский	83,1	74,8	66,4
<i>Административные (муниципальные) районы</i>			
Алатырский	104,8	73,1	69,1
Аликовский	90,6	81,5	74,1
Батыревский	94,9	90,0	87,8
Вурнарский	91,1	74,5	69,8
Ибресинский	91,9	83,9	78,4
Козловский	85,7	77,3	69,4

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

Канашский	98,1	86,4	84,4
Комсомольский	94,8	91,4	93,1
Красноармейский	88,5	81,1	76,8
Красночетайский	87,6	67,7	64,8
Мариинско-Посадский	94,6	84,1	75,2
Моргаушский	101,5	93,1	90,5
Урмарский	85,8	83,7	78,7
Порецкий	80,6	75,9	71,7
Цивильский	113,1	103,4	94,8
Чебоксарский	117,9	109,6	106,8
Шемуршинский	85,3	85,3	80,0
Шумерлинский	78,3	67,1	62,7
Ядринский	88,2	81,5	75,4
Яльчикский	77,8	74,6	71,6
Янтиковский	84,4	84,4	80,0

Если в целом для Чувашии шансов по достижению, указанной в схеме территориального планирования, прогнозной численности населения нет, то вот с прогнозом, сделанным в отношении отдельных административно-территориальных единиц республики, дело обстоит иначе (табл. 1 и 2, рис. 2). К настоящему времени численность населения в Чебоксарском районе превысила даже оптимистическую для 2020 года. В Цивильском районе численность населения, хотя ещё и не достигла заявленной оптимистической цифры, но вероятностный прогноз уже сбылся. В Алатырском и Моргаушском районах, Чебоксарском и Новочебоксарском городских округах численность населения превысила значения пессимистического прогноза. И для Чебоксарского, Новочебоксарского городских округов, Моргаушского, а также Батыревского и Комсомольского районов высок шанс исполниться вероятностному сценарию прогноза по численности населения. Пессимистические варианты сценария возможно подтвердятся в Ибресинском, Вурнарском, Канашском, Аликовском и Мариинско-Посадском районах. В остальных муниципальных районах и городских округах Чувашии ситуация пока обстоит хуже, чем некогда допускалось. Особенно выделяется Шумерлинский район. Проектировщики предполагали, что к 2020 году в нём будет проживать при самом негативном сценарии около 12 тыс. человек, но сегодня в нём проживает только 9,4 тысячи человек, динамика отрицательная и пока не видно возможности исправить ситуацию.

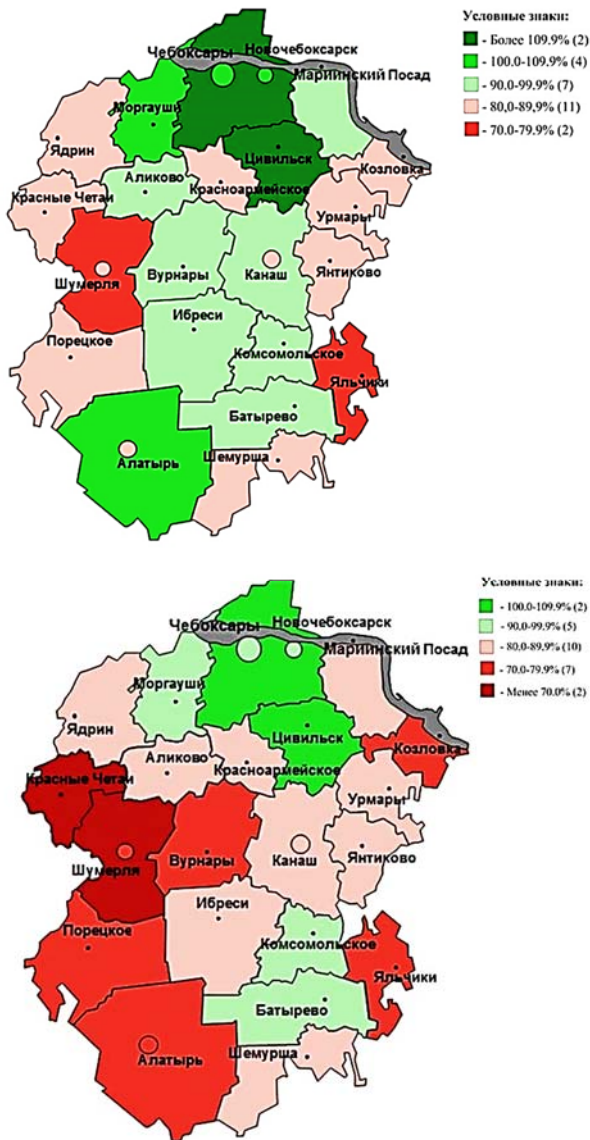

Рис. 2. Выполнение сценариев прогноза о численности населения в городских округах и муниципальных районах Чувашской Республики, данных в «Территориальной комплексной схеме градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики» к 2016 году (%) («пессимистического» и «вероятностного»)

Таким образом, прогноз о численности населения Чувашской Республики в целом и её административно территориальных единицах, сделанный специалистами РосНИИПУрбанистики при подготовке схемы территориального планирования в 2003 году в отношении 2010 и 2020 годов во многих случаях не исполнился и вряд ли исполнится. Конечно же, есть исключения, например, Цивильский район, или 11 выше перечисленных городских округов и муниципальных районов, в которых либо уже исполнился негативный сценарий прогноза, и есть шанс исполниться вероятностному, либо есть шанс исполниться негативному сценарию. В остальных муниципальных районах и городских округах республики ситуация оказалась хуже, нежели предполагалось при самом пессимистическом взгляде из 2003 года в будущее. Не смогли тогда проектировщики и разглядеть потенциал по росту численности населения в Чебоксарском муниципальном районе.

Список литературы

1. Территориальная комплексная схема градостроительного планирования развития территории Чувашской Республики. – СПб., 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=21&id=402188
2. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, населенных пунктов Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сборник / Чувашстат. – Чебоксары, 2012. – 82 с.
3. Чувашия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Чувашстат. – Чебоксары, 2016. – 220 с.

Низамеева Дилара Фаритовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ ТАТАРСКОГО НАРОДА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

***Аннотация:** сегодня в Республике Марий Эл проживают представители разных национальностей, среди которых наиболее многочисленными после мари и русских являются татары. Статья не только рассматривает основные компоненты традиционной праздничной культурой татарского народа Марий Эл, но и знакомит с наиболее почитаемыми праздниками татарского народа данного региона.*

***Ключевые слова:** Республика Марий Эл, татары, календарные праздники.*

У каждого народа есть свои национальные праздники. Татарские народные праздники восхищают чувством благодарности и почтения людей к природе, к обычаям предков, друг к другу, и как составные элементы традиционной культуры татарского народа они складывались в течение нескольких тысячелетий в процессе трудовой деятельности людей. Изучение календарных праздников татарского народа связано с актуальными проблемами современной семьи и общества, с проблемами сохранения мира, жизни, культуры на земле.

Традиционная праздничная культура татар включает в себя как религиозные, так и народные праздники, называемые «гает» или «байрам» и отмечаемые в определенное время года.

Религиозные мусульманские праздники празднуются повсеместно у всех татар республики Марий Эл. Любой религиозный праздник у татар включает в себя коллективную утреннюю молитву, в которой участвуют только мужчины. После этого они идут на кладбище и молятся возле могил своих родных и близких, а женщины в это время готовят дома праздничный обед. Все религиозные татарские праздники отмечаются по мусульманскому календарю, и месяц поста – Рамадан – является девятым месяцем мусульманского календаря. Пост в Рамадан – одна из главных обязанностей каждого мусульманина. Он предписан, чтобы укрепить мусульман в самодисциплине и точном исполнении наказов Аллаха. В течение всего светового дня (от вос-

хода солнца и до заката) запрещено есть, пить, курить, вкушать удовольствия и предаваться развлечениям [4, с. 345]. В течение дня татары обычно работают, читают молитвы, раздают милостыню.

По завершению тридцатидневного поста у всех татар отмечается праздник Ураза-байрам. С утра, отведав сладостей, все отправляются в мечеть, а вечером устраивается праздничное семейное застолье.

Через семьдесят дней после праздника Ураза-байрам в десятый день двенадцатого месяца Зуль-хиджа по мусульманскому календарю наступает самый значимый праздник – праздник жертвоприношения Курбан-байрам. Это праздник жертвоприношения в память о готовности пророке Ибрахима принести в жертву Аллаху своего сына. Данный праздник символизирует милосердие, величество Бога и то, что вера – лучшая жертва [5, с. 205].

Как правило, уже за несколько недель до праздника начинают откармливать жертвенное животное – барана, так как считается обязательным приготовить еду из мяса. Праздновать этот день начинают с раннего утра. Сначала совершают *полное омовение*, надевают чистую и праздничную одежду. Затем мусульмане идут в мечеть к утренней молитве, после чего во всех домах начинается празднование: все стараются угостить мясом как можно больше людей, особенно в деревнях в гости к друг другу ходят два-три дня подряд. Также, принято раздавать милостыню, и по традиции принято использовать треть мяса для угощения своей семьи, треть подарить беднякам, а треть раздать в качестве милостыни тем, кто просит об этом.

Прочно вошло в традицию проведение татарских народных праздников в Марий Эл, особенно в компактно заселенных пунктах проживания татар. Народные праздники татарского народа во многом зависят от сельскохозяйственного цикла. Даже названия времён года обозначаются понятием, связанным с той или иной работой: сабан өсте – весна, начало яровых; печән өсте – лето, время сенокоса. Народные праздники татар можно разделить на две неравные группы: весенне-летний и зимне-осенний циклы [1].

Календарный цикл национальных праздников и обрядов в весенне-летний период начинается с Навруза, который празднуют в день весеннего равноденствия 21 марта, он означает приход весны, пробуждение земли, надежду на богатый урожай. Ежегодно Навруз празднуют в деревне Дружино Мари-Турекского района и в столице республики городе Йошкар-Ола. Как правило праздник проходит в домах культуры, где собирается все татарское население, причем в Йошкар-Оле активное участие в праздновании Навруза принимают и

другие тюрко-язычные народы. Во время этого праздника на костре сжигают черные ленточки, означающие всё плохое, затем на кустах все желающие завязывают белые ленточки с пожеланиями удачи в наступающем году [3, с. 33]. После совершения этих обрядов проводятся различные национальные игры и танцы, а также представляется национальная кухня. По окончании праздника дети обходят дома с пожеланиями благополучия и здоровья и в ответ получают угощение от хозяев.

Через некоторое время наступает день сбора крашенных яиц – *Кызыл йоморка*. Каждый год в деревне Тат-Китня и Дружино Мари-Турекского района накануне праздника, с вечера, красят яйца – чаще всего в отваре луковой шелухи. Кроме того, в каждом доме пекут особые тестяные шарики, маленькие булочки, крендели. И рано утром дети начинают обход домов, а после сбора яиц все собираются на улице и играют в разные игры с собранными яйцами.

Вскоре после Навруза наступает пора весеннего сева – самое красивое время года, – устраивается праздник Сабантуй. Это очень красивый, добрый и мудрый праздник. Дословно «сабантуй» означает «праздник Плуга» (сабан – плуг и туй – праздник). Раньше он праздновался перед началом весенних полевых работ, в апреле, сейчас сабантуй устраивают в июне – по окончании сева. Данный праздник распространен во всех районах республики, но особенно широкое празднование проходит в Параньгинском районе. В Йошкар-Олу на Сабантуй также приезжают гости из различных районов: Моркинского, Параньгинского, Мари-Турекского. А в некоторых районах Сабантуй совмещают с марийским национальным праздником Пеледыш пайрем. В последние годы Сабантуй стал любимым праздником не только у татар, но и у других народов Марий Эл.

Празднование начинается с самого утра. Женщины надевают свои самые красивые украшения, в гривы лошадей вплетают ленточки, все наряжаются и собираются на майдане – большом лугу.

Развлечений на сабантуе великое множество. Главное – это, конечно же, национальная борьба курэш. Для победы в курэш требуется немало силы, хитрости и ловкости. Победитель курэша – абсолютный батыр – получает в награду живого барана, правда, в последнее время барана часто заменяют каким-нибудь другим ценным призом – телевизором, холодильником, стиральной машиной, а то и автомобилем. Также традиционными соревнованиями сабантуя является бой мешками с сеном верхом на бревне, бег в мешках, поход за призом по

наклонному качающемуся бревну, выжимание двухпудовой гири, карбканье по очень высокому гладкому столбу, бег с ложкой во рту, скачки, конкурсы для девушек – кто быстрее и лучше нарежет лапшу, кто больше принесет воды.

Не так давно в деревне Тат-Китня Мари-Турекского района на сабантуй начали проводить конкурс «Киленбике»: четыре невесты, недавно вышедшие замуж, показывают мастерство в приготовлении национальных блюд, в спортивных состязаниях и в оформлении гостиной. Лучшей невесте вручается узорное полотенце, вышитое вручную, причем стоимость этого полотенца приравнивается к стоимости барана [3, с. 37].

Обязательным на сабантуе является национальная кухня: можно отведать шашлык, плов, домашней лапши (лякшия), эчпочмак, бишбармак, чак-чак, балиш, прямяч. После общего сабантуя на майдане веселье продолжается в домах – и обязательно приглашают гостей.

Вторым по своей значимости праздником татарского народа республики Марий Эл после Сабантуя является Джиен – начало сенокоса. В свободное от сельскохозяйственных работ время устраиваются встречи родственников, семьи готовят угощения и устраивают праздник на природе. Сам термин «джиен» у татар с давних времен употреблялся в значении большой семьи или объединения нескольких родственных семей.

Праздник проводится в Параньгинском и Мари-Турекском районах республики. Празднование Джиен у татар этих районов отличается, поэтому их делят на три группы:

1) «тэчеген атнасы», к ней относятся жители деревень Алашайка, Куянково, Портчара, Купай, Кугенер, Кзыляр. Татарское население данных населенных пунктов собираются на лугах, украшают лошадей лентами и устраивают скачки;

2) «арбалы джиены»: жители деревень Алшан, Тоштоял, Ирнур, Портянур, п. Параньга ездят друг к другу в гости на украшенных подводах;

3) «тэрэк атнасы»: жители деревень Тат-Китня и Тат-Шолкер накрывают стол с угощениями на природе, дарят друг другу подарки [2, с. 192].

Осенне-зимний цикл в отличие от весенне-летнего не имеет четкого деления, так как не привязан к народному календарю, а точнее к земледельческому быту. Выделяются такие праздники и обряды данного сезона: Помочи – помощь при проведении особо трудных работ,

заготовке мяса, древесины. Особенно в татарских деревнях республики Марий Эл распространена обработка зарезанных гусей – каз емәсе, или «гусиные посиделки», куда приглашаются люди, а после всей работы в доме варят суп-лапшу, рисовую кашу и бляш с гусиным мясом, также после основной работы принято из гусиного пуха готовить подушки, которые служат в качестве приданого для девушек при замужестве [6].

Новый год 1 января встречается сейчас уже повсеместно у татарского населения, после которого следует праздник Нардуган (Святки). В Марий Эл он распространён у татар-кряшен, и считается у них новогодним праздником. Особым элементом этого праздника являются гадания. Например, в поселке Мариец Мари-Турекского района в новогоднюю ночь и на протяжении периода Нардуган в доме культуры активное участие в гаданиях принимают как девушки, так и юноши.

Известный всем праздник Масленица также считается одним из самых распространённых праздников у татар-кряшен и празднуется по окончании зимы.

Таким образом, календарные праздники татарского народа пронизаны идеей продолжения жизни, призывом к счастью, благополучию, долголетию, богатому урожаю и хорошему приплоду скота. Участие в праздниках представителей всех поколений символизирует тесную связь между ними в постижении народной культуры и вечное продолжение семейных уз и человеческого рода. В настоящее время в районах республики активизирована работа по возрождению татарской культуры, возникают организации и ансамбли по возрождению татарских национальных праздников и обрядов.

Список литературы

1. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманская культура Среднего Поволжья: истоки и перспективы // Ислам и проблемы межцивилизационных взаимодействий. – М., 1994. – С. 66–77.
2. Национально-культурное наследие. Татары Марий Эл. Параньга / Под ред. К.М. Миннулин, Э.Г. Ибраев, М.Х. Валиев. – Казань, 2012. – 373 с.
3. Национальные проблемы татар, проживающих в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола – Параньга, 1996. – 64 с.
4. Татары / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – М.: Н, 2001. – 583 с.
5. Чагин Г.Н. Народы Прикамья. – Пермь: Б. и., 2002. – 303 с.
6. Этнокультурная мозаика Республики Марий Эл / А.В. Муравьев. – 2-е изд. – Йошкар-Ола, 2006. – 39 с.

Петров Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕКИ У ЧУВАШЕЙ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: опека как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, берет свое начало в глубокой древности, и функционировала она долгое время по нормам обычного права. В данной работе рассматривается организация опеки у чувашей Казанской губернии по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: чувашки, обычное право, организация опеки, эволюция, итоги.

В пореформенной деревне существенное значение сохранили нормы обычного права в такой области имущественных отношений крестьян как опека. Так, в словаре С.И. Ожегова под опекой понимается наблюдение за недееспособными лицами (малолетними, душевнобольными и т. п.) и попечение об их воспитании, правах [1, с. 599]. Опека над осиротевшими детьми и слабыми хозяйствами носила традиционный характер. Сиротами в народе называют детей, не имеющих одного или обоих родителей. Об этом свидетельствуют чувашские пословицы: «Ребенок без отца – полусирота, без матери – круглый сирота»; «Отец умер – полусирота, мать умерла – совсем сирота» [2, с. 146]. В пословицах русского народа о сиротах говорится следующее: «Без отца – полусироты, а без матери – и вся сирота» [2, с. 146].

Ребенка, оставшегося без родителей, ожидала незавидная судьба. Об этом свидетельствуют пословицы чувашей, русских и татар: «Сиротой жить, слезы лить», «У сироты живот большой», «У сироты руки долги», «Сиротинка-ягненок пригодится на тулуп, сирота-паренёк – в солдаты», «Сироте и белую рубашку надеть – праздник», «Из птиц самая пестрая кукушка, а среди людей сирота самый горемычный человек», «Сирая скотина стала вожакom гурта,

сирое дитя – главой селения», «Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник», «Тогда для сироты пасха, когда белая рубаха», «Праздник сирот тогда, когда они надевают новую рубаху» [2, с. 18–19].

У государственных крестьян опека была нормирована по официальному законодательству специальным положением 1857 года. В «Общем положении о крестьянах» 1861 года, наряду с законодательным закреплением за миром традиционного права внутридеревенского распоряжения землей и функций хозяйственного регулирования общинным хозяйством, говорилось, что попечение о личности и имуществе малолетних сирот возлагается на сельские общества, а «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями» [4, с. 100–101].

Вопросы, связанные с назначением опеки над осиротевшими детьми, подвергались правовому урегулированию, прежде всего, по обычаям, действовавшим внутри крестьянских семей, тем более больших по численности и родственно – поколенной структуре. Обычай должен был нормировать возраст совершеннолетия и все ограничения прав, связанных с опекой. Так, у чувашей в конце XIX – начале XX вв. опека обыкновенно прекращалась в 21 год, с этого возраста опекаемый считался совершеннолетним [3, с. 122].

По чувашским обычаям, опека над имуществом малолетних сирот назначалась миром в случае смерти одного или обоих родителей и «даже при живой матери» [7, с. 48]. После смерти одного из родителей опека над детьми возлагалась на оставшегося в живых. В приговорах сельских обществ об учреждении опеки фиксировались постановления с учетом определенных обстоятельств. Если дети теряли своих родителей, учреждалась естественная опека со стороны их родственников.

Если родственники по каким-либо обстоятельствам (нездоровью, старости, материальном затруднении и пр.) отказывались от возложения на них забот над сиротами или родственников вообще не было, община обязывала наиболее благонадежных крестьян взять заботу по воспитанию и сохранению имущества осиротевших. В опекуны в этом случае могли быть назначены крестьяне, которые были известны своей честностью. Сельский сход при избрании и назначении опекуна обращал особенное внимание на то,

чтобы «избранник отличался всеми известною добросовестностью и был человеком, если не богатым, то, по крайней мере, состоятельным». Все это делалось ради того, чтобы «добросовестность удерживала его от хищения, а богатство личное делало бы такое хищение не нужным и лишним» [5, с. 197]. При назначении опекуна он «выбирался тем обществом, к которому принадлежал умерший» [7, с. 49–50].

В случае ранней смерти отца мать считалась естественной опекуншей своих детей, но без атрибутов отцовской власти. Поэтому сход решал вопрос об опекунстве в пользу матери, если в права последней и её детей вмешивались родственники или посторонние лица. При этом ей «из имущества, которого произведена опись, ничего не давалось, а могла только пользоваться долею имущества того из наследников, которого она брала к себе» [7, с. 51] при повторном выходе её замуж, в особенности в другую деревню.

Ежегодно сельский сход рассматривал в порядке надзора дела по установленной ранее опеке. Ограждая интересы сирот, общество наблюдало за тем, чтобы усадебный надел находился в пользовании сирот и их опекуна. Констатируя, что в действиях опекуна по распоряжению имуществом и хозяйством малолетних наследников никаких злоупотреблений и растрат или каких-либо неправильных действий в течение отчетного времени не обнаружилось, сход с общего согласия принимал постановление: действия опекуна / опекунши признать правильными, в чём и подписывались.

От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказываться, какой бы тяжелой и обременительной она ни была для них. Опекуны должны были одевать, обувать, кормить, исполнять повинности и заботиться о сиротах, как о своих собственных детях. На обязанности опекунов также лежали забота о здоровье детей, их воспитании и обучении. Кроме того, они брали на себя ответственность о сиротском хозяйстве.

Нормы обычного права определяли известное отношение опекуна к личности и имуществу опекаемого. Деятельность опекунов не могла быть подчинена какому-либо формальному контролю, так как регламентировалась условиями крестьянского хозяйства. По традиции, никакого вознаграждения за труды им не полагалось, это

считалось обычным делом. Но они имели право пользоваться душевым наделом сирот за известную плату, а остальные деньги клали в кассу.

В последней четверти XIX в. в практику опеки над малолетними детьми (особенно девочками) под воздействием государственного законодательства вошло в обиход по приговору сельского схода продавать движимое и недвижимое имущество опекаемых, а вырученные деньги отдавать в сберегательную кассу под проценты. Сельский сход принимал решения о продаже имущества малолетних сирот во избежание его прихода со временем в негодность. Иногда часть имущества или домашнего скота опекаемых шла на продажу, для удовлетворения нужд опекаемых. Проценты с вложенного в сберегательную кассу капитала шли на содержание сирот. Этими деньгами опекуны могли распоряжаться только в интересах опекаемых и только по приговору сельского схода, утвержденного земским начальником [3, с. 101].

Усадебная земля оставалась наследственной собственностью малолетних сирот. Земельные наделы могли поступать или в распоряжение опекуна, или в случае его отказа (преклонный возраст, нехватка средств платить за надел и т. п.) в распоряжение общества. Земельный надел сохранялся за наследниками в любом случае: проживали ли они в общине или вне её (в других общинах у родственников, на усыновлении и т. д.). Опекуны считались полным распорядителями земельных наделов своих опекаемых. Они обрабатывали их сами или отдавали в аренду по договорам.

По достижении опекаемыми гражданского совершеннолетия община освобождала себя от обязательств по их призрению, хотя по мере надобности могла контролировать раздел наследуемого имущества, выступать арбитром в спорных вопросах. При этом и опекун снимал с себя обязанности опекуна и предоставлял окончательный отчет о своей деятельности по отношению к опекаемым. Несмотря на назначение опекунами толковых людей мира, опека открывала широкие возможности для злоупотреблений. Некоторые опекуны ухитрялись нагреть руки с сиротского добра, да притом так устраивали дело, что поймать их на мошенничестве было невозможно. Владея земельным наделом сирот, опекуны получали определенную выгоду, хотя, по существу, не занимались судьбой

опекаемых и надзором за его имуществом, а сами при этом нередко использовались на тяжелых работах.

Опекун при производстве опеки и оценки имущества умершего принимал всевозможные меры к тому, чтобы общество не всё имущество внесло в опись и оценило его дешевле действительной стоимости. Это делалось с целью, чтобы вещь, не внесенная в опись, можно было или употребить в свою пользу, в случае растраты имущества опекаемых уплатить им меньше той суммы, какую он выручил от продажи имущества последних. Особенно много было таких опекунов у детей богатых родителей. При выявлении таких фактов дела передавались в волостное правление. «Опекун, – писал исследователь юридического быта чувашей В.К. Магницкий, – официально назначается, но свою деятельность проявляет тем, что владеет земельным наделом, а малолетние живут или у кого-нибудь из родственников, или одножителей ради рабочих рук. Имущество сирот, если оно осталось у них после родителей, или поступает к тем лицам, у кого они живут, или растаскивается бесследно» [6, с. 64–65].

С развитием товарно-денежных отношений опека над сиротами становилось далеко не такой бескорыстной, как это могло показаться на первый взгляд. Определённая часть общинников, прежде всего зажиточная верхушка, начала использовать их в своих целях. В среде опекаемых начали появляться нищие. В целом в конце XIX – начале XX в. наблюдается усиление контроля за практикой решений крестьянских обществ по опеке со стороны местной и губернской администрации и уменьшение роли сельского схода и, в конечном счете, обычного права. Все имущественные сделки, касающиеся продажи недвижимости опекаемых (дома, овины, мельницы и пр.), могли совершаться только по предъявлению земского начальника и только с разрешения губернского присутствия.

Таким образом, в пореформенной деревне опека являлась важной формой имущественных отношений крестьян и выступала гарантом хозяйственной поддержки в поземельной общине.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 1328 с.
2. Романов Н.Р. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Н.Р. Романов. – Чебоксары, 2004. – 349 с.

3. Денисова Н.П. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Н.П. Денисова. – Чебоксары, 1986. – С 112–144.

4. Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX в. // Этнографическое обозрение. – 1999. – №5. – С. 97–108.

5. Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В.Н. Майнов. – Саранск, 2007. – 296 с.

6. Петров Н.А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – в начале XX вв. / Н.А. Петров // Семья в России. – 2001. – №1. – С. 60–72.

7. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. – Т. 184.

Рокина Галина Викторовна

д-р ист. наук, профессор

Сутырина Ольга Николаевна

канд. ист. наук

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И УПРАВЛЕНИЕ
ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ)**

***Аннотация:** в Российской Федерации межнациональное и межконфессиональное согласие является безусловным авторитетом в проведении национальной политики. В статье рассмотрены основные нормативно-правовые документы, которые регламентируют проведение в Российской Федерации национальной политики и управление органами исполнительной власти этно-конфессиональных отношений.*

***Ключевые слова:** национальная политика, управление этноконфессиональными процессами, Стратегия национальной политики РФ.*

Российская Федерация исторически стала общим домом для сотен народов и этносов, принадлежащих к различным конфессиям. Для того, чтобы своевременно реагировать на новые проблемы и

острые вызовы четыре года назад в Российской Федерации утверждена Стратегия государственной национальной политики, создано Федеральное агентство по делам национальностей, а власти на местах наделены соответствующими полномочиями в сфере межэтнических отношений. Принципиальным вопросом является координация органов власти, которые реализуют государственную национальную политику. Особое место в управлении этно-конфессиональными отношениями занимают российские регионы – национальные республики. К ним относится и Республика Марий Эл, в которой основным органом исполнительной власти, напрямую ответственным за реализацию Стратегии национальной политики РФ, является Министерство культуры, печати и по делам национальностей. Вопросы реализации национальной политики в Республике Марий Эл неоднократно являлись предметом научных изысканий ученых [8–11], исследования которых послужили научно-методической основой для открытия в Поволжском государственном технологическом университете на факультете управления и права магистерской программы «Национальная политика РФ и управление этноконфессиональными отношениями».

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, население Республики Марий Эл составляет 696 тыс. человек. В Марий Эл проживает более 50 национальностей, в том числе: русские – 45,1 процента, мари – 41,8 процента. Необходимо отметить, что на территории республики компактно проживают татарская – 5,5 процента (38,3 тыс. человек), чувашская – 0,9 процента (6 тыс. человек) и удмуртская 0,3 процента (1,9 тыс. человек) общины [1, с. 34].

Реализация государственной национальной политики в Республике Марий Эл осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законодательством, Конституцией Республики Марий Эл и республиканскими нормативными правовыми актами. Так, согласно Конституции Республики Марий Эл государственными языками Республики Марий Эл являются марийский и русский языки, гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по

признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, закреплено право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также право народов на развитие национальной культуры, языка и традиций [2, с. 13–16].

Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 №290-III «О языках в Республике Марий Эл» направлен на создание условий для сохранения и равноправного, самобытного развития языков [3].

Законом Республики Марий Эл от 06.03.2008 №5-З «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл» установлено, что текст нормативного правового акта Республики Марий Эл должен быть отредактирован в соответствии с правилами грамматики русского языка. Законы Республики Марий Эл публикуются на государственных языках Республики Марий Эл [4].

В соответствии с Законом Республики Марий Эл от 01.08.2013 №29-З «Об образовании в Республике Марий Эл» в Марий Эл гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Республика Марий Эл обеспечивает создание условий для изучения и преподавания русского и марийского языков в государственных образовательных организациях Республики Марий Эл и муниципальных образовательных организациях, а в местах компактного проживания представителей иных национальностей – их родного языка. Право граждан на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, условий для их функционирования, а также подготовкой специалистов, осуществляющих образовательный процесс на языках народов, проживающих в Республике Марий Эл, и изданием комплекта учебников и учебных пособий [5].

Концепция государственной национальной политики Республики Марий Эл, утвержденная Указом Главы Республики Марий Эл от 08.05.2015 №113, служит основой для координации деятельности органов государственной власти Республики Марий Эл, государственных органов Республики Марий Эл и органов местного

самоуправления в Республике Марий Эл, их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Республики Марий Эл [6].

Основным ресурсным инструментом обеспечения реализации государственной национальной политики Утвержденная постановлением Правительства Республики Марий Эл от 8 октября 2012 г. №387 государственная программа Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2020 годы» представляет [7].

Таким образом, все указанные нормативные правовые акты Республики Марий Эл, регулирующие межнациональные отношения, соответствуют Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, а также целям, задачам и основным направлениям Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Список литературы

1. Рокина Г.В. Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи города Йошкар-Олы / Г.В. Рокина, О.Н. Сутырина. – Йошкар-Ола, 2013. – 160 с.
2. Конституция Республики Марий Эл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
3. Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 №290-III «О языках в Республике Марий Эл» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
4. Закон Республики Марий Эл от 06.03.2008 №5-3 «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
5. Закон Республики Марий Эл от 01.08.2013 №29-3 «Об образовании в Республике Марий Эл» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
6. Указ Главы Республики Марий Эл от 8 мая 2015 г. №113 «О Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
7. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 октября 2012 г. №387 «О государственной программе Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.portal.mari.ru/pravo
8. Рокина Г.В. Стратегические подходы к законодательному и ресурсному обеспечению государственной национальной политики Российской Федерации // Инновационные технологии управления и права. – 2012. – №3 (4). – С. 6–10.
9. Рокина Г.В. Этноконфессиональная политика в Республике Марий Эл // Традиции и новации в духовной и политической культуре постсоветского периода: сфера этноконфессиональных взаимодействий. – Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – С.123–130.

10. Рокина Г.В. Поликультурная картина Республики Марий Эл накануне все-российской переписи населения 2010 года // История идей и история общества: Материалы всероссийской научной конференции / Отв. редактор В.Н. Ерохин. – Нижневартовск, 2010. – С. 189–191.

11. Рокина Г.В. Национальные и конфессиональные исследования в Республике Марий Эл // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. – Чебоксары: Чувашский госуниверситет, 2010. – С. 440–445.

Ялтаев Дмитрий Анатольевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧАСТИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60–70-х гг. XIX ВЕКА

***Аннотация:** в данной статье автором приведены факты участия губернского статистического комитета в этнографическом описании народов Казанской губернии и сборе сведений об археологических памятниках в 60–70-х гг. XIX в.*

***Ключевые слова:** Казанская губерния, Н.Н. Вечеслав, органы статистики.*

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15–11–21003.

Без статистических данных, особенно отраженных в переписях населения невозможно представить ни одну современную научную работу по этнологии. Еще во второй половине XIX в. под влиянием роста интереса к изучению народов, населявших Россию, начали активно развиваться такие научные направления, как демография, историческая география и статистика. Особую роль сыграли губернские статистические комитеты, которые по своей профессиональной направленности изначально ориентировались на обследование состояния различных групп населения на подведомственной им территории. Для экономического и политического прогнозирования развития региона требовалось четко понимать культурные и исторические традиции населявших их народов. К тому же именно

эти органы власти издавали памятные книжки, где помимо официальных данных публиковались статьи по истории и современному состоянию губерний. В Казани действовал университет, что естественным образом влияло на высокий научный уровень изучения местных народов.

Изначально многое делалось с подачи общеимперских учреждений статистики. В 1863 г. собирались национальные образцы предметов быта для Московской этнографической выставки. Помимо этого, по предложению Центрального статистического комитета от 27 января 1863 г. в Казанской губернии предприняли ряд археологических исследований по разосланным тогда особым программам с целью составления карты губернии с показанием распределения курганов и городищ. При этом в архивах данные материалы не отложились. Подобная работа проводилась и в 1871 г. для организации экспозиции на Московской политехнической выставке 1872 года. 28 марта 1878 г. Центральный статистический комитет в своем циркулярном письме попросил оказать содействие обществу любителей естествознания при Императорском московском университете к устройству антропологической выставки 1879 г. По программам Комиссии этнографического отдела выставки был собран большой материал по археологии и этнографии Казанской губернии. Составили списки курганов и древних городищ, разбросанных по губернии, изготовили их планы и чертежи. К сожалению, эти материалы не были опубликованы [2, л. 9].

С 1862 г. по январь 1883 г. секретарем губернского статистического комитета состоял надворный советник Николай Николаевич Вечеслав, умерший в октябре 1883 г. Практически все обобщения статистических исследований производил он лично. Только в 1874 г., когда вследствие отношения Департамента мануфактур пришлось собирать материалы по кустарной промышленности Казанской губернии, был приглашен к сотрудничеству Е.Т. Соловьев [2, л. 8]. Н.Н. Вечеслав почти завершил большую работу по составлению подробной этнографической карты губернии. Есть сведения, что его перевели в Симбирскую губернию [3, с. 138]. При выходе в отставку все материалы он изъясил из дел комитета. В итоге карта после его смерти затерялась.

В 1867 г. Н.Н. Вечеслав занялся разбором архивных дел упраздненных тогда судебных мест, им были сделаны извлечения из

наиболее важных и интересных дел для печати в местных Губернских ведомостях. Также по итогам работы опубликовали две брошюры, уже тогда ставшие библиографической редкостью: «Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии» (Казань, 1874); «Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью европейской России и государств Западной Европы» (Казань, 1882) [л. 11–12].

Губернский статистический комитет никогда не заключал договоров о содействии с другими учреждениями на условиях материального поощрения. Прибегали к помощи городских и земских учреждений на безвозмездной основе. Часто сбором первичных сведений занималась уездная полиция. Например, в 1878 г. полицейский надзиратель г. Цивильска получил предписание оказать всяческое содействие Торстену Аминову, лектору финляндского кадетского корпуса, для «лингвистического и этнографического исследования между вотяками» [4, с. 50].

Итогом работы губернского статистического комитета стал выход в 70-х гг. XIX в. ряда сборников трудов и статей в памятных книжках, которые по сей день являются основой изучения этнографии и археологии народов Среднего Поволжья.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 354. – Оп. 1. – Д. 13.
2. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 359. – Оп. 1. – Д. 72.
3. Валеева Ю.Н. Библиотека Казанского губернского статистического комитета: особенности организации фонда / Ю.Н. Валеева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №1. – С. 137–143.
4. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 гг. / Д.А. Ялтаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 156 с.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ,
ИСТОРИИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.Ф. КАХОВСКОГО И 60-ЛЕТИЮ ЧУВАШСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)**

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции
Чебоксары, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова», 20 декабря 2016 г.

Редактор *О.Н. Широков*

Компьютерная верстка и правка *С.Ю. Семенова*

Подписано в печать 13.01.2017 г. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 13,2525. Заказ К-173. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
8 800 775 09 02

info@interactive-plus.ru

www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru